

*В волнениях
жизнейского
моря*

ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИЗЕН

Вильгельм Фризен родился 25 сентября 1921 г. в Крыму, умер 3 сентября 1971 г. в городе Ахангаране Ташкентской области (Узбекистан). Находясь в заключении (1961-1966 гг.), он описал свою жизнь с детского возраста. Господь помог сохранить эти записи и передать их на волю. До заключения он, быв инвалидом второй группы, часто лежал в больнице, но когда находился дома, то двери его дома почти не закрывались – столько было желающих побеседовать с ним или получить совет.

Дважды он был оторван от семьи, страдал за Слово Божие. Читая его рукописи, удивляешься, как много он помнил имён и фамилий, названий городов и сёл и т.д. Закончив всего четыре класса школы, он довольно хорошо описал свою жизнь.

«Дети, будьте послушны, чтобы потом не жалеть, – часто повторял он, находясь в кругу своей семьи. – Я был очень непослушным, часто огорчал свою маму. О, если бы она была жива, я готов был бы носить её на руках!»

Дорогой друг!

Ты держишь в руках книгу, записи которой были написаны почти полвека назад и хранились у детей Вильгельма Фризен. Некоторые страницы были утеряны.

Все уцелевшие записи переработанны нами и собраны в книгу, которая и предлагается твоему вниманию.

Мы будем безмерно благодарны Богу, если из этой простой, без прикрас написанной жизненной истории, ты извлечёшь для себя хоть один полезный урок.

Да благословит тебя Господь!

Александр Фризен, Эрна Шульц (Фризен)
2010 г.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Глубокая ночь с 21 на 22 мая 1962 г. Нахожусь в тюремной больнице. Тишина, все спят, а от меня сон бежит, как будто не хочет знать, что моему больному сердцу нужен отдых. Сколько разных мыслей и вопросов тревожат мою душу, а сердце болит всё чаще и чаще, так как тоска по дому, жене и моим милым деткам очень велика. Когда наступает ночь и выключают свет, я думаю о них, и слёзы бегут по щекам. Так хотелось бы выплакаться с криком и рыданием, но кругом люди... Порой так неудобно бывает, когда после отбоя заходит санитар в палату, включает свет, а у тебя – заплаканные глаза.

Я пишу о санитаре Ванюшке, которого уже пять лет ждёт жена и двое детей, а ему ещё нужно отсидеть три года. И за что? За то что он с другом украл сорок рублей, и за это ему дали восемь лет, а другу – десять. Здесь много таких людей, которые отбывают большие сроки за очень незначительные преступления. И невольно встаёт вопрос: а я за что сижу? Я страдаю не как вор или разбойник, или посягающий на чужое, но как христианин, и меня ждёт великое воздаяние. Хотя здесь очень тяжело и скорбно, но лишь бы кто не восхитил венца моего. Награда ждёт – и очень скоро.

Я всё думаю, как там моя бедная жена, сколько ей приходится нести, ведь она осталась одна с девятью детьми. Также тревожит меня и то, что многие верующие уезжают из Челябинска. Моя сестра Мария, которая недавно была у меня на свидании, сказала, что многие советуют и моей семье поменять место жительства, но куда же они поедут? Теперь живут в благоустроенной квартире, а если переедут в другое место, то что их там ждёт? О Боже, умудри, дай откровение свыше, как поступить? И вот я мечусь на больничной койке, и если бы не Господь, то не смог бы я всё это вынести, но Он – моя помощь и щит.

20 июня 1962 г. Здоровье моё немного улучшилось, а перед этим было очень плохо. Выйдя из больницы, 11 июня, я чувствовал себя хорошо, кушал с аппетитом, даже съедал всю пайку. Сам удивлялся.

Вскоре после выписки меня послали на кухню чистить картофель. Казалось, не тяжёлая работа – почистить семь мешков на бригаду, но чистить картошку мы закончили только в четвёртом часу ночи. Я сильно устал и подумал, что последствия могут быть плохими.

Четырнадцатого – опять семь мешков, это один мешок на человека. На другой день я сидел в кухне в ожидании картофеля (его привозили из-за зоны на лошади). В кухне также находился бригадир культбригады из Коркино, который хорошо знал Сашу Далингер. Этот бригадир до заключения сильно пил, здесь же этой возможности не было, поэтому он был очень нервный, продажный и наблюдал за мной, чтобы доносить оперу.

В это время мимо проходила врач, посмотрев на меня, она остановилась и говорит:

– Бригадир, Фризена надо освободить от чистки картофеля.

– Как это освободить? – возразил он. – И так некому чистить, а картофеля много!

Тогда она строго сказала:

– Я отстраняю Фризена от работы.

На это бригадир с недовольством ответил:

– Ну что ж, раз врач сказала, ничего не поделаешь.

И вот ранее назначенное мне личное свидание на 24 июня, «по милости» этого бригадира, было отменено, так как он что-то наговорил на меня начальнику ИТК.

28 июня меня посетила моя сестра Зара, с ней приехал брат Андрей Фризен, но его я видел только через проволоку. Ему не разрешили зайти. Зара сообщила мне о том, что дети Божии усиленно молятся и постятся обо мне. Господь услышал их молитву и явил мне великую милость. Меня вызвал начальник лагеря и спросил, согласен ли я работать коптёрщиком. Я мысленно возблагодарил Господа, так как давно мечтал о работе в коптёрке, там можно петь и молиться сколько хочешь.

– Если согласен, то принимай склад, – сказал начальник.

24 сентября была у меня моя жена Вера с дочкой Машенькой, которую я взял на руки, и она, моя доченька, так странно посмотрела на меня, что я едва сдержал слёзы. Долго она так сидела на коленях и подозрительно смотрела на меня, но примерно через час стала меня обнимать и целовать. Бог по Своей милости дал нам возможность быть вместе целых четыре часа! Когда Вера заходила в двери КПП, я увидел брата Андрея Винс и Оскара Вольф, которые приехали с ней, но их не пустили.

На другой день, перед обедом, всех заключённых вызывали к врачу. Я зашёл последним. Врач, взяв мою историю, спросил о самочувствии. Потом поинтересовался, кто был у меня на свидании.

– Была жена, – сказал я.

– А ещё кто?

– Дочка, – говорю, – была.

Немного помолчав, он спросил:

– И больше никого не было?

Я ответил, что были братья по вере, но я их видел

только через забор. Он видимо искал повод начать со мной беседу о Боге. В ходе беседы врач сказал, что если я не отрекусь от Бога, то меня и через пять лет не освободят. Но в конце беседы он, как бы извиняясь, успокоил меня:

– Не волнуйтесь, пять лет отсидите и пойдёте домой.

Любой корабль, плывущий в море, ощущает морские волны, поднимаемые ветром. Так и мой бедный челнок, плывущий среди житейских волн, разве не ощущает их? Только и ждешь, чтобы Господь дал повеление морю утихнуть. Бог мой не допустит больше бури, чем мой челнок может выдержать. Как написано: «...Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10:13). И скоро, очень скоро мы пристанем к берегу, и все волны и бури умолкнут в вечной тишине. Тогда будем вспоминать, как сквозь сон, что вроде где-то когда-то что-то было, мы о чём-то переживали, чего-то боялись...

25 сентября 1962 г. Год назад в это время мы с братом Ваней Буллер, Эрихом и братом Андреем находились на пересылке и отмечали мой день рождения. Сегодня же я нахожусь в Исправительно-трудовой колонии-16. После всех бурь и гроз наступило тихое и спокойное время. Только большой тяжестью лежит у меня на сердце вопрос моей жены, который она задала мне на свидании: почему ей так тяжело? Девять детей, больной муж и даже положенного личного свидания на трое суток не дают. Всё это побуждает меня усиленно молиться за неё. Я напомнил ей об Иове, который сказал своей жене: «Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» (Иов. 2:10)

14 октября 1962 г. Ждал писем, но их опять нет. Я взял папку с фотографиями, но смотреть не смог, так как на первой фотографии увидел Димочку и слёзы потекли из глаз. Убрав папку на место, я лёг на кровать, отвернулся к стенке и долго, долго плакал. Рвётся сердце моё домой к вам, дорогие мои, но когда, когда это будет?

17 октября 1962 г. Перед ужином вдруг погас свет. Я долго сидел в своей коптёрке в темноте и играл на гитаре. Ужин задержался и я имел хорошую возможность пребывать в молитве и петь. По просьбе дочки Анны (об этом она просила в письме) спел псалом «Коль славен наш Господь в Сионе». Потом спел псалом «Да с Господом всегда» – и при этом вспомнил, как его пели на похоронах моего отца. Как давно это было! Мне тогда было всего шесть лет, а в памяти так хорошо хранятся события тех дней.

Вспомнил я также о молодости, которая, к сожалению, почти вся прошла впустую. Однако я почти совсем не могу припомнить наставлений своего отца, поэтому и решил я вам, мои дорогие дети, описать мою жизнь. Пусть это будет для вас памятью обо мне. То, что найдёте хорошим, делайте, а плохому не подражайте.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ АЙВАЗОВСКОГО

Ещё в молодости, будучи в небольшом портовом городе Феодосии, в Крыму, я зашёл в картинную галерею И.К.Айвазовского. Картина «Буря на море», написанная художником Айвазовским, произвела на меня глубокое впечатление. На этой великолепной картине изображена как бы вся жизнь человека, от рождения до смерти.

Художественная галерея расположена на одной из улиц, примыкающих к набережной. Отсюда хорошо виден небольшой, очень красивый порт. Особенно величественно смотрится маяк со своим молотом – «каменным валом», который тянется, как белая лента, вглубь моря, тем самым образуя грань бушующим, порой очень свирепым волнам, как бы говоря им: доселе, и не далее!

Со стороны морских глубин мол днём и ночью омывается волнами, готовыми поглотить его, но он прочно уложен из больших глыб, которые удерживают волны. Много труда было вложено в построение этого сооружения, особенно при той технике, в прошлом столетии. Берег был отмельный, и его пришлось засыпать, пока была достигнута достаточная глубина для подступа кораблей к причалу.

Если стоять на краю пристани и глядеть в воду, видна морскую траву, ползающих крабов и плавающих рыбок. Вода очень чистая, так что хорошо видно дно, но определить глубину неопытному глазу трудно. Человеку свойственно ошибаться, особенно, когда у него очки, через которые он видит всё наоборот, т.е. глубокое – мелким, высокое – низким, далёкое – близким, чёрное – белым и т.д. И как много сегодня таких людей, которые носят эти очки, одетые дьяволом!

Находясь на возвышенном месте у причала, человек на всё смотрит с гордостью, считая себя покорителем всего того, что он видит. Примером тому может быть царь, который сидит на высоком троне. Окружающие люди находятся у него в подчинении, а он смотрит на всех свысока и в собственных глазах поднимается всё выше и выше. Людей, просящих у него помощи и защиты, он считает ничтожными и недостойными получить ответ. И не думает сидящий на троне, что чем выше он поднимается, тем более тонкими и хрупкими становятся ножки его трона, и часто бывает, что ножки ломаются и сидящий так высоко падает очень низко.

Находящемуся же внизу некуда падать, потому что он и так в унижении. Когда он поднимает свой взор и смотрит на стоящих сверху, они кажутся ему величественными и сильными. Когда человек находится наверху у какого-нибудь колодца, а внизу кто-то трудится, то стоящему сверху легко бросить камень на нижнего, или даже зарыть колодец, закопав его заживо. Но стоящий снизу этого сделать не может.

При входе в картинную галерею – довольно просторный зал, взгляд посетителя невольно останавливается на очень большой картине, распростёртой почти от одной стены до другой. Это своего рода панорама, но сравнительно немного людей останавливается перед ней. Мы же задержимся и постараемся внимательно рассмотреть и понять, что художник хотел выразить этой картиной. На ней изображён солнечный берег, бушующее море, а в нём – гибнущий корабль. Красиво, очень красиво написано.

С левой стороны картины видим берег, отмель. Солнечные лучи огоньками сверкают в серебристом песке – всё это так красочно, как в саду Эдемском! Когда глядишь на эту красоту, в мыслях рождается своя картина. Бог дал человеку удивительную способность – рассматривая произведения других, рисовать что-то своё. И вот, в воображении представляется другой берег, где

начинается жизнь, и на этом берегу каждый обязан однажды быть, т.е. все мы когда-то и где-то родились. О, как радуется мать, когда на свет рождается маленький человек! А сколько радости он приносит родителям, когда делает первые шаги и говорит: мама, папа! Проходит немного времени, и он уже играет в песке, не зная ни горя ни забот, а где-то совсем рядом ревёт и бушует море.

Ребёнку, наигравшемуся в сухом песке, становится жарко, да и пирамидки из сухого песка рассыпаются. Сделав несколько шагов к морю, он обнаруживает, что здесь песок влажный и строить из него домики намного легче, – и чем ближе к морю, тем прохладней. Вскоре он понял, что барахтаться в воде намного интереснее, чем строить пирамидки. И вот он уже по колено в воде, потом ещё глубже, и мы видим его уже плавающим.

Обычно родители, стоя на берегу, любят свои дети, радуются и гордятся ими, но это до времени, пока дети у них в повиновении. Проходит время, и уже повзрослевший ребёнок начинает делать дальние заплывы. Ему нравится, когда волны бросают его то вверх, то вниз. И когда он отплывает далеко от берега, то уже не слышит голоса родителей, его зовёт и манит огромное море. Вскоре мы видим его уже в челноке, отплывающим всё дальше от берега. Родители, стоя на берегу, зовут и просят его остаться с ними. Он же с улыбкой, полный сил и уверенности, машет им на прощание рукой и уплывает.

Рассматривая картину дальше, мы видим, что корабль находится в бушующем море. Его кидает то вверх, то вниз. Волны ударяют и бросают корабль так, что кормчий уже не в силах удержать его. Он старается принять волны то в киль, то в корму, надеясь этим спасти его, но увы, все старания напрасны! Корабль терпит крушение. В этой великолепной картине отражена вся жизнь человека, от его рождения до смерти.

Выйдя из картинной галереи, мы опять попадаем на

шумные улицы маленького городка. Этот шум – не от стука колёс трамваев, там таковых нет, да и город не такой уж многолюдный. Это шумит Чёрное море, ударяясь своими волнами о каменную ограду набережной.

В ВОЛНЕНИЯХ ЖИТЕЙСКОГО МОРЯ

*Эта автобиографическая повесть
была написана напой от третьего лица.*

В сорока пяти километрах от Феодосии, вблизи Сиваша, расположена деревня Ференгейм. Если отправиться от ближайшей железнодорожной станции Громотиково в направлении этой деревни, то на пути встретится населённый пункт Окрек, примыкающий к Громотиково. За ним на пригорке стоят высокие тополя, за которыми видна ветряная мельница, а слева – жилые дома с пристройками. Если подойти ближе к пригорку, издали слышится жабий концерт. Дальше дорога идёт в тени тополей, где чувствуется дуновение влажного ветра, свидетельствующего о находящейся рядом воде.

Вода запружена в больших отсеках, ограждённых земляными валами. Таких отсеков тут много, и они служат запасом воды для полива огородов. Минувя приятный, тенистый холодок, опять попадаешь на солнце, а ещё надо преодолеть перевал и обойти голландскую мельницу, за которой открывается пейзаж деревни Ференгейм. На переднем плане, словно исполины, стоят пять больших домов с пристройками и высокими железными ветрогонами. Дома эти сложены из ракушечного, пилёного камня, они очень прочные и тёплые.

В одном из таких домов в сентябре 1921 г. началось радостное и, в то же время, горестное детство малыша Вильгельма. 1921 год был очень тяжёлый, и возможно, появление крикливого младенца 25 сентября не очень обрадовало родителей. Но как бы то ни было, он родился на свет Божий, как рождаются все люди, и начал дышать тем же воздухом.

Обычно в больших семьях младшие пользуются льготами, но этого не замечалось по отношению к

Вильгельму, который был последним, двенадцатым ребёнком. Он почти не помнил, чтобы кто-нибудь из старших приглубил или приласкал его.

Однажды в саду старшая сестра Мария играла с ним в прятки, бегая между кустарниками и деревьями, и эта игра с сестрой осталась глубоко в памяти Вильгельма. Был ещё один случай, когда Мария оказала ему внимание. На Рождество Христово все деревенские дети собрались в большом зале школы, где была уставлена великолепно украшенная ёлка, на которой горели свечи. Взрослые подарили детям кульки с лакомствами, и придя домой, все с нетерпением ждали следующего утра – дома также зажигались огни на ёлке и дети снова получали подарки.

Перед сном дети ставили свои тарелки в одной из комнат – на круглый стол. Где-то втайне хранилась заранее приобретённая ёлка. Так хотелось поторопить время, чтобы быстрее прошла длинная ночь и наступило радостное утро!

Младшие пошли спать, а матери и старшим детям было не до сна: надо было украсить ёлку и разложить приготовленные подарки.

Рано утром, когда было ещё темно на дворе, кто-то просыпался первым и будил остальных. Дети гурьбой толпились в ожидании – когда же наконец откроется таинственная дверь, за которой так много радости? Вилли всё старался заглянуть в замочную скважину, пытаясь что-нибудь разглядеть.

И вот наконец открылась дверь – и все увидели украшенную ёлку. Воздух наполнился приятным запахомстряпни, корицы, ёлки и горящих свечей. Всё это было так празднично и торжественно, что Вильгельма охватила большая радость. Он увидел на ёлке много разных игрушек: зайчат, медвежат и другие сверкающие украшения. А вокруг, на столе, стояли полные тарелки с конфетами и пряниками!

Вильгельм, получив свои игрушки и сладости, хотел

выскочить из комнаты, потому что ему не терпелось остаться наедине со своими подарками. Но Мария задержала его и, вынув что-то из кармана, подала в подарок мальчику. Это была игрушечная жаба.

– А для чего у нее на животе пружина и чёрная смола? – с удивлением спросил Вильгельм.

– А вот, смотри, – сказала сестра и, взяв жабу, перегнула пружинистую железку, прижала её к смоле, потом посадила жабу на пол, жаба поднялась – и как прыгнет! А Мария как крикнет:

– Ух!

Все от неожиданности испугались, а маленький Вильгельм – больше всех.

В тот же день все пошли в молитвенный дом на Рождественское собрание. О чем там говорилось, Вилли не очень интересовало, его мысли занимала игрушка-жаба, которую он взял с собой. Во время собрания он сидел на скамейке рядом с сыном проповедника, который был немного постарше. Мальчики стали расспрашивать друг друга, что кому подарили. Вилли показал жабу, которую ему подарила сестра, и, немного отодвинувшись, натянул пружинку и посадил жабу. Соседский мальчик с любопытством смотрел, что же будет дальше? Вдруг жаба как прыгнет, а мальчик как закричит от испуга! И, конечно же, провинившийся Вильгельм был за это наказан. Кому смех, а кому слёзы!

В маминой комнате стоял комод, в нижнем ящике которого давно не убирали. В нём хранились всякие игрушки и безделушки, нужные и ненужные. Однажды мама сказала, что там надо навести порядок, но, сказав это, видимо, сама пожалела, так как Вилли не давал ей покоя, желая это сделать. Он надоедал маме до тех пор, пока она не согласилась. Довольный, что добился своего, Вилли пошел спать. Но утром в этом

ящике уже был порядок, его навела сестрёнка Зара, которая была старше его всего лишь на два года. Вильгельм оказался обманутым... Ему было больно и обидно, а Зара радовалась и поддразнивала его.

Как-то родители собрались в Феодосию за покупками. Вильгельм стал проситься:

– Мама, можно я поеду с вами? Я буду слушаться, не буду баловаться!

И эта просьба, как обычно, была неотступна. Ему казалось, если он чего-то захочет, то победа должна быть обязательно за ним. Вот и на этот раз он добился своего. Но решил быть настороже, чтобы опять не обманули, как случилось в прошлый раз. Однажды его тоже обещали взять с собой на станцию, но не взяли, – он стал плакать, рваться вслед и кричать, но всё было напрасно. Мама вышла через запасной выход, а перед мальчиком двери закрыли на большой засов и уехали без него. Крик, шум, битьё кулачками и ногами в дверь – всё было напрасно. На этот раз, по-видимому, решили успокоить ребёнка, а он всё же с недоверием смотрел то на маму, то на отца, но видя, что всё идёт нормально, успокоился. Его чистенько одели – в новые штанишки, ботиночки и прочее, после чего родители начали усаживаться на тачанку. Мама Вильгельма была очень грузной женщиной и с трудом усаживала к себе на колени кого-нибудь из детей.

Тачанка заметно наклонилась на бок, в сторону усевшейся матери. Рядом с мамой сел отец. Вильгельму досталось место у ног родителей, за передним сиденьем, где сидели два старших брата, которые погоняли лошадей. Довольный Вильгельм с радостью смотрел на сестру Зару, которой недавно разрешили убирать в комнате. Теперь она останется дома, а он уедет в город!

По дороге сделали остановку в какой-то деревне. Там была старая, запущенная церковь с заколоченными окнами. Старшие братья побежали осмотреть её. Вилли побежал следом, но, добежав до дверей, остановился,

так как братья уже поднимались по винтовой лестнице, ведущей к колокольне. Ходили слухи, что там, наверху, кто-то покончил с собой и после этого церковь перестала служить местом поклонения.

Немного отдохнув, продолжили путь дальше. Вскоре копыта лошадей перестали поднимать пыль, так как просёлочная дорога кончилась и тачанка легко покати-лась по городской улице. Проехав пригородные места, приблизились к центру города. Увидев большой дом, Вильгельм с удивлением вскрикнул и показал указательным пальцем – смотрите, какой большой дом!

– В городе пальцем не показывают, это не культурно, – сказал отец маленькому сынишке.

Эти слова глубоко запали в сердце ребёнка, быть может, потому что были немногими, полученными от отца. Пётр Андреевич ещё не был стар, но сильно болел астмой, от чего и умер. Вильгельм помнил, что больной отец редко выходил из дому и иногда прохаживался по двору. Однажды Вилли с одним мальчиком проказничали в амбаре и это заметил больной отец. Не в состоянии наказать младшего сына, он взял его за руку и повёл к матери, чтобы она его наказала. Мама тут же исполнила повеление мужа.

Приехав в центр Феодосии, остановились на заез-жем дворе, где распрягли лошадей. Вильгельм тут же стал бродить по улице, заглядывая в окна соседних домов. В одном помещении он заметил особое ожив-ление. Оказывается, это была папиросная фабрика. Мальчик долго и с любопытством рассматривал, как там, внутри, всё цокало и трещало.

На другой день родители разрешили старшим брать-ям идти купаться на Чёрное море. Вилли тоже стал проситься с ними, и братья взяли его с собой. Про-ходя по набережной, они увидели большой деревян-

ный дом, стоявший на сваях в море, метрах в пятнадцати от берега. К этому дому с набережной был проложен деревянный мостик. Дом был разделён пополам, а вглубь моря, от середины дома, стояли столбы и была протянута колючая проволока, разделявшая мужскую и женскую стороны.

Со стороны моря дверь дома вела в большую, длинную веранду, тоже разделённую. Кругом были скамейки, вешалки для белья и одежды. Ребята разделись и пошли к лестнице, чтобы спуститься в воду. Синие волны плескались у ног, было так красиво и хорошо! Вильгельм был очень счастлив, что братья взяли его с собой.

Недалеко от берега стояли два ограничительных столба, один поближе, другой подальше. Вильгельм был очень любознательным мальчиком, его всё интересовало. Так и здесь, увидев эти столбы, он решил добраться хотя бы до первого и стал заходить в воду, всё глубже и глубже. И вот вода уже дошла до груди, до шеи, он встал на цыпочки, а столб всё ещё был недоступен. И тут одна волна шлёпнула ему прямо в лицо. Если бы он мог плавать, то было бы не страшно, а теперь, что делать?! Шлёп – другая волна ударила по голове и горько-солёная вода попала в рот. Вильгельм стал захлёбываться и закричал.

К счастью, недалеко от него, плавал брат Ваня, который подоспел вовремя и подал ему руку. А если бы не оказалось Вани вблизи? Ещё немного – и море проглотило бы мальчика.

Недалеко от дома, где проживала семья Фризен, находилась деревенская школа, а за ней – усадьба, где часто собиралась детвора. И вот 1 мая 1928 г., в весенний солнечный день, дети весело играли на школьной поляне, собирали цветы, плели венки. Вдруг они увидели бегущую к ним сестрёнку Вильгельма, Зару.

– Вилли, папа умирает! – сказала она и быстро побежала назад.

Последнее время отец Вильгельма уже не поднимался с постели. Он чувствовал, что время его отшествия близко. Мама часто сидела у его кровати, и они тихо советовались, как ей жить дальше.

Утром первого мая отец, полусидя в постели, заметил, что его ноги начали опухать и холодеть. Опухоль поднималась всё выше и выше. Когда она дошла до колен, он попросил, чтобы его положили в постель.

Весть об умирающем Петре Андреевиче быстро облетела всю деревню. В соседней комнате собрался хор и начал петь псалмы. У изголовья отца стояла старшая дочь Лена, а возле неё мама. Это были тяжёлые минуты для всех, особенно для матери. Уходит из этой жизни её муж, как она теперь будет жить, с кем советоваться, делиться горем и радостью?

Отец умирал тихо и спокойно. Говорить он уже не мог, только смотрел то на дочку, то на жену, и вот его взгляд остановился на младшем сыне, который стоял у его ног. Кто знает, что думал умирающий отец, глядя на него!

Тихо пел хор. Дыхание умирающего становилось всё реже и реже. И вот он сделал последний вздох и умер. Ушёл, ушёл навсегда с этой скорбной земли. Лена наклонилась и закрыла глаза умершему отцу.

Весть о смерти Петра Андреевича разнеслась по всей окрестности. Он был известным, всеми уважаемым человеком. Даже татары из соседних сёл приехали, чтобы отдать ему последнюю честь.

Гроб изготовили очень искусно. Он был посыпан кусочками антрацита, который разбили и просеяли через сито, так что камушки остались размером не больше горошинки, и они были посыпаны на клей. В гроб положили тело отца. Его правая рука покоилась вдоль тела, а левая была приподнята на живот, и в ней – несколько живых цветов.

Траур. Все разговаривали шёпотом. «И почему так

тихо говорят, ведь мёртвого не разбудишь? Боятся что ли?» – думал Вильгельм.

В день похорон двое мужчин с широкими, чёрными повязками на рукавах, привели запряжённых в подводу, четырёх лошадей. Гроб поставили на подводу, и похоронная процессия двинулась со двора вдоль улицы. Вильгельм шёл рядом с мамой, которая держала его за руку. По дороге пели псалмы. Псалом «Да с Господом всегда» так и остался в памяти Вильгельма на всю жизнь.

Не доходя до конца улицы, свернули влево и пошли по аллее, ведущей на кладбище. А вот и кладбище, обнесенное оградой из пилёных, аккуратно выложенных камней. В середине забора находились чёрные ворота, через которые внесли гроб с прахом отца. На специально отведённом участке была вырыта могила. Рядом с ней были ещё три большие и одна маленькая могилка. В первой могиле был похоронен брат Вильгельма – Яша, а во второй другой брат – Петя. Рассказывали, что Петя, говоря последнее слово у гроба брата Яши, в слезах вспоминал о том, как они ещё недавно вместе играли, делились горем и радостью. Потом он обратился ко всем стоявшим вокруг со словами:

– Вяжите венки человеку, пока он жив!

Воистину это так. Что пользы мёртвому от множества цветов, положенных на его могилу? Через короткое время Пётр заболел тифом и тоже умер, его похоронили рядом с Яшей. В третьей могиле была похоронена жена старшего брата Корнея, а в маленькой могилке – их ребёнок.

Гроб с телом отца поставили над могилой. После проповеди, под пение хора, закрыли гроб крышкой, забив её гвоздями, и тихо опустили на верёвках. Множество цветов бросали на гроб перед тем, как первые комья земли посыпались вниз.

Вильгельму было все интересно. Его глазки наблюдали за всем и спрашивали: а это зачем, это для чего? Вот он увидел, что дяденька взял четыре палочки и

воткнул их в каждый угол ямы, когда земля была засыпана уже доверху. Опять интересно – а зачем? Но тут он понял, что по ним определяется размер ямы и получается аккуратная могила.

На готовую могилу возложили много венков. И так, они оставили папу в сырой земле, а сами вернулись в тёплый, построенный им дом. Позже, обычно в субботний день, ходили на кладбище, приводили в порядок могилы, сажали цветы.

Недалеко от могилы отца стоял красивый мраморный памятник, окруженный кустами сирени, а рядом с ним – скамейка... И странно, как люди ни стараются украсить это место, называя его местом покоя, отдыха и другими словами, но всё-таки сторонятся его и не хотят туда.

Вдове Агнете Корнеевне было очень тяжело, особенно первое время после расставания с любимым мужем. Волны забот и переживаний бушующего моря захлёстывали её чёлн. Ей предстояла операция по удалению грыжи. В те времена эта операция была не так проста, особенно для неё, очень грузной женщины. Да и попасть в клинику хирурга было не легко. Надо было ехать в Украину, где работал очень хороший хирург по фамилии Теванис, который и сделал ей операцию, заодно разгрузив живот от нескольких килограммов жира. И эта операция в его жизни стала последней. Вскоре он простудился и скоропостижно умер.

Агнета Корнеевна приняла активное участие в изготовлении цветов для его похорон. Похороны были весьма большие, так как этот человек был известным хирургом. Под его руководством в больнице был идеальный порядок. Никому не разрешалось в своей обуви переступать порог хирургического отделения. Кругом были ковровые дорожки. Медсёстры и ня-

нечки быстро носились по коридору, разговаривали только вполголоса. У каждого тяжело больного на тумбочке стоял звонок, стоило только к нему прикоснуться – как няня была уже тут как тут. Всё это рассказала мама Вильгельма, когда приехала из больницы домой.

Чувствуя отсутствие отцовской строгости и материнскую слабость Вильгельм становился всё капризней и настойчивей. Если ему не удавалось сразу добиться того, что он хотел, он до тех пор надоедал матери, пока она не сдавалась.

Однажды в воскресенье ребята, играя в большой скирде соломы, вырыли там пещеры, влево и вправо, которые потом соединялись. Скирда была громадной, так что места хватало. Во время игры Вильгельм споткнулся и упал, растянувшись на земле и при этом вывихнул большой палец на левой руке. Сколько было крика! Путь был один – быстрее к маме.

Мама, увидев такое горе, взяла немного жира и принялась вправлять вывихнутый палец. Вильгельм, не в силах выдержать такую пытку, думал – к маме прибежал, чтобы она пожалела, а она причиняет ещё большую боль! Но мама, видя, как сын всячески выворачивается, попросила держать его, а сама продолжала тянуть и массировать палец, пока не поставила его на место. Вильгельма бросало то в жар, то в холод. После этой ужасной процедуры, ему было уже не до игр, он убежал и зарылся в постель.

Овдовевший, старший брат Вильгельма – Корней, познакомился с девушкой из далёкой Кубани. Вот и предоставилась возможность съездить к будущей родне

в гости. Собираясь в эту поездку, мама решила взять с собой Вильгельма. Это было большой радостью для него. Поездка оказалась очень интересной, ехать нужно было на поезде, что для мальчика было впервые, да ещё так далеко. Вильгельм, как и все дети, с любопытством смотрел в окошко вагона.

Прибыв на железнодорожную станцию Богословская, они сошли с поезда и отправились в немецкую колонию Великокняжеское. Стоял жаркий августовский день. Идти надо было по длинным улицам, утопающим в фруктовых садах. Для Вильгельма всё было интересно и ново.

Великокняжеское разделялось на верхнюю и нижнюю части. Находясь в верхней части колонии, можно было рассматривать нижнюю – с её длинными, двухкилометровыми, прямыми улицами. Всего было двенадцать улиц, три школы и несколько двухэтажных домов. Погостили в прекрасном фруктовом краю, поели вкусных плодов и опять вернулись домой.

Время шло. Прежние строгости по отношению к Вильгельму ослабевали. Раньше ему можно было играть с соседскими ребятами только по воскресеньям, а теперь он стал уже и в будние дни играть на улице.

Часто мальчишки ходили купаться на Сиваш. Вода в Сиваше была очень солёной, так что соль можно было собирать лопатами. Если песком из этого озера посыпали дворы, то там уже трава не росла. Ничего живого в Сиваше не было.

Обычно, идя купаться на Сиваш, ребята заранее договаривались между собой – не брызгаться, чтобы горько-солёная вода не попала в глаза. Искупавшись, бежали к артезианской, пятидюймовой трубе, откуда напором била чистая, прохладная вода. Там, обмывшись от соли, возвращались домой.

Как-то ребята завели разговор о лошадях.

– Наши лошади лучше ваших, – сказал один мальчик, Вениамин. Вильгельм же стал хвалить своих лошадей.

– Давай устроим скачки! – предложил Вениамин. – И ты увидишь, как я тебя обгоню!

– Как бы не так, не обгонишь, – ответил Вильгельм.

Они договорились попросить дома лошадей и встретиться у выгона. Придя домой, Вильгельм обратился к маме с просьбой – дать ему Анютку. Эта лошадь, по мнению Вильгельма, была лучшей. Смиренная, длинноногая, с большой лысиной на лбу, она была любимицей Вильгельма, и ему казалось, что только на ней он сможет одержать победу.

Мама в недоумении посмотрела на сына и спросила:

– Это ещё что такое? Тебе – лошадь?! Да ты ведь упадёшь с неё!

– Нет, мама, ведь я уже ездил на ней верхом!

Но мама была неумолима, и уже казалось, что спор с Вениамином напрасен. Это значило, что проиграл Вильгельм, но он, не желая оставаться в проигрыше, снова и снова просил маму. А она, уж и не зная, как отговорить сына от этой затеи, послала его к старшему сыну – Корнею. Но Корней тоже не решился на такой шаг. Он пошёл к маме, и через некоторое время они вышли вместе. О чём они говорили, Вильгельм не знал, но было ясно: он добился своего!

Брат вывел из конюшни Анютку, обуздал ее и, приподняв Вильгельма, посадил на лошадь. Маленький всадник поскакал со двора вдоль улицы, на выгон. Вениамин, как джигит, уже стоял в ожидании. Договорились у колодца сделать старт, а начало выгона – финиш.

Переговариваясь между собой, Вениамин и Вилли направились к колодцу, там они встали рядом и по команде: «Раз, два, три!» – рванули с места. Вильгельм, как мог, поддавал в бока своей Анютке маленькими ножками. Чувствовала она это или нет, неизвестно, но

победа была за ним. Вениамин же не хотел признать свое поражение.

– До трёх раз надо, – сказал он. – Первый раз – не в счёт!

– Ладно, – согласился Вильгельм и сделал поворот к колодцу.

Но и на этот раз он первым оказался у цели. В это время к ним прискакал на своём коне двояродный брат Вильгельма.

– Я кормил лошадей и увидел вас на скачках, – сказал он, – давайте-ка я с вами попробую, посмотрим чья возьмёт!

И вот они все трое встали в ряд у колодца и по счёту: «...три!» – лошади рванули вперёд. Вильгельм изо всех сил стремился к победе, но двояродный брат мчался стрелой наравне с лошадьё Вильгельма, а в середине пути стал его обгонять, это заставило мальчика быстрее подгонять свою кобылу.

Анютка как будто понимала, что ей надо первой достигнуть цели, и развила такую скорость, что Вильгельм уже не мог удержаться у неё на спине. От сильной тряски он оказался на шее лошади, которая вдруг резко опустила голову, и Вильгельм с треском шлёпнулся на землю. И это у самого финиша!

Двояродный брат, взявший приз, даже не остановился и, не сбавляя скорости, помчался к своему дому. Анютка же, оставив своего всадника, тоже усккала. Вильгельм кое-как поднялся, чувствуя сильную боль в области ключицы. Весь в слезах, вернулся он домой, а мама стала ругать его:

– Я ведь говорила тебе, что ты ещё маленький!

Подозвав к себе сына, она хотела приподнять его, но страшная боль заставила Вильгельма закричать так, что было слышно во всем доме. И тут мама поняла, что это не вывих, как было с пальцем, а перелом, и надо срочно ехать к костоправу.

Тёмная ночь. Лошади, подгоняемые старшим бра-

том, бежали вперёд. Вильгельм лежал на сиденье табачки и стонал. Он так и не понял, куда его везут и где живёт костоправ. В одном месте проезжали рядом с железной дорогой, по которой как раз в это время шёл пассажирский поезд. Стараясь отвлечь внимание Вильгельма от боли, брат сказал:

– Посмотри, сколько сверкающих вагонов!

Но Вильгельму было так больно, что ему было не до вагонов. Наконец прибыли на место, но костоправа дома не оказалось. Пришлось ждать, пока он вернётся. Когда он пришёл, ставни и двери в доме закрыли, потому что делалось это нелегально.

Проверив плечо, костоправ сказал, что у Вильгельма перелом ключицы. Затем разбил куриное яйцо, тщательно смазал область ключицы и начал свою работу, а Вильгельм тоже начал свою работу, только не руками, а горлом, издавая различные звуки. Это было уже не катание на лошади, а катание на стуле...

Долгое время после этого он не мог владеть рукой, но со временем всё срослось благополучно.

Однажды ночью Вильгельм, спавший в комнате матери, по какой-то причине проснулся и заметил в окне необычный свет. От испуга он начал кричать и своим криком разбудил маму, которая в ужасе кинулась к окну. За окном бушевало пламя, горела крыша кухни.

Несмотря на ночное время, весть о пожаре быстро облетела всё село и народ тут же собрался с разным инструментом для тушения огня. Однако, как ни старались мужчины потушить огонь, это им не удалось, от кухни остались одни чёрные, обгоревшие балки и голые, облитые водой, промокшие стены. Тут Вильгельму стало понятно, для чего стена между домом и кухней была поднята выше черепицы. Если бы не было этой, так называемой пожарной стены, мог бы заго-

реться и дом. Теперь же сгорела только кухня, а дом остался невредимый. Вскоре с помощью односельчан была восстановлена и кухня.

Как-то наблюдая, как сёстры ловко и умело моют пол, Вильгельм тоже захотел попробовать.

– Мама, – сказал он, – можно я помою пол на кухне?

Но мама не соглашалась, заранее зная, что из этого ничего не выйдет. Вильгельм же, как всегда, был очень настойчив, и мама опять уступила, разрешив помыть ему пол, но только не на кухне, а в коридоре.

Не долго думая, Вильгельм набрал ведро воды, взял половую тряпку и начал мыть. Мыл, мыл, но у него действительно ничего не получалось, и он подумал: «А зачем возиться с тряпкой? Вилью всю воду на пол, а потом тряпкой соберу». Так и сделал.

Наконец эта возня всем, проходившим через коридор, надоела, да и у Вильгельма к этой работе уже пропал всякий интерес. Пришлось сестре домывать за него пол, а он выскочил на улицу.

На улице встретил своего друга Вениамина, который предложил пойти купаться. Но Вильгельм без разрешения боялся идти, а спросить у мамы не решался. Тогда они с Вениамином, сговорившись, решили спрятаться за кухонную дверь.

– Давай постоим здесь и понаблюдаем, – предложил Вильгельм, – если мама будет улыбаться, тогда я подойду и спрошу...

– Хорошо, – согласился Вениамин. И ребята стали наблюдать в дверную щель. Смотреть сразу вдвоём они не могли и поэтому отталкивали друг друга, отчего получался шорох.

– Тише, нас заметят, – прошептал Вильгельм, продолжая наблюдение.

Наконец долгожданная минута наступила, кто-

то рассказал маме что-то смешное, и она засмеялась. Вильгельм тут же подошёл к ней со своей просьбой, и, конечно же, мама отпустила его купаться.

После купания, возвращаясь назад, Вениамин пригласил Вильгельма к себе домой поиграть. Вначале Вильгельм не решался идти – опять же надо было спросить разрешение у матери, но потом соблазн победил, ведь у Вениамина было столько хороших игрушек – фарфоровые кони, солдатики... Заигрался он допоздна, а потом, крадучись, пробрался домой. Но на этот раз всё обошлось хорошо, мама сильно его не ругала.

После ужина, уже лёжа в кровати, Вильгельм размышлял, почему у Вениамина так много игрушек, а у него – нет. Ещё у них был большой ящик с коллекцией яиц от разных птиц, там и голубые и коричневые яйца, и с чёрными пятнами, а ещё были очень большие, наверное, страусиные. Каждое яйцо имело свою ячейку с надписью. Все они лежали в белой, нежной вате. Эти яйца принадлежали слепому, старшему брату Вениамина.

«Наверное все эти яйца всё равно достанутся Вениамину, – думал Вильгельм. – Зачем они слепому? Он всё равно ничего не видит, правда, слышит очень хорошо и с хозяйством управляется отлично». Как-то ребята, притаившись, следили за ним, а он тут же обернулся и спросил их:

– Вы что там делаете, шалуны?

Ребята стали выкручиваться и ответили, что играют.

– Играйте, играйте, – сказал он ласково.

Но ребята продолжали наблюдать за ним и удивляться, какой он чуткий и знает каждое гнездо, и как ловко находит новые гнёзда! Ещё Вениамин рассказал, что когда надо посадить квочку на яйца, то брат на ощупь определяет годные яйца, а негодные откладывает в сторону.

Потом они наблюдали, как он кормит свиней! Насыпав в корыто отруби и залив их водой, он начинал

мешать, а все свиньи в это время стояли в стороне, и ни одна не подходила к корыту. Потом он их звал:

– Ц-ц-ц-ц, – и свиньи, как по команде, бежали к корыту и начинали есть.

Вильгельм подумал: «Как это он смог их так приучить?» Интересный он был человек. Ему в детстве лошадь выбила копытом глаз, потом заражение пошло на другой глаз, и бедняга совсем ослеп. Думая об этом, Вильгельм даже прослезился, ему стало очень жалко брата Вениамина.

Ещё он вспомнил рассказ своих сестёр, как однажды они были у них в гостях и выйдя на крыльцо ахнули:

– Какая темнота!

Надо заметить, что в Крыму бывают особенно тёмные ночи. Но тут слепой брат Вениамина сказал им:

– Идёмте, я вас провожу! Для меня всегда ночь...

И взяв сестёр под руки, зашагал, как исполин, в темноту, не сделав ни одного неверного шага. Выйдя из калитки, он перешёл улицу и ни разу не ошибся. Все дорожки и тротуары в деревне были посыпаны крупным, пропитанным солью, сивашским песком, и, видимо, этот шорох от песка помогал ему правильно ориентироваться.

Проснувшись на следующий день, Вильгельм опять стал вспоминать о тех, хорошо уложенных яйцах. «Почему у нас нет таких ящиков с яйцами?» – думал он. Вдруг он вспомнил, что у них дома, в ребячьей комнате, тоже есть несколько ящиков, и тут же направился в комнату ребят. «Хоть бы меня не выгнали мои братья, – думал Вильгельм, – они всегда говорят, что я ещё маленький и ничего не понимаю, только могу шалить, а я ведь совсем не такой плохой, как они думают, мне просто всё интересно. Сейчас я загляну в комнату, и если там никого нет, проверю эти ящики».

В ребячьей комнате действительно никого не было. Вильгельм вошёл в нее и тихонько закрыл за собой дверь. Подойдя к аккуратно стоявшим ящикам, он

попробовал их открыть, но они не поддавались. Замка и замочной скважины на них не было. Как же они тогда открываются?

Но тут, вдруг распахнулась дверь. Вильгельм, вздрогнув от испуга, оглянулся. В дверях стоял старший брат Корней.

– Ты что здесь делаешь? Как ты смел сюда зайти? Опять проказничаешь?

– Да нет, я только... чуть-чуть... – испуганно оправдывался Вильгельм, – я только... – и он никак не мог набраться смелости ответить старшему брату, что именно он здесь хотел. Корней, глядя на испуганного, застигнутого врасплох братишку, понял, что он хотел, подошёл и открыл ящик. И тут Вильгельм увидел, что ящик открывается совсем не так, как у Вениамина.

Оказывается, эти ящики открывались крышками, которые засовывались одна за другую, и когда брат оттянул верхнюю крышку, у мальчика разбежались глаза. Сколько здесь было карандашей разных цветов! И они так же лежат в белой вате. Как красиво! Корней объяснил ему:

– Это карандаши нашего умершего брата Пети. Он был хороший художник. Вот, видишь? – и Корней указал на висевшую на стене картину. – Эту картину – «Воскресение Иисуса Христа из гроба», нарисовал Петя. Он был мастер на все руки. А токарный станок, что стоит в сарае, ты видел? Это тоже его работа. Да и нашу, красивую веранду, тоже Петя отстроил.

Закрыв первый ящик, Корней открыл другой, откуда пошёл особый запах – это были масляные краски, а в третьем ящике лежали акварельные. Когда Вильгельм увидел всё это, у него появилось большое желание что-нибудь нарисовать, но брат сказал:

– Ну, посмотрел, теперь ты знаешь что в ящиках?

– Да-а... – ответил Вильгельм.

– Вот и хорошо, а теперь иди играй, и не смей больше заходить сюда без разрешения.

Вскоре после этого в дом Фризендов привели слепого – Гизбрехта. Он совсем не был похож на брата Вениамина, лицо у него было изуродованно, а вместо рук торчали одни культышки. Одной из них он едва доставал до носа. Рассказывали, что ещё мальчиком, во время гражданской войны, он нашёл где-то снаряд и стал его раскручивать. Вдруг снаряд разорвался у него в руках...

Родных у него не было, и его содержали несколько деревень, по договорённости. В одной семье он жил месяц, потом в другой – и так, пока не обойдёт всю деревню. За ним нужен был полный уход. «Какие бедные люди есть на свете», – думал Вильгельм. Хотелось бы помочь ему, но чем? Сидит он так целыми днями, а, собственно, какая ему разница – день это или ночь? Ведь слепой брат Вениамина сказал, что у него всегда ночь. Слепым, наверное, и спать всё равно когда, днём или ночью.

III ел 1929 год. Незаметно пролетело лето и наступило время идти в школу. На всю деревню был один учитель, он носил пенсне и на вид был очень строгим. Учеников было мало, и он один одновременно обучал все четыре класса в одном зале.

В первом классе было шесть учеников, три девочки и три мальчика. На передней парте сидели девочки, а за ними – мальчики. То ли ради уважения к девочкам их посадили на первую парту, то ли специально, чтобы мальчишкам было, чем заниматься. Да и кто мог спокойно смотреть на эти соблазнительные косички с ленточками? Но мама Вильгельма, зная своего сына, заранее попросила учителя, чтобы он был поостроже с ним.

Учитель время от времени переходил от одного класса к другому. Нелегко ему было работать при такой системе обучения. Уже с самого начала учебного года Вильгельм получил несколько предупреждений.

Как-то учитель, уже не выдержав, вывел Вильгельма в другую комнату, положил ему на плечи руки и сказал:

– Ты долго ещё будешь хулиганить? Ведь твоя мама сказала, чтобы я тебя наказывал, – при этом он стал так сильно трясти Вильгельма за плечи, что его голова едва удержалась на месте.

«Бедная моя головушка, – подумал Вильгельм, – как только она не оторвалась от шеи...»

Прошла зима, и Вильгельм мог уже немного читать, писать и считать. С наступлением весны у детей опять появилось больше возможности играть на улице. Один раз даже учитель играл с ними в прятки. Вся школа разделилась на две группы, одна половина жмурилась, а другая – пряталась. Как это было интересно, не то, что учиться! Вильгельм с другими мальчишками забрался на большую скирду соломы и, зарывшись в нее, как из наблюдательного пункта смотрел на всю деревню, а их бегали и искали.

Играли также в отдельные прятки, крокет, чижик. Особенно интересная игра была – со спортивным мячом, в неё играли все, молодёжь и даже взрослые, а малыши со стороны наблюдали и смеялись, особенно, когда мяч попадал в девчат и они визжали.

По окончании учебного года вся школа собралась на экскурсию в город– Старый Крым, который находился у подножия синей горы. Часто Вильгельм смотрел на эту гору – она была хорошо видна из дому. Теперь, наконец, появилась возможность побывать около неё и возможно даже на ней. И действительно, раз вся школа пойдёт на экскурсию, значит и Вильгельм в том числе, он ведь тоже школьник.

Колхоз выделил две пары верблюдов и длинные мажары (специальные подводы для перевозки снопов соломы). В них набросали солому, на которую сели уче-

ники. В ранний утренний час экспедиция во главе с учителем и ещё несколькими взрослыми отправилась в путь. Проезжали деревни, поля, и наконец к полудню достигли подножия горы. Теперь гора уже не казалась синей, а была зелёной, обросшей травой, а на её вершине раскинулся лес.

Когда караван с учениками обогнул эту гору, с левой стороны показалась ещё одна гора, а между ними – ущелье. В это-то ущелье и вела дорога. Справа, на небольшой возвышенности, стояла маленькая часовня, по-видимому, там было кладбище. Проехав ущелье, путешественники увидели город Старый Крым. Трамваев и троллейбусов в нём, конечно, не было, но был старинный водопровод с каменными колоннами. С весёлым говором ребята заехали на постоялый двор.

– Завтра все пойдём на гору Огормыш, – сказал учитель. – Это та самая гора, которая так хорошо видна из нашего села.

На следующий день пришёл проводник, и с ним вся школа отправилась в поход. Подходя к подножию горы, проводник сказал ребятам, чтобы они взяли с собой по несколько камней, так как наверху горы камней не найти.

Долго поднимались в гору. Наконец, уставшие путники достигли вершины – ой, как красиво! Впереди была ровная, обросшая зеленью поляна. Вильгельм подумал – вот бы здесь поиграть в мяч! Вскоре поляна закончилась и начался густой, лиственный лес. Сколько в нем было ореховых деревьев, кислицы и всякой дичи! После солнечного дня путники были рады прохладе, которая встретила их в лесу. Проводник предупредил, что камней наверху не будет, а вот, что воды там нет, – этого он не сказал. А как хочется пить!

Вдруг проводник свернул с дороги на узкую тропинку, которая вела в гущу леса. Пройдя немного, все снова вышли на солнечную поляну. Посредине было какое-то углубление.

– Это бездонный колодец, – объяснил проводник.
– Ещё в прошлом столетии в него спускались двое учёных, один при этом чуть не погиб, так как там очень плохой воздух. Выбравшись из колодца, учёные насыпали в него мешок проса и мешок сухих вишен и объявили по всему Крыму, что если где-то появится просо или вишня, чтобы сообщили по указанному адресу. И вот, после некоторого времени, просо и вишню обнаружили в Чёрном море, возле Феодосии.

Потом проводник сказал:

– Бросьте камни в колодец!

Ребята стали бросать принесённые с собой камни, и было слышно, как они, ударяясь о скалистые стенки колодца, летели вниз. Сначала удары было слышно хорошо, а затем всё тише и тише, и наконец звук исчезал. Услышав такой интересный рассказ о колодце, Вильгельм загорелся желанием заглянуть в него, и тут же полез на четвереньках к краю обрыва. Вдруг кто-то схватил его за ногу и потащил назад. Учитель же, видя такой поступок Вильгельма, отвёл его вглубь леса и строго сказал:

– До каких пор ты будешь баловаться? Ты же мог упасть в этот колодец! Хорошо, что тебя успели схватить за ногу, – и он стал смотреть по сторонам, ища хорошую розгу.

– Я больше не буду! Простите меня, только не бейте, – просил испуганный Вильгельм.

Учитель сжалился и простил его. Потом проводник подвёл всех к краю горы, и пред взором учеников открылась чудесная картина. Внизу, окутанная лёгкой дымкой, простиралась зелёная равнина, на которой пасся скот, животные казались такими маленькими, как букашки. Налюбовавшись этой красотой, все повернули влево и пошли вдоль горы, постепенно углубляясь в лес. Вдруг кто-то закричал:

– Вода!

И действительно, сквозь деревья, внизу, что-то за-

блестело. Ребята стали ловко спускаться вниз, от одного дерева к другому. Вильгельм же, с опаской поглядывая на учителя, не смел даже сойти с дороги, хотя ему тоже так хотелось ползти! Но когда он увидел, что из младших школьников никто не спускался по такой крутизне, он успокоился. Прошло ещё немного времени, и из ущелья раздался далёкий крик:

– Это не вода, а кустарники!

Ребята, которые с таким трудом спускались вниз, были разочарованы. Оказывается, на дне ущелья рос кустарник с серебристыми листьями, вроде тополиных, которые шевелил ветерок, а с высоты казалось, что это вода. Проводник знал, что там нет воды, но почему-то промолчал, и теперь с интересом наблюдал за жаждущими напиться воды, ребятами. «Ведь он не первую партию водит и хорошо знает, что там нет воды, – думали школьники, – видимо, смотреть на разочарованных ребят ему доставляет удовольствие».

Долго ещё шли путники по лесу, вдоль горы, наконец они достигли пещеры. Заходить в пещеру учитель разрешил только старшим ученикам, причем держаться друг друга, чтобы не заблудиться. Малыши же должны были оставаться у входа. Проводник рассказал ребятам, что в этой пещере скрывался крымский разбойник Алим. Когда, бывало, за ним гналась полиция, он забегал в пещеру, и тут его уже взять было невозможно.

Под вечер уставшие и голодные путешественники, все без потерь, вернулись на постоянный двор. Первое желание у всех было – напиться, а потом принялись за еду. О, какой был вкусный этот запоздалый обед!

На другой день у всех сильно болели ноги, но после короткой разминки ребята опять были готовы к новому походу.

– Сегодня, – сказал учитель, – мы пойдём в монастырь, который находится недалеко от города.

Дорога вела через густой лес. Идя по лесу, учитель

вдруг остановился и велел всем подойти к нему, а сам осторожно встал на траву, сбоку дорожки, где рос одинокий цветок.

– Вот, смотрите, – сказал он, и вынув спички из кармана, зажёг одну и поднёс к цветку.

Пламя огня охватило верх цветка и погасло.

– Этот цветок выделяет азот, который горит, – объяснил учитель.

Недалеко от того места, где все остановились у цветка, был поворот, за которым показался монастырь с высокими каменными стенами и башнями. Возле монастыря из-под земли бил родник, тут уж была возможность вдоволь напиться!

Подойдя к маленьким дверям в громадной, каменной стене монастыря, постучались. Дверь открыл старик с широким носом. Ребята то и дело смотрели на этот, никогда не виданный доселе, широкий нос. Учитель уплатил за каждого ученика по пять копеек, и все протиснулись в узкие двери. Первое, что бросилось им в глаза, это кельи, – тёмные, без окошек, каменные комнатики, предназначенные для одного человека, в которых находились каменная койка и каменная тумбочка.

Второй этаж монастыря был очень светлый и чистый. Во всю длину громадного здания тянулся длинный коридор с окнами во двор. Пол был гладкий, как зеркало. Ребята, заметив отсутствие учителя, тут же разогнались на кожаных подошвах и начали кататься из одного конца коридора в другой. Это занятие Вильгельму понравилось больше, чем осматривать монастырь.

Вдоль по коридору были расположены отдельные, уютные комнаты, и вряд ли кто отказался бы в них отдохнуть. Через стеклянные двери можно было выйти на балкон, с которого открывался прекрасный пейзаж. Эти светлые, чистые комнаты были прямой противоположностью тёмных и холодных келий. Как прекрасно вверху и как плохо внизу...

Во дворе монастыря, на противоположной стороне,

находилась церковь. Направо, в углу от стены, стоял ряд памятников с крестами, напоминавшими о том, что всякому смертному здесь на земле придёт конец. Живёт ли человек внизу, в тёмной келье, или вверху, в прекрасной, светлой комнате, – всех ждёт одна земля.

Войдя в церковь, Вильгельм обратил внимание на множество летучих мышей. Пронзительно завизжали девчата, прикрывая волосы платками. Когда вышли из монастыря, детвора рассыпалась по склону горы. Старинные рвы, вымытые водой, текущей с гор, были доверху наполнены сухими прошлогодними листьями. И тут кто-то из ребят, разогнавшись, прыгнул в один из рвов и с шорохом поехал далеко вниз. Увидев это, Вильгельм, не задумываясь, тут же бросился вслед за ним. Ох, до чего же это было хорошо! И надо же, его опять заметил учитель... Но и на этот раз всё обошлось коротким предупреждением:

– Если ты так будешь нестись вниз, то можешь наткнуться на сучок или стекло!

Потом ребята разбрелись по лесу, и когда учитель захлопал в ладоши, собрались у монастыря, но двоих недосчитались. Их стали громко звать, но напрасно. Учитель забеспокоился, а дети кричали:

– Ау-у! Ау-у!

И вдруг где-то далеко в лесу раздалось ответное:

– А-у-у-у!

Вернувшись домой, Вильгельм долго ещё был под впечатлением этой экскурсии, которая завершила учебный год.

Наконец начались долгожданные каникулы. «Вот и освободился я от этого старого учителя», – радовался Вильгельм. Как-то, проходя мимо школы, которую Вилли старался обойти как можно дальше, он заметил в школьном палисаднике учителя, с лопатой

в руках. «Он далеко, на другой стороне улицы, да притом в очках, – думал Вильгельм, – пройду незаметно». Но тут ему показалось, будто учитель искоса взглянул на него, и Вильгельм, на всякий случай, решил взяться рукой за фуражку и тихонько сказать «здравствуйте». Но тут учитель поднял голову, выпрямился, положил руки на держак лопаты и громким, чётким голосом промолвил:

– А ну-ка,ними фуражку!

Вздрогнув от неожиданности, Вильгельм тут же снял фуражку и громко сказал:

– Здравствуйте!

И быстро зашагал к своему другу Вениамину. Но страх до самого вечера не покидал его. Он боялся, что учитель расскажет маме, что он не здоровается как следует, и мама обязательно его накажет. Поиграв недолго у Вениамина, мальчики понеслись на другой конец деревни, к Рудольфу. У Рудольфа тоже не было отца. Рассказывали, что его отец был у каких-то «зелёных» и редко приезжал домой. Как-то его застали дома, арестовали и больше его в деревне не видели. Бабушка Рудольфа была очень способная, она могла одновременно ногой качать люльку, читать книгу, вязать носки и щёлкать семечки. Ребятам было очень интересно наблюдать за ней со стороны.

Как хорошо на каникулах! Игра, купание, беготня по балкам в поисках яиц от разных птиц, всё это было намного интересней, чем сидеть за партой в школе. Но не всем родителям нравилась постоянная беготня ребят. Например, мама Вильгельма не всегда разрешала ему уходить из дому. Однажды, после обеда Вильгельм должен был вытирать посуду. Делал он это нехотя, а сестра тщательно следила за его работой и заставляла заново вытирать, особенно вилки. В это время на кух-

ню забежал Рудольф и шепнул ему на ухо:

– Гнездо нашли. Возможно, там есть яйца.

Вильгельм тут же, оставив полотенце на столе, выскочил на улицу. Подбежав к акации, которая росла у парадной двери, Рудольф показал вверх, на едва заметное в листве гнездо. Рядом с деревом находился бревенчатый забор. Не долго думая, Вильгельм влез на забор, а с забора – на дерево.

Всё это произошло так быстро, что мама, сидевшая на крыльце, ничего не заметила. Цепляясь за ветки, Вильгельм поднимался выше и выше. Наконец, достигнув цели, он запустил руку в гнездо, но оно оказалось пустым. Разочарованный Вильгельм стал спускаться вниз, но тут случилось непредвиденное: он обеими руками взялся за сухой сучок, который тут же обломился, и Вильгельм с грохотом полетел вниз. И если бы не забор под деревом, то, возможно, беда была бы ещё больше. Но он упал сначала на забор, а потом на землю, и это смягчило удар.

Мама в ужасе подбежала к лежавшему без сознания младшему сыну. На шум сбежались соседи. Мальчика занесли в дом и положили на кровать. Мама, вся в слезах, щупала пульс. Придя в себя, Вильгельм увидел суетившихся у его кровати людей и никак не мог понять, в чём дело. Почувствовав сильную боль в правой коленке, он начал плакать. Колено было вывихнуто.

Мама не упрекала Вильгельма за его поступок. Но опять пришлось обращаться к костоправу. Через несколько дней Вильгельм уже мог подниматься с постели и передвигаться с помощью самодельного костыля. Вскоре, забросив костыль, он стал ходить с помощью палки.

Житейское море шумит и зовёт к себе. Остались позади тёплые, серебристые пески сухого берега с домиками и пирамидками. И вот ноги нашего героя

уже вступили в море, а его тянуло всё дальше и дальше. Скоро он уже стоял по колено в воде, а волны, подкатываясь, шептали ему:

– Заходи, заходи поглубже...

После женитьбы старший брат Корней переехал на Кавказ, в Великокняжеское, где жили родственники его жены, куда Вильгельм как-то ездил с мамой в гости. По приглашению Корнея, вдова Агнета Корнеевна тоже решила поменять место жительства и переехать к старшему сыну на Кавказ.

Пришло время расстаться с прекрасной родиной и всем тем, что было так дорого Вильгельму с детства. На этот раз ехали не на поезде, а плыли на корабле. Вильгельму, который плыл впервые, всё было очень интересно. Его врождённое любопытство не давало ему покоя. Он хотел обследовать весь корабль, где только это было возможно. Ковыляя со своей палкой, он оказался в той части палубы, где матросы мыли её брандспойтом. Матрос, державший сопло, направил струю воды прямо под ноги любопытному Вильгельму, который в испуге отбежал, забыв про палку. И тогда, видя, что может обойтись без этой «третьей ноги», он бросил её в Чёрное море.

Прибыв в Туапсе, пошли купаться. Берег здесь, по сравнению с Феодосийским, песчаным, был очень каменистый и неудобный для купания. Вильгельм, боясь повредить большую ногу, вообще не купался. Оказывается, бывают разные берега: песчаный – ласково встречающий, каменистый, который может причинить увечье, и скалистый, грозящий смертью. И все эти берега омывает одно и то же море.

В Великокняжеском семья Агнеты Корнеевны сняла двухкомнатную квартиру у глухонемого по фамилии Мертенс. Этот Мертенс был очень способным человеком, особенно по столярному делу, и имел много разного инструмента. Его верстак стоял в коридоре, недалеко от комнат, в которых поселилась семья Фри-

зен. Вильгельм часто посматривал на этот соблазнительный верстак, но подходить к нему строго запрещалось. Глухонемой был очень сердитым человеком. Как то, наблюдая, как Мертенс ловко работает, у Вильгельма тоже появилось желание заняться этим ремеслом. Он вспомнил, что ещё в Ференгейме, с помощью родственника – столяра Вейделя, он изготовил маме на день рождения кухонную досточку для резки лапши и спрятал её в пшеницу, насыпанную в одной из специальных комнат. Но кто-то преждевременно обнаружил этот подарок, который Вильгельм держал в большом секрете. Тайна была раскрыта, и это сильно огорчило мальчика.

Теперь видя, как умело работает Мертенс, Вильгельм решил тоже заняться столярной работой и для начала сделать ящик для песка. Найдя фанеру и попросив у брата Александра карманный нож, отточенный, как кинжал, Вильгельм отправился на кухню. Положив фанеру на скамейку и разметив её, он стал правой рукой водить по отметке остриём ножа. Проведя так несколько раз, подумал – можно и быстрее, и резко провёл ножом сверху вниз. И тут нож выскочил из колеи и прошёлся вдоль по его левой руке, которой он держал фанеру.

От испуга Вильгельм даже не почувствовал боли, и подняв руку вверх, побежал к маме. Мама, увидев такую рану, очень испугалась, тут же налила на нее водку, которая была в доме для лечебных целей. После промывания раны Вильгельм почувствовал сильную боль и заплакал. Постепенно рана зажила, но шрам на левой руке остался на всю жизнь.

По соседству с семьёй Фризен жил ещё один глухонемой, садовник Декер. У него был сын, с которым подружился Вильгельм, звали его Альберт. Однажды Альберт пригласил Вильгельма к себе домой, и Вильгельм был поражен тем, что увидел. В доме было очень грязно, воздух – тяжёлый, на полу валялась солома и

бегал поросёнок. «Они, что, совсем не убирают?» – думал, непривычный к такому беспорядку, Вильгельм.

Придя домой, он рассказал об этом маме. Мама сказала, что так же бывает и у человека: у одного сердце чистое, приятное, и в нём живёт Иисус, а в другом сердце грязно, не убрано, там живёт сатана.

Как-то к Фризенам пришёл Рудольф, друг Вильгельма, семья которого тоже переехала на Кавказ. Поиграв немного в комнате, они вышли через мастерскую Мертенса на улицу. Проходя мимо соблазнительного верстака, Рудольф взял фуганок, но Вильгельм тут же остановил его, и Рудольф сразу положил его на место. Но глухонемой Мертенс заметил, что кто-то трогал фуганок и сердито пригрозил Вильгельму. «И надо же так сердиться и ругаться из-за пустяка», – подумал Вильгельм. Об этом, конечно, узнала мама, и сделала ему строгий выговор.

Через несколько дней Рудольф опять пришёл к Вильгельму, и они стали мастерить бумажный планер. Сделав планер, ребята решили поджечь его и пустить в полёт. В это время на пороге появилась трёхлетняя дочка Мертенса, Лиза. Вильгельм заметил стоявшего ребёнка только тогда, когда горящий планер уже летел в направлении девочки. Лизочка очень испугалась, а Вильгельм – ещё больше. К счастью, горящий самолёт, не долетев до Лизочки, упал. Испуганный Рудольф, оставив свои спички, убежал домой, а Вильгельму на этот раз хорошо попало.

Начался новый учебный год. Школа в Великокняжеском находилась на центральной улице, в двух километрах от дома, где жил Вильгельм. Она была выложена из красного кирпича, окна – большие, классы – просторные и светлые. В одном из таких классов теперь учился Вильгельм. Ученики были ему не знакомы

и косо поглядывали на него, а молодая учительница оказалась землячкой Вильгельма.

Во время первой перемены какой-то маленький, смуглый мальчишка, в больших красных штанах, загордив Вильгельму проход, стал всячески гримасничать, кривляя свой широкий рот во все стороны. Вильгельм видя это, отошёл от него, но черномазый привязался к нему, как смола. «Драку, что ли, хочет затеять? – думал Вильгельм. – Может, дать ему?!»

Ростом Вильгельм не был обижен, в классе он был выше всех и мог легко справиться с этим коротышкой, но не знал, как к этому отнесутся другие ребята, – может, налетят и намнут ему бока. Пришлось сжать зубы и терпеливо перенести оскорбление.

Время шло, и вскоре Вильгельм увидел, что в этой школе нет той строгости, которая была у них в Ференгейме. Учительница, Ольга Нафанаиловна, была ещё совсем молодая, и её нельзя было сравнить с его прежним, старым и строгим учителем. Во время занятий ребята что только не вытворяли! А она не могла с ними сладить.

Главным хулиганом среди ребят был Адам Майер. Он совсем не слушался учительницу и делал такое, что редко кому могло придти в голову. Во время занятий он ходил по классу и задибался то к одному, то к другому. Казалось, над ним небыло никакой управы. Однажды, опять же во время урока, он вооружил ремнём черномазого мальчишку в красных штанах, а сам, стоя у кафельной печи, командовал: два удара тому, три удара другому, – и тот тут же исполнял его приказание.

Вильгельм украдкой смотрел на всё это и думал: «Тебя бы к моему старому учителю! Он бы тебе показал, как командовать». Этот взгляд Вильгельма Адам сразу заметил и тут же приказал дать Вильгельму три удара. Стиснув зубы, Вильгельм едва сдержался, чтобы не дать сдачи, но и на этот раз он, собрав всю свою волю, перетерпел это унижение.

Учительница не раз обращалась к директору, поднимая вопрос об исключении из школы Адама Майер, но не получала в этом поддержку.

– Таких детей надо воспитывать, – отвечали ей.

Директор школы по фамилии Шерибле иногда заходил в класс, чтобы посмотреть на ребят, которые в этот момент сидели смирно, но только стоило ему выйти за дверь, как в классе поднимался шум, будто в пчелином улье. Доходило даже до того, что бегали по партам.

Однажды учительница, не выдержав очередного хулиганства Адама, схватила его и повалила на пол, но он ловко вывернулся и, взяв книгу, ударил её по щеке. Ольга Нафанаиловна, закрыв лицо руками, выбежала из класса. Ученики в изумлении молчали и не могли ничего сказать этому хулигану. Вильгельм, с возмущением наблюдая за всей этой сценой, думал: «Я бы тебе дал...»

Но к концу учебного года Вилли мало чем отличался от хулигана Адама и другого рослого мальчика – Франца Винс, который тоже рос без отца и, по-видимому, не получил должного воспитания. А у Адама были и отец и мать, но, несмотря на это, он был крайне невоспитанный.

Лето 1932 года прошло быстро. Начался новый учебный год. Вильгельм уверенно переступил порог школы – не так, как в прошедшем году. Теперь он был в числе передовых, озорных ребят, которых все в школе боялись. Успеваемость у него значительно ухудшилась. Часто, придя со школы домой, он куда попадал бросал связанные накрест шнуром книги и тетради, а на другое утро с трудом разыскивал их. Придя в школу, просил у какой-нибудь девочки тетрадь, чтобы списать домашнее задание. Любая девчонка была даже рада дать списать уроки, только бы её не обижали эти хулиганы.

Брат Вильгельма, Александр полюбил девушку, Луизу Гардер, и решил жениться. Для верующих наступили тяжёлые времена, поэтому бракосочетание было сделано тайно, в узком кругу, с наглухо закрытыми окнами. Старший брат Корней, прочитав Слово, дал им коротенькое наставление, и Александр с Луизой стали мужем и женой.

Семья Гардер была из богатых крестьян. Жили они по соседству с глухонемым Мертенсом, и Вильгельму иногда приходилось видеть их чрезмерную скупость. Однажды он видел, как мать Луизы с дочками выдёргивали нитки из старого бушлата, который нужно было уже давно выбросить, но они аккуратно вытягивали из него нитки и сматывали на катушку. А когда у Александра родилась дочь, они пеленали её в такие грубые тряпки, что на теле бедного ребёнка оставались рубцы от швов. Видя это, мама говорила Вильгельму:

– Экономным быть хорошо, но жадность – это страшный недуг.

Наступила тяжёлая осень 1932 года, стало трудно доставать продукты питания. Иногда на ужин мама давала детям один кочан жаренной кукурузы. После такого ужина Вильгельму плохо спалось. Маме тоже не давали уснуть заботы о завтрашнем дне. Где взять пропитание, чтобы прокормить семью? Голод и нищета побуждали её больше и больше обращаться в молитве к Богу за помощью.

Однажды ранним утром, сквозь сон, Вильгельм слышал, как мама молилась о нем. Он приоткрыл глаза и увидел распростёртые над собой мамины руки. Она просила, чтобы Бог благословил её младшего сына. Вильгельм, проснувшись, тихо слушал молитву мамы.

Она молилась долго и трогательно, и тут Вильгельма потянуло на кашель, и мама, не окончив молитву, отошла в сторону.

Вилли, встав с постели, стал одеваться, делая вид, будто ничего не слышал, но молитва мамы глубоко запала в его сердце. Ему было приятно думать о том, что он получил материнское благословение.

С самого детства мама учила сына молиться перед сном, перед едой и после еды. Она много рассказывала Вильгельму из Библии, и он внимательно слушал её. Научившись читать, сам стал чаще брать в руки Библию, и первое, что он прочитал, было Откровение Иоанна.

Голод усиливался. Агнета Корнеевна всё больше и больше обращалась к Богу и просила детей помогать ей в молитвах. Иногда ей с трудом удавалось достать кусочек хлеба, от которого она немного выделяла Вильгельму на обед в школу. Но что этот кусочек для голодного мальчика? Придя в школу, он клал его в парту, и когда начинался урок, не мог ни о чём думать, как только о хлебе. Да и как можно на голодный желудок слушать урок, когда рядом в парте лежит хлеб! До большой перемены, когда все дети будут обедать, надо просидеть ещё два урока.

Не в силах больше терпеть, Вильгельм отщипывал маленький кусочек чёрного хлеба и отправлял его в рот, но это ещё больше возбуждало его аппетит, и рука опять невольно тянулась к хлебу. Как вкусно! Казалось, вкуснее этого хлеба ничего на свете нет. Ну всё, хватит, – старался он остановить себя, но мысли его были только о хлебе. О, хотя бы раз досыта наестся... Вильгельму казалось, что такое время больше никогда не придёт. Среди учеников не все страдали от голода, некоторые неплохо питались дома и с собой брали хорошие обеды.

– Им легче учиться и быть хорошими учениками, они ведь сыты, а сытый голодному не верит, – думал Вильгельм, и рука опять тянулась в парту.

Прозвенел звонок, закончился первый урок и кусочек хлеба тоже кончился. А то, что объясняла учитель-

ница, прошло мимо ушей Вильгельма.

Когда Вильгельм возвращался домой, у него не было ни желания, ни сил делать уроки. Мама тоже не могла от него много требовать. Где-то она достала одну кормовую свёклу, и сварила из нее жидкий суп. Но кусочки свёклы были жёсткие, как дерево. Вильгельм разжёвывал их, высасывая приторно-сладкий сок, а одеревеневшие кусочки выплёвывал.

Как то мама-кормилица достала немного отрубей и картофельных очисток, все это сварила и пропустила через мясорубку. Запах был очень неприятный. Из этих очисток, смешанных с отрубями, она испекла круглые лепёшки, но кушать их было почти невозможно.

Голод и переживания превратили маму Вильгельма из полной женщины в худенькую, маленькую, сторбленную старушку. Однажды вечером она сильно заболела, у неё опять прорвалась грыжа. Приступ был настолько сильный, что мало было надежды на выздоровление. Все, кто находился дома, видя её страдания, хотели ей чем-то помочь. Кто-то молился, кто-то вздыхал, а Вильгельм плакал, стоя на коленях у постели мамы, и просил её вспомнить о нём, когда она будет на небесах.

Иногда его детские желания были очень трогательными. Порой, когда ему было тяжело или он был кем-то обижен, Вильгельм выходил на улицу и горько плакал, обращаясь в молитве к небу. Ему казалось, что его покойный отец находится на одной из звёзд, видит и слышит его, только не может ответить, и тогда тихие вздохи переходили в громкий плач:

– Папа, мой папа! О, если бы ты знал, как мне тяжело! Скажи же сыну своему что-нибудь!

Прошла тяжёлая зима. Здоровье мамы постепенно улучшалось. С приходом весны появилась зелень и жить стало легче. Вскоре в школе стали делать при-

вивки. Чтобы никто из ребят не смог убежать, возле дверей поставили старшекласников. Проходили по одному, а озорники, в числе которых был и Вильгельм, встали последними. Видя, что проскользнуть не удастся, они выпрыгнули в окно, которое было довольно высоко от земли, не думая о том, что при этом легко можно получить увечье.

На другой день ребята, как ни в чём не бывало, пришли в школу. Медиков, конечно, уже не было, а вразумление учительницы о том, что прививки им необходимы, до ребят не доходило.

Однажды, после очередного хулиганства, учительница оставила Вильгельма после уроков. Для того, чтобы он не убежал, она встала у дверей и пропускала учеников по одному. Когда все ушли и они остались вдвоём, Ольга Нафанаиловна, побеседовав с ним, строго сказала:

– Я хочу, чтобы ты извинился.

– Что?! – возмутился Вильгельм.

В его тоне послышалась нотка угрозы, от чего Ольга Нафанаиловна изменилась в лице. После этого она вдруг нагнулась, то ли нарочно, то ли действительно надо было застегнуть свои боты. А Вильгельм, как будто только этого и ждал, быстро бросился к двери и убежал.

Недалеко от Фризендов, на Почтовой улице, жили верующие по фамилии Вигель. Как потом стало известно Вильгельму, это были какие-то «совершенные», которые держали связь с Закавказьем. Они пригласили маму Вильгельма в гости. Мама взяла Вильгельма с собой.

У них на квартире жила вдова с двумя дочерьми. Одна из её дочерей была замужем за Фастом и имела двух сыновей. Её муж был страшный безбожник. Чтобы доказать, что он не имеет никакого отношения к верующим, он взял Библию, пробил её гвоздём и выбросил на улицу. Вскоре после этого у них родился

умалишённый ребёнок...

Однажды этот безбожник Фаст исчез, а через время его нашли в больнице. Он вскрыл себе вены, желая покончить жизнь самоубийством.

Как-то Вильгельм был в гостях у старшего брата Корнея. Во время обеда двухлетний ребёнок Корнея, сидя на детском стульчике, начал плакать. Мать всячески старалась успокоить малыша, но он продолжал капризничать. Корней молча обедал за столом, потом, видя, что ребёнок уже вдоволь наплакался, сказал:

– Цыть! – и строго посмотрел на своего питомца.

Ребёнок тут же умолк и стал тихо кушать. «Вот, оказывается, как нужно воспитывать детей, – подумал Вильгельм. – Если у меня когда-нибудь будут дети, я их тоже буду так воспитывать». Строгость в воспитании детей у Корнея Вильгельму понравилась, и этот поучительный пример он хорошо запомнил.

Вскоре из Тифлиса приехала долгожданная сестра Вильгельма, Агнета, которая служила там домохозяйкой. Она привезла много всяких подарков.

Вильгельм же в это время был в школе. После уроков ребята шумной гурьбой возвращались домой. По дороге кто-то надумал ударить рукой ляц (так называлась игра – тот, кого последним ударят, остаётся в долгу). Так, играя, ребята расходились по домам, их становилось всё меньше и меньше. Наконец остались только двое – Вилли и Вера Савченко. Вильгельм жил на два дома дальше Веры. Дойдя до половины участка дома Савченко, Вера «лягнула» ладонью Вильгельма – и побежала через кусты в свой огород. Вильгельм, не хотевший остаться в долгу, кинулся наперерез, через кусты,

догнал Веру на их огороде и отдал ей долг «ляцки».

Вера от обиды заплакала, и тут Вильгельм заметил, что во дворе стоит её отец с большой жердью в руках. Вильгельм тут же повернулся и скрылся в кустах. Но, подойдя к своему дому, он увидел, что грозный Савченко уже стоит у них во дворе и что-то говорит матери. Дождавшись его ухода, Вильгельм тихонько вошёл в дом, но мама, увидев сына, тут же, взяв верёвку, завела его в комнату, приговаривая:

– Этого ещё не хватало, чтобы соседи жаловались на тебя!

Перегнув Вилю через скамейку, она начала хлестать его по мягкому месту. Все уговоры и объяснения были напрасны. После такого наказания обиженный Вильгельм, забившись в угол, тихонько плакал:

– Папа, мой папа, взгляни на меня, ведь я совершенно не виноват, ничего плохого не сделал...

В груди у него всё сжималось, а слёзы текли ручьём. Александр, видевший, как мама наказывала его младшего брата, говорил ей, что верёвкой бить детей нельзя. После его обличения, мама, как бы извиняясь, подошла к Вильгельму и позвала его кушать.

Сидя за столом, который был особенно праздничным в честь приезда сестры, Вильгельм украдкой поглядывал, не увидит ли он чего-нибудь, что сестра привезла для него из Тифлиса. Но ничего не увидел. Молча пообедав, он, обиженный, вышел из-за стола. Это было в пятницу. А на воскресенье, для семейного фото, был приглашен фотограф.

Все собрались в Великокняжеском, но муж старшей сестры Лены – Гергард (они жили на станции Богословская) по какой-то причине задержался. Вильгельм с Петей, старшим сыном Лены, были посланы на станцию узнать, в чём дело.

И они побежали на станцию. Вильгельм был старше Пети на три года и хорошо знал свою усадьбу. Он специально пропустил Петю немного вперёд, а сам ныр-

нул через отверстие в живом заборе. Пока Петя обогнул угол, Вильгельм был уже у намеченной цели.

Петя, увидев, что Вилли его обхитрил, стал громко плакать. Вильгельм опять был виноват, и его снова хотели наказать, но за него вступился брат Александр. Спрятавшись за дом, Вильгельм думал: «Почему меня всегда ругают? Ведь я ничего плохого не сделал...»

Наконец приехал Гергард и все вышли во двор. День был тёплый, безветренный, что на Кубани бывает не так часто. Фотограф выбрал место возле кустов сирени, через которые недавно проскочил Вильгельм, увидев грозного Савченко. Вынесли скамейки, стулья. Агнета Корнеевна села посередине, брат Абрам – слева, а зять Гергард занял место справа. Лена стала зади него. Потом посередине встал Александр со своей Луизой, и Корней с женой Лилей нашли себе место...

Фотограф готов был нажать кнопку, сам не зная как, Вильгельм набрался смелости, протиснулся вперёд и сел возле мамы

Все разместились, а Вильгельм стоял за кустом сирени и наблюдал за происходящим, его никто не видел и даже не вспомнил о нём. «О, если бы мой папа был

здесь! – думал Вилли. – Он тоже взял бы меня на руки или, поставил бы рядом с собой. О, папа, где ты?!» И он готов был лететь на крыльях к родным местам, где совсем недавно сидел у ног отца.

И вот, когда уже все расселись и фотограф готов был нажать кнопку, Вильгельм сам не зная как, набрался смелости, протиснулся вперед и сел возле мамы, и только успел высунуть голову у материнского плеча, как щёлкнул фотоаппарат.

Прошло лето, был собран богатый урожай, а это значило, что хлеба можно будет есть досыта. И вот, наконец пришёл этот радостный день, когда мама, нарезав хлеб, положила его в плетёнку и сказала:

– Дети, ешьте хлеба сколько хотите!

А море шумит и бушует. И Вильгельм, носясь по этим волнам, поднимается то на гору Преображения, то оказывается опять в долине смертной тени. Одной из таких высот были мамины слова – дети, ешьте хлеба, сколько хотите! Казалось, что эти слова ещё звучали в воздухе и дети ещё не до конца осознали их значение, как опять грянул гром.

Однажды утром во двор Фризенов въехала большая немецкая мажара, величественно развернулась и встала около дверей. В дом вошли несколько человек во главе с активисткой Дрейзель и объявили, что семья Фризен подлежит раскулачиванию – с изъятием всего имущества. Не обращая внимания на растерявшуюся маму и детей, они стали выносить из дома буквально всё, что попадалось под руки. Когда всё было вынесено, вплоть до гвоздей вбитых в стены, и погружено на мажару, раздался гордый голос активистки:

– Раздевайтесь!

Вильгельма тоже заставили раздеться, но мама с воплем и плачем стала умолять:

– Он же ещё маленький! В чём же он будет ходить в школу?! Уже начинаются холода!

Дрейзель, окинув Вильгельма презрительным взглядом, достала большой, грязный, латаный бушлат и бросила к его ногам.

Мажара медленно тронулась со двора, но активистка ещё задержалась, осматривая комнаты. Вдруг она заметила на печи, засунутый в угол, посылочный ящик, в котором мама хранила сухари. Схватив этот ящик, Дрейзель выскочила на улицу, догнала подводу и поставила ящик на мажару.

В доме не осталось ни крошки. Время подходило к обеду, а кушать было нечего, всё забрали. И хотя голод в стране кончился, в семью Агнеты Корнеевны пришла новая беда. Но мир не без добрых людей. Родственники и соседи, видя бедственное положение семьи Фризен, старались помочь, кто чем мог: кто дал подушку, кто – старое одеяло, а кто – хлеб и соль.

Старшие братья, Корней и Александр, жившие в то время по улице Привокзальной, услышав о том, что произошло, ночью с семьями выехали из Великокняжеского. Александр предложил маме с семьёй перейти жить в его мазанку, так как Агнету Корнеевну с детьми принудили освободить дом, в котором они проживали.

Вильгельм сходил несколько раз в школу в большем, не по росту бушлате, рукава которого болтались чуть ли не до земли. В школе дети стали дразнить его и смеяться над ним, и Вильгельм, не выдержав насмешек, вообще перестал ходить в школу.

В мазанке Александра было тесновато и бедно, но всё же каждый имел свою подушку и одеяло, да и с питанием стало немного легче. Но вот, однажды вечером, во двор заехала тачанка. Дома были только Мария и Вильгельм. Приехал сам председатель сельсовета Дик, а с ним – ещё несколько молодчиков. Зайдя в дом и гордо сев за стол, председатель вынул лист бумаги и стал делать опись имущества Александра Фризен. После

описи опять стали выносить и грузить на тачанку всё, что было в доме.

Когда всё было погружено, председатель Дик, как петух, сел сверху и тачанка покатила со двора. Опять осталась вдова Агнета Корнеевна ни с чем, а на пороге – зима. Что делать? Куда идти? Молитвы матери неслись к небесам. С великим воплем она просила Отца Небесного о своих детях, особенно о Вильгельме.

Прошло ещё немного времени. Жизнь опять стала налаживаться. Зара пошла работать дояркой в колхоз, там она и питалась. Брат Ваня устроился на почту и дома бывал редко. Абрам уехал на заработки. Мама, по совету Вани, сняла квартиру в ближайшей казачьей станице Ольгинской.

В обязанность Вильгельма входила забота о топливе, которое было очень тяжело достать. Он собирал на улицах коровий кизяк, просушивал и складывал в мешок. Дома мама подсушивала его и им топили печь. Ушли беззаботные детские годы, когда ни о чём не надо было думать и заботиться. Вильгельм часто вспоминал свой родной край, как они хорошо там жили! У них была своя мельница, поля, кони, с ребятами ходили в ночное... А какой был порядок во всём доме! Всегда уютно и чисто, всё лежало на своих местах. Этот порядок твёрдо держался в семье. Даже ночью, в темноте, можно было взять с полки нужную вещь. Вильгельм вырос в этом. Но теперь всё прошло. Как всё изменилось...

Забросив школу, Вильгельм стал работать. Он ходил с мужчинами на элеватор и перелопачивал зерно. Как-то пришлось на станции перелопачивать семечки. Там их можно было щелкать, сколько хочешь. И во время работы, Вильгельм украдкой насыпал себе в карман два стакана семечек, хотя с раннего детства знал, что чужое брать нельзя.

Идя домой с набитыми карманами, он думал: «А вдруг найдут у меня семечки и оштрафуют? Или опять отберут всё у мамы? Нет, лучше я их домой не понесу». Проходя через поляну, он нашёл кустик и высыпал под него семечки. «Завтра буду идти мимо и заберу», – решил он. Но на другой день от семечек осталась одна шелуха. Видимо, другие воришки, мыши или воробьи, побывали там.

В летнее время, по воскресеньям, ребята ходили купаться на реку Кубань, которая находилась в пяти километрах от станции Ольгинской. В разговорах и шутках этот путь преодолевали незаметно. Когда приходили к реке, у всех было огромное желание сразу же броситься в воду, но ребята, стоя уже раздетыми, каждый раз долго не решались это сделать, так как течение в реке было очень быстрым, а вода – ледяной. Они медленно заходили в воду и сначала обмывались, чтобы привыкнуть к холодной воде, а потом уже заплывали. Стоило им несколько раз махнуть руками, как вода тут же далеко уносила их по течению. Потом они выплывали и бежали к месту, где была оставлена одежда. Дрожая и стуча зубами от холода, ложились в горячий песок отогреваться. При этом щекотали друг другу подошву ног. Вильгельм очень боялся щекоток. Ребята знали это – и ему больше всех доставалось.

И вот Вильгельм подумал: «Неужели у меня так мало силы воли, что я немогу выдержать эту пытку?» Он встал, заложил руки за шею и, подождав ребят, сказал:

– Щекотите, сколько хотите!

И сжав зубы, он действительно вытерпел это испытание. С тех пор он больше не боялся щекотки.

Место у реки, где они купались, было ровное, а немного дальше Кубань подмывала кручу, которая сто-

яла стеной в высоту метров на двадцать – двадцать пять. Иногда ребята слышали, как многотонная глыба, подмытая водой, падала в воду. Однажды Вильгельм с племянником Петей подбежали к этому обрывистому берегу. Страшно было смотреть сверху на сердито бушующую воду. Вдруг они заметили под ногами трещину, и только успели отскочить с того места, как большая глыба обрушилась вниз, подняв столб жёлтой пыли. Ещё один миг – и мальчики могли бы оказаться смешанными с глиной и водой.

Этим летом, вблизи обрыва, в ночное время работал трактор. Угол пашни был недалеко от кручи. Тракторист заснул и трактор вместе с плугом и сцепщиком рухнул вниз.

Недолго прожила семья Фризен в станице Ольгинской, им пришлось переехать на квартиру к Шмидтам, жившим на улице Кооперативной. По соседству с ними находилась хлебопекарня, в которой пекли вкусный, круглый хлеб. Вильгельм часто отирался около неё в надежде получить кусочек хлеба, но это ему удавалось очень редко.

Но вот в хлебопекарне начали строить новую печь, и Вильгельм с другом предложили свою помощь – в надежде поесть хлеба. Им немного уплатили, но хлеба не дали.

Позже Вильгельм устроился на работу: возить кирпичи из соседней казачьей станицы. Там ломали старую церковь, а кирпичи привозили к пекарне, где их очищали от раствора. Раствор был очень крепкий, поэтому много кирпичей ломалось. Работа была подённой, а заработок очень низким. После работы Вильгельм часто стоял у дверей хлебопекарни и смотрел, как вынимали хлеб из печи, наслаждаясь ароматом свежего хлеба.

Вскоре брат Вильгельма, Абрам, устроился в колхоз трактористом и взял себе в помощники Вильгельма. Раньше в тракторной бригаде учётчиком работал Василий Шмидт, на квартире которого жили Фризены. Шмидт был верующим человеком, в 1937 г. его забрали, – бесследно. Теперь вместо него учётчиком был Майер.

Однажды, заканчивая работать в ночную смену, Абрам послал Вильгельма приготовить топливо к заправке трактора. Придя на заправку, Вильгельм стал приготавливать вёдра и шприц для смазки. Вдруг на горизонте показалась полуторка, которая быстро приблизилась. Подъехав к заправке, она остановилась. Из кузова прыгнул военный, другой вышел из кабины.

– Где Фризен? – спросили они, подойдя к заправке.

Им указали на босоногого, шестнадцатилетнего подростка, который со страхом смотрел на людей в военной форме. Один из них, подойдя к Вильгельму спросил:

– Вы Фризен?

Вильгельм ответил:

– Я.

– Одевайтесь! – последовал приказ военного.

Но Вильгельм продолжал стоять на месте, от страха не зная, что делать. Оглядев его с головы до ног, видимо, не совсем веря, что такого молодого парня надо арестовывать, военный повторил:

– Одевайтесь и поедem!

И вот Вильгельм сделал первый шаг в сопровождении чекиста с наганом. Подойдя к вагончику, он залез в него, достал ботинки и стал обуваться. Чекист, стоявший в дверях, спросил:

– А как вас зовут?

– Вильгельм.

– Как, как? – переспросил военный.

– Вильгельм, – повторил подросток.

– Нам нужен Абрам, – ответил чекист.

В это время подъехал Абрам на своём универсале, и другой военный, задержав его, велел сесть в кузов машины. Вильгельм только успел махнуть брату на прощанье рукой, и машина, резко тронувшись, скрылась за поворотом.

После этого происшествия, бедная вдова Агнета Корнеевна, при виде милиции, от страха старалась куда-нибудь спрятаться. По ночам часто раздавался гул проезжавшей машины, а на утро было слышно: того забрали, другого, третьего...

Абрама забрали утром, потому что ночью его не оказалось дома. Его предал учётчик тракторной бригады, работавший вместо арестованного Шмидта. А случилось это так: Абрам на дальнем участке культивировал зябь, а учётчик Майер, который должен был ежедневно замерять вспаханное и давать сведения в МТС, три дня не появлялся. Когда на третий день он приехал, Абрам его спросил:

– Где ты был так долго? Уже несколько дней не измеряешь то, что я вспахал.

Учётчик разозлился и крикнул:

– Ах, ты ещё будешь учить меня!

Сел на двуколку и ускакал. Написал ложный донос на Абрама, и его арестовали. Исчез Шмидт, исчез Абрам, ни весточки, ни привета. Абрам-то был холостой, а у Шмидта осталась жена с детьми.

После ареста Абрама рабочие в тракторной бригаде стали относиться к Вильгельму с презрением. Насмешки, которые ему приходилось выслушивать, действовали на его юное сердце, и он ходил, повесив голову. Особенно много ему приходилось терпеть от хромого тракториста Дика, у которого одна нога была короче другой. Он был страшным хулителем и безбожником.

Как-то вечером в тракторную бригаду приехал председатель колхоза Немчинов и стал вместе с трактористами смеяться над верующими, которых посадили. Потом председатель, обратившись к Вильгельму, спросил:

– Кто такие штундисты?

Вилли, впервые услышав это слово, ответил:

– Не знаю, – но догадался, раз насмешки идут в адрес верующих, значит, это к ним относится.

Вскоре Вильгельма поставили работать сцепщиком на ЧТЗ, с трактористом Савчуком. Эта работа была очень тяжёлой, надо было присматривать за двумя пятилемешными плугами. Чтобы больше заработать, тракторист старался быстрее пахать, от этого забивались плуги, которые плохо вспахивали землю.

Особенно было трудно, когда на поле находилась недожжённая солома, она так забивалась в плуг, что и ломом было трудно выбить. Вилли с ломиком носился по этим плугам, опасаясь, чтобы не попасть под лемеха. Сзади, на тракторе, была сделана маленькая площадка с отверстием для прицепа разных плугов, культиваторов и пр. Положив солому на эту площадку, можно было немного отдохнуть полулёжа.

Однажды, работая в ночную смену, тракторист Савчук сильно захотел спать и попросил Вильгельма сесть за рычаги управления, а сам, не проинструктировав его, залез на площадку и заснул. Вильгельм давно уже хотел управлять трактором, и вот теперь у него появилась такая возможность. Сев за рычаги, он включил скорость, дал газу и покатил вперед. Доехав до конца пашни, потянул сначала одну, потом другую верёвку, привязанную к спинке сиденья.

Плуги поднялись, регулятор сбросил газ. Вильгельм потянул ручной рычаг поворота и нажал на педаль с гребёнкой, которую можно было нажимать только при полной остановке трактора. Гребёнка зацепилась и застопорила гусеницу. Трактор стал

вертеться на месте. Нужно было нажать на нижнюю часть педали, и гребёнка бы выскочила, но Вильгельм этого не знал. Трактор вертелся до тех пор, пока тяга плуга, зацепившись за гусеницу, не разорвала её. Тракторист от испуга громко закричал. Растерянный Вильгельм потянул ещё какие-то рычаги – и трактор заглох. К удивлению Вильгельма, тракторист его не ругал, по-видимому, чувствовал свою вину, он только попросил, чтобы Вильгельм никому не рассказывал, что он спал.

Вскоре приехал бригадир, и с его помощью поломка была устранена, но для этого понадобилось много времени. Солнце стояло уже высоко, когда они приехали на полигон, где их ждал запоздалый завтрак. Сразу после завтрака завалились спать и, казалось, только уснули, как нужно было опять встать и идти на работу.

В тракторной бригаде работали только весной и осенью, остальное время – в полеводческой бригаде, где за ребятами, в возрасте Вильгельма, были закреплёны лошади. Обычно лучших лошадей получали те, кто был ближе к бригадиру. Вильгельму же доставались самые худшие.

Во время уборки урожая интересней всего было работать на молотилке, гоняемой паровиком. Однажды Вильгельма послали кочегарить этот паровик. Он был очень рад этой работе и выполнял её с большим желанием. Особенно ему нравилось подавать сигналы – давай, давай, давай!

Доработав до поздней ночи и с трудом дождавшись сигнала «отбой!», уставшие ребята бросились на солому и сразу заснули. Но Вильгельму и ещё двоим мальчикам недолго пришлось поспать: их разбудили и велели отвезти зерно на станцию. Сонные, чуть пошатывающиеся ребята стали запрягать таких же, измученных работой, лошадей.

До станции было километра четыре. Недалеко от дороги, ведущей на станцию, находилась пасека, ре-

бята решили добраться до неё и полакомиться мёдом, надеясь, что в темноте их никто не заметит. Подойдя к пасеке и дрожа от страха, они стали спорить, кто поднимет крышку улика и вытащит рамку с мёдом. Наконец один из мальчиков, Яша, быстро приподнял крышку, а Вилли тут же вытащил тяжёлую рамку с мёдом. Резким ударом он стряхнул пчёл с рамки, и крышка тут же захлопнулась. Ребята стрелой понеслись по нескошенному полю обратно к дороге.

Вильгельм тащил рамку с мёдом волоком по пшенице, стараясь тем самым сбить оставшихся на ней пчёл. Операция прошла без единого укуса. Но в это время из села по дороге на ток ехал бригадир. Подъехав к запряжённым лошадям, он в недоумении подумал: «А где же ребята? Почему лошади стоят одни?» Вдруг со стороны пасеки послышался шорох. Овернувшись, он увидел бегущих ребят.

Подбежав вплотную к бригадиру, они остановились, как вкопанные. Растерянный Вильгельм протянул рамку с мёдом, добытую с таким трудом, прямо в руки бригадиру, и только тогда, когда рамка была уже в его руках, Вильгельм понял, кому он её отдал. К удивлению ребят, бригадир их не ругал, а велел быстро отправляться с зерном на станцию. Разочарованные, так и не отведавшие мёда ребята, молча сели на подводы и тронулись в путь. Сдав зерно и вернувшись уже к утру на ток, они повалились на солому и сразу уснули. Но только успели сомкнуть глаза, как загудел сигнал паровика: давай, давай, давай!

Обессиленные ребята опять должны были браться за работу. Вильгельм часто завидовал пожарникам, которые спали в эти горячие дни днём и ночью.

Ночное происшествие с пчёлами стало известно всей бригаде. Говорили, что на этой рамке была матка, и весь улик пропал. Вильгельм очень переживал, потому что главная вина была на нём, ведь именно он отдал рамку бригадиру. Но прошло немного времени и

об этом, к счастью, забыли.

По окончании уборки, Вильгельма опять направили работать сцепщиком в тракторную бригаду. Эта работа была легче, чем в полеводческой бригаде, да и кормили лучше. А когда шёл дождь, можно было пойти домой. Дома мама с радостью встречала младшего сына, прижимала его к себе и увещевала:

– Сын мой, ты знаешь, что хорошо и что плохо. Время злое и разврат велик, я прошу тебя, храни себя, особенно берегись касаться женщины. Не делай этого, это страшный грех!

Слова матери глубоко легли в сердце сына, и он, по её молитве, был храним и хранил себя. Вильгельм всегда старался молиться утром и вечером, как его научила мама, и если не было возможности преклонить колени, то он, лёжа на траве, обращался в молитве к Богу.

Иногда на праздники в колхозе устраивали большое гулянье. Нанимали музыкантов из соседнего села, которым неплохо платили, и они, напившись, играли до упаду. Кормили всех бесплатно и вкусно, и Вильгельм радовался, что на таких праздниках мог поесть досыта. К спиртному же он никогда не прикасался и потому с удивлением смотрел на безумное поведение пьяных колхозников.

Вскоре старший брат Корней, работавший кассиром на заводе «Красный Октябрь», предложил ему поступить к ним в кроватный цех – учеником слесаря. Другой брат, Ваня, тоже работал на этом заводе – вагонщиком. Поэтому Вильгельму без проблем подписали поданное им заявление.

На заводе Вильгельм почувствовал себя намного лучше, чем в колхозе, хотя работать приходилось наравне со взрослыми, по семь часов ежедневно. Кроватный цех изготавливал панцирные, никелированные и простые клёпанные койки. Вильгельма направили в цех, где изготавливали простые клёпанные койки.

Наступила весна 1938 года. Мама каждый день где-то доставала по пол-литра молока и с кусочком чёрного хлеба давала Вильгельму на работу. Работая на заводе, Вильгельм не раз вспоминал, как в школе во время урока протягивал руку под парту и, отломив кусочек хлеба, незаметно клал его в рот. Но здесь в рабочее время этого делать было нельзя.

Во время обеденного перерыва Вильгельм садился у стены, нагретой солнцем, и с большим аппетитом принимался за кусочек хлеба, запивая его молоком. О, какой же он был вкусный, этот чёрный хлеб! Выпив молоко, он обеими руками сжимал пустую бутылку и думал: «Хоть бы раз напиться вдоволь молока!»

Зарплату, как ученик, он получал маленькую, но всё-таки в течение нескольких месяцев сумел накопить 200 рублей. В то время это была стоимость сапог. Килограмм сахара стоил 4 рубля 20 копеек, чёрный хлеб – 90 копеек за килограмм. Вильгельм мечтал о приобретении простого костюма, так как из одежды у него, кроме латаных штанов, ничего не было.

Друзья Вильгельма по школе – Адам Майер, Александр Крюгер и Франц Винс – тоже работали на этом заводе, только в другом цехе. Они посоветовали Вильгельму подать заявление о переводе в их отделение. Вильгельм так и сделал, и его просьбу удовлетворили. Теперь у него был свой верстак, под ним стоял большой ящик с инструментом, который закрывался на замок.

Многому научились ребята на заводе. Вильгельм сделал себе хорошую финку с искусно выделанной ручкой и носил её всегда при себе, под ремнём, с внутренней стороны брюк. Однажды, идя по скользкой дорожке, он, поскользнувшись, чуть не упал; при этом ручка финки упёрлась ему в живот, а остриё вонзилось в бедро. С тех пор он не стал носить нож на таком месте, так как понял, что это опасно.

На заводе училось несколько беспризорников, с которыми Вильгельм крепко сдружился. По вечерам они ходили по улицам, где обычно собиралась молодёжь. Однажды, перед началом киносеанса, дежурный милиционер, подозревая Вильгельма, проверил у него карманы и отобрал нож. Оказывается, один из беспризорников, с которыми дружил Вильгельм, донёс участковому, что у Вильгельма в кармане нож. К счастью, никаких последствий не было.

Лишившись ножа, Вильгельм купил себе недорогое ружьё 25-го калибра. Осенью 1938 г. старые знакомые, в основном трактористы, собрались на охоту. Вильгельм, услышав об этом, тоже примкнул к ним.

Охотничья цепь растянулась, захватив большой участок поля. Тяжело было идти по пахоте и бурьяну. Вильгельм шёл, держа ружьё наготове, как и все настоящие охотники. Вдруг, недалеко от него, выскочил заяц. Приложив к плечу ружьё, Вильгельм выстрелил. Если бы заяц мог смеяться, он, вероятно, рассмеялся бы. Вильгельм же, вместо второго выстрела, послал вслед зайцу жалобный взгляд.

Пройдя немного дальше, он заметил за кустом что-то серое и тут же выстрелил, но серый комок остался лежать. Подбежав, Вильгельм увидел перед собой зайца, но уже мертвого, остывшего. Видимо, кто-то уже раньше подстрелил его. С гордостью, как настоящий охотник, Вильгельм взял зайца на спину и пошёл домой. Дальнейшая охота его больше не интересовала.

Дома он снял с зайца шкуру, и мама приготовила такое жаркое, что все только облизывались! Никто не знал, что это был за заяц и как Вильгельм его достал.

Осенью, когда Вильгельм проходил военно-врачебную комиссию, у него обнаружили грыжу и направили в Невинномысскую городскую больницу, на опера-

цию. Операции Вильгельм не боялся, но его страшило то, что после неё придётся лежать в больнице семь суток, а это ему казалось невыносимым.

В больнице, при обследовании, он постарался скрыть грыжу, и это ему удалось, хирург, ничего не обнаружив, отпустил его домой. Придя в военкомат, он обманул, сказав, что врачи в Невинномысске не берутся за эту операцию и что ему надо ехать в областную больницу, в Ставрополь.

Вильгельм хорошо помнил, когда у него появилась грыжа. Это случилось примерно год назад, когда он с сестрой Марией грузил большие мешки с картофелем на тележку. Во время погрузки он почувствовал в правом боку сильную боль. А на другой день, когда Вильгельм отвозил тележку, которую взяли у соседей, его сильно затошнило. С большим трудом докатив тележку до сада, он, застонав от боли, упал под деревом. Полежав немного на животе, он уснул, а проснувшись почувствовал себя намного лучше.

Но прошло немного времени, и приступ опять повторился. На этот раз Вильгельм рассказал об этом маме. Она тут же догадалась, в чём дело и сказала:

– Пощупай в паху, нет ли там шишки? – и правда, в правом боку была шишечка величиной со скворечное яйцо.

– Это грыжа, – сказала мама.

Она быстро налила в бутылку горячей воды и, подав Вильгельму, сказала:

– Приложи к этой шишечке и хорошо нагрей её.

Недолго продержав бутылку, Вильгельм почувствовал ужасную боль, от которой сильно вскрикнул.

– Это маленькая грыжа, – объяснила мама, – Когда ты поднимал тяжесть, сетка живота порвалась, и в этот разрыв, под кожу, вышла кишка. Сетка её зажала, а в тот момент, когда ты закричал, сетка порвалась ещё больше, – и действительно, шишка в паху значительно увеличилась.

Прошло некоторое время, и военкомат стал опять требовать, чтобы Вильгельм сделал операцию – и он поехал в Ставрополь, в областную больницу.

Хирургическое отделение размещалось на втором этаже большого здания. Просторные, с большими окнами палаты понравились Вильгельму. Кормили в больнице очень хорошо. В день же перед операцией на обед дали только жидкий суп, а ужином вообще не кормили.

И вот настал день операции. После вчерашнего недоедания у Вильгельма все мысли были только о еде. В палате, рядом с ним, лежал больной с повреждением позвоночника, и ему давали есть всё, что он пожелает. «Вот бы меня так кормили!» – думал Вильгельм, глотая слюнки. Этот больной, бывший тракторист, понадеявшись на свои силы, поднял столитровую бочку с керосином, неудачно повернулся – и у него что-то хрустнуло в позвоночнике. Теперь на нём проводили опыт срачивания.

Началось операционное время. Прооперированных, одного за другим, привозили в палату. Когда подошла очередь Вилли, его позвали в операционную и велели раздеться. У рукмоиника стоял хирург и тщательно мыл руки.

– Ну, как будем оперировать, с наркозом или нет? – спросил он Вильгельма.

– Без наркоза, – не чувствуя страха, героически ответил Вильгельм.

– Вот это настоящий солдат! Правильно, молодец! – похвалил хирург.

В это время открылся занавес и Вильгельм увидел недавно сидевшего рядом с ним парня. Он лежал, привязанный ремнями к столу, с большой раной на животе, а другой хирург ковырялся в ней щипцами. Увидев такую картину, Вильгельм испугался. Но тут медсестра сказала ему:

– Ложитесь!

Весь дрожа, Вильгельм лёг на стоявший рядом пустой стол. Ему надели влажные, горячие чулки и накрыли горячими простынями. Над собой он увидел большое зеркало и подумал, что сможет наблюдать, как будет проходить операция. Но не тут-то было, его укутали так, что открытыми остались только рот и нос. Кто-то резким движением пристегнул его руки и ноги широкими ремнями. Медсестра раскрыла простынь и помазала его живот и бёдра йодом. Потом подошёл хирург и сказал:

– Кольну-ка я разок...

После этого укола, – местного наркоза, тело стало как мертвое, и было такое ощущение, будто режут резину. В это время Вильгельм почувствовал, как потекло что-то тёплое. Ему стало очень неприятно, и он изо всей силы потянул руки, пытаясь освободиться, но напрасно. Хирург что-то делал, и Вильгельму казалось, что из его живота вытягивают горло. Морщась от боли, он закричал:

– Наркоз!

Хирург что-то сказал – и тут же Вильгельму на нос надели какой-то колпак. Он знал, что при усыплении наркозом надо делать короткие вдохи, но этот воздух был таким противным, что им невозможно было дышать. Вильгельм так мотнул головой, что маска тут же слетела, но её ловко подхватили и моментально надели ему на нос. Вильгельм вдохнул этот противный воздух ещё несколько раз и опять, тряхнув головой, сбросил маску.

– Не хочу! – закричал он при этом.

Но его никто не слушал – и маска опять оказалась на носу. Вдруг появилось много, много звёздочек, казалось, весь мир поднимался над ним. Он услышал слова хирурга:

– Вот тебе твоё удовольств... – последнее слово он уже не расслышал.

Проснувшись в палате, Вильгельм увидел возле сво-

ей кровати девочку, которая махала над ним газетой. Вильгельм тут же попросил:

– Воды!

И опять уснул. Так он, несколько раз просыпаясь, просил воды, но девочка отвечала:

– Воды нет.

Вильгельм, видя, что на тумбочке стоит графин с водой, закричал:

– Что ты обманываешь! Вот же вода, дай воды!

На крик прибежала медсестра и сказала, что после наркоза пить нельзя – может начаться рвота и разойдутся швы. Позже ему принесли куриный бульон с сухарями, а ночью он уже приподнимался на постели.

На другой день, согнувшись, Вильгельм уже ковылял по коридору, придерживая правой рукой то место, где был прооперирован. В это время мимо проходил хирург. Увидев согнутого Вильгельма, он взял его за голову и выпрямил, отчего Вильгельм закричал, а хирург сказал:

– Прямо ходить надо! А то так срastётся – и останешься кривым.

На седьмые сутки Вильгельма завели в операционный кабинет и велели лечь на стол. Сестра сняла наклейки, а потом пинцетом стала снимать швы. При снятии швов рана разошлась.

Сестра тут же позвала хирурга. Осмотрев рану, он сдавил её обеими руками, выдавливая всё, что там было нечистое. Это было так больно, что Вильгельм не мог лежать спокойно. Очистив рану, врач опять наложил наклейку.

На девятые сутки после операции, по просьбе Вильгельма, его выписали с открытой раной. Чтобы не так сильно трясло в автобусе, ему забронировали первое место. Дома мама, увидев открытую рану величиной с палец, испугалась, думая, что она не зарастёт. Теперь Вильгельму надо было каждый день ходить в амбулаторию на перевязку.

Однажды, после кино, ребята договорились пойти в колхозный виноградник. Вильгельма же они не хотели брать с собой, потому что он был после операции, но ему надоело сидеть дома и он увязался за ними.

Виноградник находился на пригорке, а рядом широко раскинулись бахчи. Удачно забравшись в виноградник, ребята разошлись по кустам и стали набирать виноград себе за пазуху. Кто-то предложил прихватить с собой по арбузу, и тут же все, как муравьи, рассыпалось по бахче. Кругом были слышны щелчки – каждый хотел выбрать себе арбуз поспелее.

Вдруг ребята увидели сторожа, который зашёл в свой балаган. Они мигом бросились в высокий бурьян и притаились там. Тихо сидя в бурьяне, слышали шорох – это сторож приближался к ним. Не шевелясь, ночные посетители выжидали, когда он пройдёт мимо, но звуки шагов почему-то затихли.

Через некоторое время кто-то шёпотом сказал:

– Он, наверное, зашёл в виноградник...

Возможно, в ночное время сторож сам боялся заходить в глубокий бурьян. За бурьяном проходила дорога, а за ней стояла высокая кукуруза. «Вот бы добратся до неё», – думали ребята. Но только приподнялись, как тут же увидели сторожа с ружьём – он был совсем близко. Как по команде, они рванули через дорогу.

Сторож тут же выстрелил, и картечь засвистела над головами. Вильгельм с трудом бежал, отставая от всех. Рядом с ним бежал коротыш Делеске, с полной пазухой винограда. По бокам, в каждой руке он держал по большому арбузу, и казался таким смешным, что ребята потом ещё долго смеялись над ним.

Достигнув кукурузы и добежав до другого конца поля, ребята стали разбивать арбузы – те, что были послаще, съели, а похуже – выбросили. Виноград унесли домой.

Вильгельм знал, что мама, увидев виноград, догадается откуда он, поэтому решил спрятать его в саду, под кустом, надеясь полакомиться утром. Но утром, проснувшись, увидел виноград на столе. Мама знала, что этот виноград Вильгельм не купил, да и подарить ему никто не мог – значит, он его украл. Сколько она молилась за младшего сына и старалась его вразумлять, он же считал себя уже взрослым и часто грубо пререкался с ней. В таких случаях Агнета Корнеевна старалась молчать, и только слёзы, одна за другой, капились по её щекам.

Видя, как мама плачет, Вильгельм старался не смотреть на нее. Но внутренний голос говорил ему: смотри, ведь она плачет из-за тебя! Другой же голос говорил: а ты выйди во двор, чтобы не видеть. Вильгельм вышел, но совесть преследовала его: ты не хочешь видеть любимую маму? Борясь с голосом совести, он опять возвратился в дом.

Мама сидела и тихо плакала. Не говоря ни слова, Вильгельм ходил по комнате, из одного угла в другой, ища повод заговорить с мамой, наконец, не вытерпел и бросился к ней на шею, прося в слезах:

– Мама, прости!

Мама, вытерев слёзы, стала вразумлять сына. Вильгельму было очень жалко маму, и он обещал сам себе никогда больше её не обижать. Иногда, бывая на похоронах, Вильгельм думал о том, что и с мамой когда-то придётся расстаться, и тогда он готов был носить её на руках.

Вильгельм продолжал работать на заводе. Началась война с Финляндией, и в тылу работа кипела, дисциплина на заводе была очень строгая. Вышел закон: опоздание на пять минут считать прогулом и в течение 24-х часов давать полный расчёт. Но, в то же время, не-

льзя было перерабатывать или ударить молотком после того, как прогудит гудок на обед. Это считалось нарушением. Во время обеда рабочие молча ели, читали газеты; на заводе царил полная тишина.

Вильгельм освоил фрезерный станок и его поставили фрезеровщиком. Это была хорошо оплачиваемая работа, но очень ответственная, особенно трудна была шабровка парных плит для вулканизаторов. Их поверхность должна была быть зеркальной. Контролёром работал старый Шульц, костоправ. Когда-то он вправлял Вильгельму вывихнутый на ноге палец. Тогда, смазав вывих жиром, он одной рукой схватил большой палец, а другой стал массировать и вправлять. Теперь же эта очень чуткая рука ощупывала поверхность плиты и о браке не могло быть и речи. Его аккуратная и точная работа не нравилась ребятам, но мимо контроля старика не пройдёшь...

Прошла зима, и когда весной всё ожило, наши молодёжь герои, работавшие на заводе, начали мечтать о больших городах, деньгах и счастливом будущем. Вильгельм договорился с одним из учеников токаря, беспризорником, рассчитаться и куда-нибудь вместе уехать.

Рассчитаться было просто: стоило лишь один раз не выйти на работу – и тебя сразу же увольняли. Ребята так и сделали. Получив расчёт, стали собираться в путь. Молитвы мамы достигали престола Божьего, но до сердца сына не доходили, и она, видя, что все уговоры напрасны, молча помогла ему собраться в дорогу.

Стук колёс укачивал ребят, лежащих на полках вагона. Вдруг раздался грохот, будто упало что-то тяжёлое. Вильгельм открыл глаза и увидел лежавшего на полу, в проходе, человека. Он был так пьян, что упав со второй полки, даже не проснулся.

На шум прибежал проводник, стал будить пьяного, но тот не просыпался. Намучившись, проводник ушёл в своё купе, потом вернулся с ваткой, пропитанной нашатырным спиртом, и сунул ему под нос. Потянув носом, пьяный вмиг отрезвел.

Приехав в Кировобад, ребята стали бродить по городу, в надежде найти какую-нибудь работу, но все поиски были напрасны, в таких работниках там не нуждались.

Вильгельм, пожалев о напрасно потерянном времени, решил поехать в Тифлис, к своей сестре Агнете. С другом-беспризорником он расстался навсегда. Хорошо было бы Вильгельму в то время расстаться и со своими неразумными действиями, но бушующее море заманчиво влекло его и он, как пленник, которого в цепях ведут на торг, не сопротивлялся. Вильгельм не желал повиноваться внутреннему голосу, который говорил ему: «Посмотри, что делается вокруг, сколько пьяных, беспризорных людей, не имеющих ни крова, ни родных, ни пропитания... И ты сейчас похож на них. Разве у тебя нет дома, матери? Вернись же теперь домой, попроси прощения у мамы и живи с ней, так и тебе и ей будет лучше. Она плачет и молится за тебя день и ночь». Так убедительно говорил голос совести, но напрасно.

Приехав в древний город Тифлис, Вильгельм стал бродить по нему в поисках улицы Грибоедова. Найдя её, подошёл к нужному номеру дома, парадная дверь которого выходила прямо на тротуар. В этом доме жила грузинская семья, а сестра Вильгельма, Агнета, работала у них домохозяйкой. В её обязанности входили уборка квартиры, приготовление пищи и уход за собакой. Хозяин этой семьи работал врачом, а его жена – педагогом.

Подойдя к двери, Вильгельм несмело постучал. Дверь открыла Агнета и, увидев на пороге младшего брата, растерялась.

– Ты откуда? – спросила она.

Вильгельм рассказал ей о своих похождениях и о том, что ему надо найти квартиру и работу. Работу он вскоре действительно нашёл. Его приняли слесарем на авторемонтный завод, а вот найти квартиру оказалось намного труднее.

Как-то вечером Вильгельм с Агнетой пошли в гости к верующим. Семья Гриценгер была очень музыкальной. В этот вечер мать играла на пианино, отец – на какой-то фарфоровой дудке, одна дочь – на скрипке, другая – на мандолине, а Агнета – на балалайке. Играли они очень хорошо, потом под музыку мать начала петь нежным голосом, но не христианскую песню, а танго «Девушка с гор».

На другой день вечером совместно посетили цирк, к которому вела асфальтированная дорожка. Здание цирка с величественным куполом стояло наверху круглой горы. Потом Вильгельм посетил монастырь, где в стене, за железными, решётчатыми дверями, находились могилы Грибоедова и его жены.

Вскоре разочарованный Вильгельм, так и не найдя квартиры, решил поехать к своему школьному другу Саше Крюгер, который жил в Майкопе. Когда-то, ещё в школьные годы, родители послали Сашу в магазин за хлебом. По дороге его встретили друзья и сказали, что привезли новое кино и уговорили пойти с ними. Домой он пришел без хлеба и без денег. На другой день бедный Саша, показал Вильгельму страшно изуродованное от ремня, мягкое место...

– Это работа отца, я ему ещё припомню, – сказал он.

И при первой возможности он купил себе билет на поезд и уехал, сказав при этом, что его забирают в армию. Родители проводили его со слезами, не зная даже того, что мобилизованным в армию билет покупать не надо. К этому-то товарищу и направился Вильгельм. Дорога из Тифлиса в Майкоп проходила недалеко от родного дома. За окном вагона мелькали хорошо зна-

комые места, но сойти с поезда и вернуться к маме он не решился, ему было стыдно.

В Майкопе он удивился чистоте и порядку этого небольшого городка. Железнодорожный вокзал был маленький, похожий на монастырь. Улицы были прямые, и аккуратные кварталы смотрелись, как шахматная доска. Тротуары были красиво выложены круглыми, дубовыми шашками.

Саши Крюгер дома не оказалось, его забрали в армию. Вильгельм не знал, что делать, вернуться домой он не решался, хотя очень скучал за мамой. Деньги, которые у него были, быстро уплывали и уже виден был их конец.

Недалеко от Майкопа, в Абшаринске, требовались разные рабочие с предоставлением общежития. Туда он и направился и устроился в автопарк слесарем. Вскоре начались шестимесячные курсы шоферов, без отрыва от производства, на которые Вильгельм сразу же поступил. Заработок у него был очень маленький, да и кто бы дал такому молодому парню зарабатывать больше! Иногда, заходя в столовую, он смотрел на разные блюда и, сглотнув набежавшую слюну, уходил.

Месячную зарплату он распределял очень аккуратно. Тяжело было работать и учиться с голодным желудком, но кому он мог пожаловаться? Бедной маме, которая и так плачет и молится о нем? Нет! Вильгельм решил никому о трудностях не сообщать. Но материнское сердце чувствовало бедственное положение сына и, узнав его адрес, она периодически старалась посылать ему посылки с продуктами.

Шофёрские курсы по теории подходили к концу. Прибыл инструктор по практическому обучению. Он тщательно разъяснил, как нужно водить машину и велел курсантам поочерёдно садиться за руль. Наконец дошла очередь до Вильгельма. Волнуясь, он занял место водителя, а инструктор сел рядом. Вильгельм очень удачно тронулся с места, переключив скорость.

Инструктор, наблюдая, как Вильгельм ведёт машину, спросил:

– Вы работали шофёром?

– Нет, – ответил Вильгельм.

Инструктор похвалил его, и после этого, когда ему нужно было съездить в район, он брал Вильгельма с собой. Тут уж Вильгельм был как настоящий шофёр!

Однажды проезжали мимо сгоревшей нефтяной вышки. Вокруг нее была большая площадь выгоревшего леса и много насыпного песка. Сама же вышка будто вросла в землю. В то время, когда она горела, из всех находившихся вблизи колхозов мобилизовали большое количество подвод, которые возили песок. Сыпали его издали, стараясь засыпать фонтан нефти, пылавший огнём. Также бросали песок с самолётов, но ничего не помогало.

В то время был под арестом учёный Рамзин, его привезли в сопровождении конвоя. Он осмотрел местность, посидел ночь над чертежами, что-то высчитывая, потом сказал, чтобы изготовили чугунную плиту величиной два на два метра. В указанном им месте быстро вырыли небольшой котлован и загнали плиту в землю, пламя тут же погасло.

Закончив учёбу и получив права, Вильгельм, победив свою гордость, решил вернуться домой. За время его отсутствия мама, Мария и Зара переехали в деревню Казбек Новоселенского района Минводской области. От станции до Казбека было примерно шестьдесят километров, и Вильгельм, не имея денег, решил преодолеть это расстояние пешком. На последние несколько копеек, которые остались у него от билета, он купил себе булочку. Половину он съел ночью в поезде, а другую половину – утром, перед тем, как отправиться в путь.

О чем думал молодой человек, отправляясь в такую

дальнюю дорогу без копейки денег? Кругом, сколько мог видеть глаз, раскинулась степь. В одном месте по дороге его догнал трактор с несколькими прицепами. Запрыгнув в задний прицеп, Вильгельм тихо присел, боясь, чтобы его не согнали. Но не долго пришлось радоваться бесплатному транспорту, так как трактор свернул в сторону. Спрыгнув с прицепа, уставший Вильгельм, еле передвигая ноги, продолжил путь.

Недалеко от дороги стояла скирда соломы, и он, подойдя к ней, решил немного отдохнуть. Присев на солону, Вильгельм почувствовал страшную усталость, и его стал одолевать сон. Солнце уже двигалось к закату и он, зная что ночью в степи спать опасно, собрав все свои силы и превозмогая боль в ногах, встал и зашагал дальше.

Было уже совсем темно, когда наконец впереди показались огни долгожданного села Казбек. Мама с радостью встретила сына. Как будто и не было тех скорбных дней, которые она провела в слезах и молитвах! Она так радовалась, что её блудный сын опять вернулся, и не упрекала его, что он приехал домой без единой копейки. Мама для него готова была заколоть откормленного тельца, но, увы, тельца у нее не было, так как она сама была на попечении у Александра.

Вскоре сняли квартиру у Матиса. Вильгельм устроился работать слесарем по ремонту сельхозинвентаря, ему также приходилось изготавливать всякие мелочи. Когда председатель потерял ключ от английского замка, то Вилли изготовил новый, изящный, как заводской и отдал его председателю, который был удивлён работой Вильгельма.

Продукты выписывали из колхоза авансом. Питались очень скудно, о мясных блюдах приходилось только мечтать. Но всё же, по сравнению с Великокняжеским, жить было легче, да и народ был лучше, не было такого разврата, хотя ругательные слова всё же говорили. Вильгельм же хранил себя от этого.

Однажды один парень, приставая к Вильгельму, схватил его. Вильгельм же изо всех сил старался вырваться, и вдруг из его уст вылетело грязное слово! Выйдя из конюшни, где это происходило, он заплакал. Ведь никогда раньше ругательство не выходило из его уст. Даже находясь на далёкой чужбине и среди развратной молодёжи на Кубани, он хранил себя от этого, а теперь, при такой пустячной борьбе, с его губ слетели первые буквы ругательства! Он сильно плакал и просил прощения у Господа.

Дома же, уединяясь, он стал чаще читать Библию. Мама, видя, что сын приближается к Господу, стала ещё усиленней молиться о нём. Разговаривая с хозяйкой дома, где они жили, она сказала, что из её сына может получиться проповедник. Об этом разговоре Вильгельм узнал уже после смерти мамы.

Вечерами в деревне Казбек было очень весело. Деревенская молодёжь собиралась на улице, допоздна играли в разные игры, пели песни, иногда проказничали. Как-то вечером ребята до того разошлись, что стали опрокидывать сельскохозяйственный инвентарь. Вильгельм в таких мероприятиях не участвовал, а только наблюдал за происходящим со стороны. Войдя в азарт, молодёжь решила подшутить над семьёй Франзин, девчат которых они недолюбливали. Подкравшись тихо к их дому, они выкатили на улицу бочки, в которых собиралась дождевая вода. Потом, взяв с огорода чучело, вынесли его и установили на перекрёстке, как регулировщика.

Рано утром, идя на ферму Зара, сестра Вильгельма, увидев это страшилище, отошла в сторону и, не решаясь идти дальше, пошла в обход. Когда же рассвело, то прохожие уже не пугались, так как было видно, что это просто чучело.

В другой раз ребята, выкатив молотилку, поставили её поперёк дороги, а к ней подтащили плуги и прочий инвентарь, перекрыв этим всю улицу. Утром, когда было ещё темно, вдруг раздался грохот. Ехавший на базар обоз, налетел на стоявшую посреди дороги молотилку. Сидевший в обозе мужик, закричал:

– Пр-р-р! Шо цэ такэ Иван, а Иван? Куды цэ мы заихалы?

Это были казаки из соседней станицы. Они думали, что попали к кому-то во двор. Смеху было немало. Все знали, что это были проделки молодёжи, которая должна была чем-то заниматься.

Пришла пора сенокоса. Трактор цеплял по шесть-семь сенокосилок сразу. На каждой сенокосилке сидел человек для управления. Обязанностью Вильгельма была смазка и отточка ножей.

Ночевали в вагончиках, которые находились в поле, там же была и кухня. Повариха, работавшая на кухне, выполняла также обязанности медсестры. И вот сообщили, что кто-то порезал ногу сенокосилкой. Повариха тут же, схватив ящик с красным крестом, побежала к пострадавшему, забыв закрыть кухню.

В это время Вильгельм с Корнеем Тэвс находились недалеко от кухни. Корней, не долго думая, взял буханку хлеба (а хлеб был большой, круглый, деревенский), разделил его пополам и, намазав сливочным маслом, стал есть. Тут уж и Вильгельм, не вытерпев, принялся за другую половину. В это время с поля вернулась повариха и застала ребят на месте преступления. К счастью, она была в хорошем настроении, посмеялась над ребятами и разрешила им доесть начатые куски.

Во время уборки урожая за Вильгельмом закрепили одну из трёх сноповязалок, в которые запрягали лошадей. Вильгельму нравилось смотреть, как снопы высккивают один за другим. Старая, отремонтированная сноповязалка работала, как часы, и в короткий срок первый загон был закончен. Загон – это большой учас-

ток в несколько метров шириной, скошенный косами.

На другой день Вильгельму дали трёх старых кобыл с жеребьятами, которые бежали рядом. На лошади, запряженной посередине, сидел мальчик-погонщик, сын бывшего председателя. Вначале всё шло хорошо, сделали несколько оборотов вокруг загона. К обеду просека между пшеницей стала шире, примерно на пятнадцать метров. Жеребята, играя между собой, отстали на хорошее расстояние, потом они на большой скорости догнали и обогнали своих матерей. Напуганные этим, старые лошади рванули вперёд, увлекая за собой всю упряжку.

Сноповязалка Вильгельма, на которой он сидел, еле успевала выбрасывать снопы. Но это длилось недолго, лошади, оторвав крючок от сноповязалки, понеслись галопом дальше. Вильгельм с ужасом смотрел, как удалялась тройка, с сидевшим на средней лошади мальчиком, который безуспешно пытался остановить разъярённых лошадей. Вдруг мальчик, потеряв равновесие, упал. «Всё, конец парню, лошади затоптали его», – подумал Вильгельм. Но когда рассеялась туча пыли, он увидел, что мальчик поднялся с земли и пошёл, немного прихрамывая.

Ещё не успели убрать с полей богатый урожай хлеба, как пришло страшное известие: началась война. Спустя несколько дней, многих мужчин забрали на фронт и убирать урожай стало некому. Всю молодёжь, в том числе Вильгельма, забрали в райцентр, на строительство аэродрома. На большом поле скосили траву, разровняли землю и сделали очень большую площадку.

На этой стройке Вильгельм увидел мужчину, который бегал туда-сюда, требуя качественной работы. Раньше он работал в органах и знал семью Фризен, ко-

торых «раскулачили». Недовольный работой молодежи, он накинулся на Вильгельма с криком и стал вспоминать прошлое. Вильгельм подумал: «Ещё немного – и меня арестуют». Но работать долго на строительстве аэродрома Вильгельму не пришлось, его опять отправили домой, в колхоз.

Через несколько дней вышел указ: всех жителей немецкого происхождения, проживающих в западной части страны, эвакуировать на восток. Село окружили военные. Дали срок: в течение трёх дней подготовиться к отправке. С собой разрешалось брать только тридцать килограмм продуктов на человека. Всё, что люди заготовили на зиму, пришлось оставить.

В назначенное время в село прибыло много подвод из соседних колхозов, на которых нужно было добираться до ближайшей станции. Обоз растянулся по дороге километров на пять. В одной деревне остановились на ночлег. Ночью у кого-то умер ребёнок. Люди, вспомнив о забытом Боге, начали петь псалмы. Всех волновал вопрос: что же будет дальше, что ждёт впереди?

Прибыв на станцию, разгрузили вещи около железнодорожного полотна. Вскоре подошли красные вагоны и началась погрузка. Малые дети кричали, требуя к себе внимания, не понимая, что происходит.

В вагоны разместили по пять-шесть семей и объявили номер поезда – на случай, если кто-нибудь отстанет. Поезд почему-то поехал не на восток, а на запад, через город Ростов, к которому уже подступали немецкие войска.

Страшно было смотреть на лежавший в темноте Ростов. На станции стоял чёрный бронепоезд. В небе был слышен страшный рёв самолётов. Кто-то сказал, что впереди разбомбили эшелон. И вот поезд, в котором везли эвакуированных, остановился на той станции, где прошла бомбёжка. Перед глазами пассажиров открылась страшная картина. Мёртвые люди были снесены в кучу и заставлены щитами, а в обгоревших,

пассажирских вагонах было ещё много погибших, которых не успели собрать. Вильгельм с другими ребятами лазил по изуродованным вагонам, переступая через трупы.

После короткой остановки поезд с эвакуированными тронулся дальше, взяв курс на Восток. Вскоре, по дороге, умер дядя Вильгельма, который находился в передних вагонах. Свой путь он закончил на колёсах, несущих его неведомо куда. Через короткое время умер ещё один ребёнок, потом ещё... Умерших хоронили на стоянках, где попало. Иногда поезд в степи стоял очень долго, ввиду перегрузки железной дороги или бомбёжки. Там же, на стоянках, готовили пищу. Бывало не успевали сварить пищу, как начальник поезда подавал сигнал: по вагонам! Трудная это была дорога. Женщины и мужчины, дети и старики уже почти месяц катились по рельсам, ведущим на Восток.

Проехав Урал, прибыли на станцию «Курорт Боровое», Щучинск. Стоял холодный ноябрьский день. Поспешно началась разгрузка. Тут же появились какие-то начальники, дававшие указание сгруппироваться в указанное число семейств. Началась суматоха, каждый старался присоединиться к своей родне. Потом подъехали трактора с прицепами, на которые погрузили людей с вещами, и „железные кони” двинулись в незнакомые края, никто не знал, куда их везут и что их ждёт.

Жёны не знали, где их мужья, а мужья не знали, где их семьи. Много проклятий слышалось в адрес Гитлера. Сколько горя и несчастья может принести людям один человек!

Сидя на большом прицепе, доверху нагруженном вещами, Вильгельм вспоминал, что на Кубани осталось так много добра: хлеб, арбузы, виноград... А сколь-

ко скотины закололи на дорогу, с собой же разрешили взять совсем немного продуктов. Надолго ли этого хватит? Дети плакали от голода и холода. Бедные матери кутали их, стараясь обогреть своим дыханием.

В восемнадцати километрах от станции была деревня Пашенка, которая стала конечным пунктом для эвакуированных. Всех их разместили по квартирам к местным жителям.

Фризенy попали в семью Ляховых, живших со снохой, муж которой был на фронте. Вскоре всех трудоспособных послали на работу. Урожай ещё был не убран, хотя снег уже покрыл землю. Халатное отношение к работе очень удивило привыкших к труду кубанцев. Утром бригадир посылал верхового, который обязан был всем по отдельности сказать, что надо идти на работу. Такой сбор рабочей силы иногда кончался к одиннадцати часам. Потом рабочих везли на поле к комбайну, где уже возился комбайнёр, растапливая чан с замёрзшим льдом. Иногда комбайнёр тоже задерживался и со всеми вместе приезжал на место назначения, и пока он приводил комбайн в движение, проходило много времени. Ребята же в это время барахтались в соломе, стараясь согреться.

Удивительной была жизнь в глубоком тылу, в Казахстане. Станным казалось Вильгельму такое отношение людей к труду. Чтобы не работать в поле, Вильгельм предложил свои услуги – работать в кузнице колхоза, которая была на замке, так-как кузнец ушёл на фронт.

Председатель колхоза дал своё согласие. Вильгельм думал, что вполне справится с работой кузнеца, но эта затея не увенчалась успехом. Видя загупленные железные бороны, он стал их разбирать, нагревать и оттягивать. Неопытные, не привыкшие к кузнечной работе руки тут же обнаружилиcь. Взяв раскаленный палец клещами, он положил его на наковальню и ударил несколько раз в оттяжку. Рука с клещами

чуть опустилась, кончик пальца на наковальне приподнялся – и после ещё одного удара вырвался из клещей и ударил в левую сторону верхней губы Вильгельма, пронзив её насквозь, до зубов. Из раны хлынула кровь, и от боли он, конечно же, не мог дальше работать. Кузня закрылась.

К концу декабря все мужчины-переселенцы получили повестки в Щучинский военкомат. Явиться нужно было с запасом продуктов, чашкой и ложкой. Народу собралось очень много, со всего района. Всех разместили на время по домам, к жильцам города. Каждое утро нужно было являться в военкомат, где было построение, перекличка и маршировка. Питались привезёнными с собой продуктами. Вильгельм не мог использовать их так, как это сделала бы мама, она из этих продуктов могла бы приготовить очень вкусное блюдо, но мамы рядом не было.

Часто Вильгельм вспоминал свою маму, как она стояла на заснеженной дороге, с мокрыми от слёз глазами, и махала рукой вслед саней, увозящих её сына, до тех пор, пока сани не скрылись за холмом. Мама, бедная старенькая мама, сколько молитв ты вознесла к Богу за своего младшего сына, сколько пролила за него слёз!

По вечерам, уставшие после дневной строевой маршировки, замёрзшие переселенцы возвращались в тёплые избы. Как-то ребятам захотелось поесть горячего, и они пошли в столовую. Посмотрев меню, Вильгельм прочитал: на первое – щи, и подумал: – что это такое, щи? Никогда подобного названия он не встречал ни в столовых, ни в чайных на Кавказе. И вот ребята решили их отведать. Официантка поставила перед каждым по тарелке с горячими щами, и они с интересом стали рассматривать содержимое. Повертев ложкой в тарелке, ребята увидели, что это всего-навсего голенькая капуста, сваренная в воде. Отведав щи, у Вильгельма больше не появлялось желание их заказывать.

Декабрь 1941 года был очень холодный. Тут Вильгельм впервые увидел людей в валенках. На Кавказе их не носили. Ноги Вильгельма сильно мёрзли в тоненьких ботинках и он был бы рад иметь такие же валенки, но, за неимением денег, купить их не мог.

Почти целый месяц мужчины-переселенцы находились в Щучьем. Каждый день, к десяти часам утра, они приходили в военкомат. После построения и переключки маршировали по городу. Но вот, однажды их привели к поезду и, быстро погрузив в вагоны, отправили неизвестно куда.

Поезд шёл на запад, где шла страшная война. Потом кто-то сказал, что их везут на Байкал, только было непонятно: если на Байкал, то следовало бы ехать на восток, а не на запад.

На третьи сутки, 9 февраля 1942 года, поезд прибыл в Челябинск. Эта станция эвакуированным была уже знакома, так как несколько месяцев назад они проезжали её, когда их везли в Казахстан.

К вечеру эшелон с людьми загнали в тупик на окраине города, эта местность называлась «Бакалстрой». Уже смеркалось, когда всех выгрузили из вагонов и собрали у высокого, деревянного забора мельзавода № 2. Рядом проходила асфальтированная дорога, ведущая в Свердловск. Тут же, недалеко, был деревянный мост через реку Миасс, перед которым стоял КП (Контрольно – пропускной пункт). Всех прибывших провели через КП по счёту, потом повели по улице, по обеим сторонам которой стояли бараки.

Продрогший Вильгельм шёл и думал: «Теперь нас поселят в этих бараках, в тёплые комнаты по пять-шесть человек, и я, наконец, отогреюсь». Но это были только мечты! Длинная колонна, миновав улицу с бараками, потянулась дальше. Когда уже совсем стемнело, они остановились возле проволочной изгороди. За

изгородью стояла палатка, из которой вышли несколько военных, они встали у ворот и пропускали вновь прибывших по пять человек.

Уставшие и замёрзшие люди направились к единственной палатке, в надежде укрыться от холода на ночь. Но, увы, в палатку все не поместились, многим пришлось остаться под открытым небом.

Кто-то задал вопрос:

– Где же нам ночевать?

На это последовал грубый ответ:

– Молчать! Никаких вопросов! На фронте не так ночуют!

Вильгельм же смог втиснуться в узкие двери палатки и найти себе место для ночлега в проходе у берёзового столба, на мёрзлой земле. Здесь тоже было очень холодно, но всё-таки не под открытым небом.

Десятого февраля он доел последний запас продуктов, которые взял из дому. Опустился торба, и есть было больше нечего. Вскоре стали составлять списки и организовывать бригады. По ошибке Вильгельма записали в две бригады. Вечером каждому раздали по 700 г. хлеба. Получив свой паёк в одной бригаде, он вдруг услышал, что в соседней бригаде тоже называют его фамилию и год рождения. Вильгельм тут же бросился туда – и получил ещё 700 г. хлеба. Как он радовался и благодарил Бога за это!

На следующий день сформировали десять новых бригад для отправки в другой лагерь, который был километрах в семи от центра правления. В одну из этих бригад попал Вильгельм. Вновь образовавшийся отряд из десяти бригад повели вглубь березняка. Вильгельму пришлось расстаться со всеми родными и знакомыми односельчанами, так как он один из них попал в этот отряд.

Долго шёл отряд по берёзовому лесу, и вот наконец перед ними предстала та же картина, что и в предыдущую ночь, – проволочное заграждение, а за ним нава-

лены кучи брезента и кое-где – берёзовые столбы. Это был стройматериал, из которого нужно было сделать палатки. Все дружно взялись за работу. До обеда успели закопать столбы и натянуть несколько палаток. В них установили буржуйки, на которые поставили большие котлы. Началась бурная, лагерная жизнь. Воды не было, и желающие утолить жажду растапливали снег в котелках – на буржуйках. К вечеру всем выдали по 0,75 л. горячей похлёбки.

На другой день, 11 февраля, все бригады были направлены в лес за брёвнами. Вильгельм вместе со всеми прибыл в лес, в дырявых ботинках и в ветхом бушлате, сшитом из кусков ватного одеяла. Километрах в двух от лагеря стоял березняк, и к этим красивым, стройным берёзам теперь подступили люди с топорами и пилами, которые вскоре зазвенели по мёрзлым стволам. Вслед за пилами дружно заработали топоры. Срубленные ветки быстро собрали в кучу и разожгли костёр. Всем хотелось тепла, как можно больше тепла!

Вильгельм тоже старался держаться поближе к костру. Но греться долго не пришлось, так как надо было таскать тяжёлые бревна в лагерь, где тоже кипела работа. Принесенные брёвна тут же обшкуривали, в мёрзлой земле выдалбливали ямы, в них закапывали столбы, на которые натягивали палатки и делали нары. Досок для нар не хватало, и тогда брали длинные берёзовые жерди, плотно сколачивали их между собой и на этих бугристых лежанках спали люди. Вильгельму посчастливилось получить место на дощатых нарах. О постели не могло быть и речи, каждый ложился спать в том, в чём был одет, и так плотно друг ко другу, как селёдки.

Работа в лагере продолжалась. Уже несколько дней таскали брёвна. Холод усиливался. Через плохую одежду и сырую обувь (сушить ее было негде) холод проникал до костей. Как-то обессиленный и продрогший Вильгельм, остановившись на опушке леса, задумался:

– как же быть дальше? В это время он услышал голос бригадира, который, зло ругаясь, подгонял рабочих. Увидев Вильгельма, который еле держался на ногах, он громко сказал:

– А ты, Фризен, иди в лагерь и отдыхай.

От радости у юноши потекли слёзы, и он в тихой молитве выразил глубокую благодарность Богу, ибо в этот момент особо почувствовал Его помощь и милосердие.

В палатке никого не было кроме дневального, который подтапливал буржуйки. Вильгельм, пользуясь возможностью просушить ботинки и одежду, повесил их возле печки, а сам, сев рядом, хорошо отдохнул и отогрелся.

Когда устройство лагеря было закончено, большинство бригад направили на строительство железной дороги. Эта работа была намного труднее, чем таскать брёвна из лесу. Надо было кувалдами отбивать большие комья мёрзлой земли и относить на то место, где была низменность. Старая одежда рвалась и изнашивалась очень быстро, но остро нуждающимся должны были выдавать новые бушлаты. Однако эти бушлаты доставались внутреннему начальству: зав. складом, бригадирам, поварам, бухгалтерии и прочим, кто занимал хоть какую-то должность. А те, которые ходили оборванные и трудились с утра до вечера, терпя холод суровой уральской зимы, молча наблюдали за всем этим беззаконием.

Сначала, до введения процентов, кормили всех по общему котлу – 700 г. хлеба и три раза в день – жиденький суп, а вечером, добавочно к супу, ещё кусочек рыбы-кетты, с палец толщиной. От солёной рыбы сильно хотелось пить. Хорошо, что снегом можно было утолить жажду.

У некоторых немцев, живших до войны в Казахстане, были свои продукты, с которыми они не расставались и ложась спать, хранили под головой. Голодные ловкачи ночью, прорезав снаружи палатку, вытаскивали содержимое. А утром обычно поднимался шум, кто-то плакал, а кто-то радовался и сытый шёл на работу.

Когда ввели проценты, бригады, не выполнявшие норму, стали получать пониженный паёк – 400 г. хлеба, утром и вечером – суп, а в обед, вместо супа, стакан тёплой воды. Хлеб обычно привозили мёрзлый, его кусочками накалывали на веточки, держали над костром, а потом ели. Ах, как это было вкусно!

Недолго трудился Вильгельм на этой, невыносимо каторжной работе. Вскоре прибыла врачебная комиссия для установления трудоспособности рабочих. Одиннадцать человек, в том числе и изрядно исхудавший Вильгельм, оказались нетрудоспособными и были актированы. Всем им дали первый котёл – 400 г. хлеба и два раза в день – суп. Провалившись несколько дней голодным, Вильгельм подумал: «Вот и пришёл мой конец...»

Однажды к нему зашёл земляк – Беркман и, присев на нары, заговорил о еде. И тут, в разговоре, Вильгельму пришла мысль:

– А что, если написать рапорт начальнику лагеря Петухову, и указать в нём, что я – рослый человек и мне не хватает 400 г. хлеба?

– Не поможет, – ответил Беркман, – Но, впрочем, напиши, ведь не побьют же тебя за это...

И Вильгельм написал. Вечером того же дня, дневальный штаба сказал Вильгельму, что начальник лагеря, Петухов, зовёт его к себе.

С трудом поднявшись с нар и еле держась на ногах, Вильгельм побрёл в штаб. Войдя в кабинет, он увидел начальника Петухова в военной форме, который сидел за письменным столом, держа в руке рапорт Фризена. Взглянув на Вильгельма, он спросил:

– Это вы писали? Вам что, не хватает первого котла?
– Да, не хватает, я очень голодаю и, как видите, – одной ногой уже в могиле...

Начальник отвёл свой взгляд от рапорта и пристально посмотрел на Вильгельма. Перед ним, прислонившись плечом к двери, стоял очень исхудавший, высокий юноша. По-видимому, Бог коснулся сердца начальника, потому что он тихим, сочувствующим голосом промолвил:

– Не могу, – потом, ещё раз внимательно посмотрев на Вильгельма, махнул рукой и громко произнёс: – Эх! – и быстро стал что-то писать на рапорте красным карандашом.

Поставив точку, он протянул Вильгельму рапорт. Взяв бумагу в руки, Вильгельм прочитал: перевести на второй котёл, 700 г хлеба. Сердце Вильгельма наполнилось благодарностью Господу, и он в тихой молитве прославил Его. Итак, опять светлый луч пробил тёмные тучи, нависшие над головой Вильгельма.

Не в силах бушующее море поглотить в бездну одинокий чёлн, оказавшийся вдали от родного берега, когда милость Господа оберегает и охраняет его.

Вильгельм проводил дни в тёплой палатке. Теперь он каждый день получал по 700 г. хлеба. Но как-то бригада, в которой он числился, не выполнила норму и её перевели на первый котёл. Вечером голодные взгляды рабочих жадно смотрели на большой ящик с хлебом, который занесли на носилках. Весь хлеб был разделён на 400-граммовые пайки, и только одна, 700-граммовая, принадлежала Вильгельму. Получая свой паёк, он тут же всё съедал, так как однажды, оставленный на завтрак кусочек хлеба, ночью кто-то украл.

От недоедания народ сильно слабел. Многие болели дизентерией. Особенно трудно приходилось тем,

которые имели продукты из дома. Когда домашние продукты кончались, им приходилось переходить на скудную, лагерную пищу, от этого они заболели и многие умирали.

Кроме уже перечисленных страданий – голода, холода и болезни, людей донимали вши, так как не было никакой возможности помыться. Ночами Вильгельм вставал, снимал ватные брюки, сшитые из одеяла, выворачивал их и, прислонив к горячей буржуйке, выжигал вшей, не дававших покоя ни днём, ни ночью.

Наконец, после долгого времени объявили, что всех строем поведут в баню. До бани надо было идти километром двенадцать. Она находилась рядом с тем мостом, где 9 февраля Вильгельм, переступив КП, оказался на территории огромного лагеря, оцепленного военными. Этот лагерь был расположен на месте овощехранилища за «Коксохимом».

И вот, в назначенное время, народ, растянувшись по дороге двинулся в баню. Кто был посильнее, спешил вперёд, слабые отставали, падали, а шедшие сзади, стараясь поднять упавших, падали вместе с ними. Вся ночь ушла на то, чтобы добраться до бани, искупаться и опять вернуться в лагерь. Вильгельм кое-как добрался до своего места, выпил мутную похлёбку и завалился спать, а неосвобождённые должны были тут же идти на работу.

Ходили слухи, что активированных отпустят домой. Другие были уверены, что к посевной отпустят не только активированных, но – всех, так как в колхозах не хватало людей. Вильгельм, прислушиваясь к разговорам, особенно об активировке, мысленно готовился к отправке домой.

Девятого марта стоял тёплый, солнечный день. Светлые лучи радостно заглядывали в маленькие окна палатки. Снег на крыше потихоньку таял, и всё вокруг говорило о приближении весны. Находясь один в тёплой палатке, Вильгельм, мечтая о встрече с мамой, не-

заметно уснул. Тут во сне ему явился Господь. Он показал ему весь лагерный путь, который он должен будет пройти. Домой он не вернётся и мама, не дождавшись сына, умрёт. После этого была показана дорога, круто уходящая налево, а потом, постепенно повернув направо, она исчезала вдали. Проснувшись, Вильгельм тут же записал всё подробно. Запись этого сна хранилась у него много лет, но впоследствии затерялась.

Вскоре, в одной из палаток сделали баню, так как начальство видело, что ходить купаться за двенадцать километров просто невозможно. Новая же баня была только названием. В палатку поставили несколько больших котлов, в которых топили снег. Для купания каждому выдавали по одному не полному тазу с водой. В этой бане Вильгельм помылся только один раз, так как весь шестой лагерь переправили с «Коксохима» к центру управления.

Пришла долгожданная весна. Дни стали значительно длиннее. Поступил приказ: всех трудмобилизованных переправить с вещами на Бакал, где находилась зона с заключёнными.

Эту зону разделили на две части проволочным заграждением и в освобождённой половине поселили трудмобилизованных «фрицев» (как их тогда называли). Бараки, в которые должны были поселить трудмобилизованных, были ещё заняты заключёнными, поэтому всем, вновь прибывшим, пришлось расположиться прямо на улице. Тут же разожгли костры. Было холодно и голодно. Об ужине не могло быть и речи. Вильгельм, незаметно удалившись за кусты, преклонив колени, помолился, прося у Бога помощи.

В полночь всех разместили в большом бараке, который к тому времени освободили от заключённых. В бараке был деревянный пол, по краям находились

двухъярусные нары, а посередине – трехъярусные. Уставшие люди, наконец получили возможность укрыться от холода.

Голод в лагере усиливался, и многие умирали от недоедания.

Видя такое положение, организовали группу людей, которых послали просить продукты у местного населения. Ответственным в этой группе был помощник помбыта, Миллер, но вскоре его арестовали и расстреляли, как врага народа. Позже был расстрелян бригадир девятой бригады, в которой числился Вильгельм, а за ним та же участь постигла всех, кто занимал какую-нибудь должность. То и дело зачитывали приказ за приказом: «Расстрел, расстрел, расстрел...» Одних расстреливали, на их место привозили других, так что лагерь пустым не оставался.

И вот, как-то, прибыло новое пополнение. Вильгельм стоял на бугорке и смотрел, как вновь прибывших заводили в землянки. Вдруг он увидел своего племянника – Петю и поспешил к нему навстречу. Петя не сразу узнал сильно исхудавшего Вильгельма, а когда узнал, они обнялись и у обоих потекли слёзы радости. Он рассказал Вильгельму о доме, о маме и ещё о многом другом.

Двухрядное, проволочное ограждение между заключёнными и трудмобилизованными было всего лишь в несколько метров, и было хорошо видно, чем занимаются те и другие. У курящих была большая проблема – достать табак. Одна папироска стоила пять рублей. Иногда курильщики платили по рублю только за то, чтобы прикурить папиросу. На территории, которую занимали трудмобилизованные, спичечную коробку махорки меняли на 350 г. хлеба, а у заключённых за такую же коробку давали 700 г.

Вильгельм сообразил, что можно сделать выгодный обмен. Он взял свои 350 г. хлеба и обменял на спичечную коробку махорки, а потом, договорившись с заключённым, привязал к коробочке камушек и, дождавшись, когда солдат на вышке посмотрел в другую сторону, быстро перебросил к заключённому посылочку с табаком. Оттуда тут же прилетели 700 г. хлеба. Так получилась выручка, и торговля пошла.

Ночами можно было подработать в столовой, куда привозили свиные ножки и уши, которые нужно было обжигать, а потом чистить. Поджаренные на огне свиные уши были очень вкусными, они так и хрустели на зубах. Молодой организм Вильгельма всё быстро превращал в полезные калории. Вскоре он окреп и предстал перед очередной медкомиссией, где был признан трудоспособным и направлен в каменоломню.

Каменный карьер находился на расстоянии одного километра от лагеря. Там же работал и племянник Петя. Вильгельм издали наблюдал, как этот маленький, исхудалый юноша кое-как переставлял щуплые ноги, сгибаясь под тяжестью носилок с огромными камнями. Шестнадцатилетний подросток должен был вырабатывать норму наравне со взрослыми. Не удивительно, что такую норму он выполнить не мог и, следовательно, был переведен на первый котёл – 400 г. хлеба. Начальство не интересовало ни возраст, ни здоровье, сыт ты или голоден. В каком бы состоянии ты ни был, ты должен выполнять норму.

Во время обеда рабочие собирались на площади у столовой. Всем, выполнившим норму, выдавали по 0,75 л. горячей похлёбки, а не выполняющие, в числе которых был и Петя, голодными глазами провожали каждого, получившего суп. Получив свой котелок, Вильгельм позвал Петю, и они, сев на лежавшее рядом бревно и, поставив котелок посередине, стали есть. Больно было смотреть на парня, и сердце Вильгельма разрывалось от жалости к нему. Вскоре прозвучало:

– Становись на проверку! – и все опять пошли носить тяжёлый камень.

Недолго проработал Вильгельм на этой каторжной работе. Узнав, что в каменном карьере требуется художник, он тут же предложил свою кандидатуру, в чём ему не отказали. Также и Петю вскоре перевели из каменного карьера в мех. базу, где он смог выполнять норму и получать лучшее питание.

Работая художником, Вильгельм старался писать не больше двух плакатов в день, чтобы протянуть время. «А то вдруг кончится работа и опять придётся идти в каменоломню», – опасался он. Теперь, имея иногда свободное время, Вильгельм, украдкой от начальства, бегал за ягодами, которые росли через дорогу, за кустами. Он ел их прямо с травой, чтобы побольше попало в желудок. «Лучше я буду есть траву, это всё-таки витаминны, – думал Вильгельм, – чем лазить по мусорным ящикам, как это делают многие, а потом умирают». Тут же он изливал свои молитвы к Богу и просил, чтобы эта зелень была благословенна. Вильгельм верил, что у Бога нет ничего невозможного: если Он Израиль питал манной в пустыне, то и этой зеленью может сохранить ему жизнь.

Недалеко от дороги, ведущей в карьер, стояла землянка, в которой находился медпункт. Однажды вечером, проходя мимо этой землянки, Вильгельм увидел в маленькое окошечко, что дежурный лекарь, старик Крекер, сидит за столом и пристально смотрит в ящик стола, выдвинутый наполовину. Заметив промелькнувшую за окном тень, он тут же задвинул ящик.

Постучав в дверь, Вильгельм попросил разрешения войти. Крекер пригласил его сесть на топчан, который находился недалеко от столика. Набравшись смелости, Вильгельм спросил:

– А что у вас в ящике?

Старик закашлялся, но ничего не ответил.

– Откройте, пожалуйста, ящик, – попросил Вильгельм.

Тут уж бедный лекарь совсем испугался, а Вильгельм настаивал:

– Откройте, откройте!

Растерянный Крекер медленно выдвинул ящик, в котором Вильгельм увидел Евангелие. Повернувшись к Крекеру, Вильгельм сказал, что он тоже верующий, и предложил ему помолиться. После молитвы завязалась сердечная беседа, в которой выяснилось, что в лагере ещё есть верующие: Яков Браун, Иван Валл, Готлиб, Готфрид Янке и Герман. Познакомившись ближе, они договорились собираться в бане, где кочегаром работал Горн. Там можно было свободно беседовать и молиться. Иногда их посещал Эрих Шелинг.

Лето 1942 года пролетело быстро. В конце августа автобазе потребовались шофёры, и с шестого лагерного пункта стали набирать бригаду шоферов, в которую попал Вильгельм. Всем выдали шофёрские права, взятые из личных дел, которые находились в спецчасти, и распределили по машинам. Вильгельму досталась пятитонная громадина ЯК-6, с широкой, деревянной кабиной.

Работали по сменам. Сменщиком у Вильгельма был пожилой человек по фамилии Вайлерт. У машины ЯК-6 стартера не было, но была большая, длинная заводная ручка, которую называли «колхозной». Мотор заводили вдвоём, потом старались не глушить, так как одному его завести было невозможно. Работать шофёром было намного интересней, чем в каменном карьере. Сначала возили бытовой камень, потом овощи: капусту, картошку и т.д. Вильгельм украдкой брал картошку, клал на

коллектор и, не дождавшись пока она испечётся, съедал в полусыром виде. А сырая капуста была просто лакомством, и целый вилок он легко поглощал за один раз. В лагере питание тоже стало немного лучше, на столах появилась «стахановская» каша и норма хлеба увеличилась до 900 г.

Однажды для пятитонки Вильгельма не было работы, и он сидел в машине в ожидании заказчика. Солнечные лучи ласково грели через большое, лобовое стекло. Навалившись на руль, он задремал, потом, свалившись на длинное, почти в его рост сиденье, сладко заснул.

В это время начальник базы, Поляков, со старшим механиком, Бондарёвым, делали обход гаража. Дойдя до пятитонки Вильгельма, они с грохотом открыли деревянную дверь кабины. Вильгельм от испуга вскочил и сел за руль.

– Ты что, спать пришёл на работу?! – закричал возмущённый Поляков. – Нам такие шофёры не нужны! Отобрати у него пропуск!

Пропуск тут же забрали и Вильгельма отправили в лагерь. Волна горя снова хлынула через чёлн Вильгельма. «Неужели опять пошлют на каменный карьер?» – думал он. Так и случилось, его отправили на погрузку бутового камня. Но из-за острой нехватки шоферов его перевели в автобазу № 3 – возить бетон на самосвале. В этой автобазе работали только трудмобилизованные. Начальство с пренебрежением относилось к ним и за малейшее нарушение строго наказывало.

Осенью, 1943 года, был издан указ, разрешавший трудмобилизованным шоферам работать в других автобазах, поэтому из третьей автобазы стали отбирать шоферов в первую, Вильгельм попал в их число.

Начальником первой автобазы был Ципельзон, отсидевший десятилетний срок. Он был знаком с на-

чальником строительства, генералом Комаровским, который имел большую власть. Комаровский подписывал приказы на расстрел, которые почти ежедневно зачитывались на разводах, то – за побег, то – как враг народа и т.д.

И вот механик автобазы № 1 направил Вильгельма к начальнику Ципельзону. Войдя в кабинет, Вильгельм увидел типичного еврея, строго смотревшего на него через роговые очки, сидящие на большом, чуть сгорбленном, носу. От такого просверливающего взгляда Вильгельм немного оробел, но потом, овладев собой, доложил, что прибыл в его распоряжение.

– Возле забора стоит бойлер, – сказал Ципельзон, – прими его от механика и выходи в ночь на работу. Будешь возить воду к паровым экскаваторам.

Шофёр, работавший до Вильгельма на этом бойлере, очищал туалеты, и уходя, не помыл его. Вильгельм, ничего не подозревая, набрал воду и „напоил” один экскаватор, потом другой, и так прошла ночь.

А утром на стройплощадке поднялся шум, кругом стояла страшная вонь! Экскаваторы встали. Главный диспетчер, узнав, в чём дело, стал звонить высшему начальству. Опять волна страха захлестнула челнок Вильгельма. Частые приказы о расстрелах сильно действовали на его психику. И вот, на такой важной стройке встали экскаваторы. «Что теперь будет? – думал Вильгельм. – Вдруг мне припишут вредительство? Но ведь я не знал, что бойлер грязный, никто меня об этом не предупредил». Тяжёлые мысли, как чёрные тучи, пронеслись в его голове. Но милость Господа и тут была над Вильгельмом. Умный Ципельзон не допустил того, чтобы его кто-нибудь обвинил. Вильгельм слышал, как он по телефону защищал его, говоря:

– Шофёр не виноват!

Через три дня Ципельзон вызвал Вильгельма к себе в кабинет и сказал:

– Я испытал тебя и вижу, что ты хороший человек.

Будешь работать на пульмане, с лучшим шофёром автобазы – Зузликовым.

Зузликов был вольнонаёмным. Пульманом пользовались, в основном, для перевозки продуктов из города в общепиты. Долго на этих машинах шоферы не задерживались. Время было тяжёлое, и, как говорит пословица, – в воде купаться и не намочиться? Так и шофёры, возившие продукты, попадались и были осуждены за воровство.

Обеспечив, по инструкции, технический уход машины, Вильгельм вышел на работу в ночь – возить на хлебозавод опилки для кочегарки. Он радовался такому назначению: раз хлебозавод, значит, покушаем хлеба. Но до хлеба не так-то легко было добраться. Пока грузчики разгружали пульман, Вильгельм ходил возле хлебозавода, в надежде раздобыть кусочек хлеба. Подойдя к желобам, куда хлебовозки подъезжали для погрузки, он нашёл там только хлебные крошки, которым тоже был рад и возблагодарил за них Бога. Потом, приподняв брезентовый клапан жёлоба, в надежде найти ещё крошки, увидел пять буханок хлеба, которые, по-видимому, затормозились при погрузке. Не веря своим глазам, Вильгельм от радости не знал, что делать, но тут же, придя в себя, быстро вытащил хлеб и отнёс в машину. Сев в кабину, он сразу же съел целую буханку хлеба, но глаза всё ещё хотели есть. Оставшиеся четыре буханки (это 8 кг хлеба!) он спрятал в разных местах под машиной.

Не долго пришлось Вильгельму работать в ночь, так как сменщика Зузликова сняли с пульмана, и он стал работать только в дневную смену. В первый же день дневной смены, Вильгельм получил наряд в «отдел снабжения». Прибыв к конторе, которая находилась за рекой Миасс, около второго мельзавода, он получил указание ехать в город, к продуктовому складу за мукой.

Когда Вильгельм подъехал к большим дверям скла-

да, к нему подошёл кладовщик, лицо которого показалось ему знакомым. Вильгельм стал вспоминать, где же он его видел. Да это же Петухов, бывший начальник лагеря, который спас его от смерти! Тут же прыгнув с машины, он подошёл к нему со словами:

– Вы меня помните?

– Нет, – ответил Петухов.

– А помните, как в лагере вы дали мне 700г. хлеба и второй котёл?

– А-а, помню, помню! За тебя мне пришлось заплатить тогда 1200 рублей, за перерасход хлеба (1200 рублей в то время стоили две буханки хлеба).

Поговорив немного о прошлом, Вильгельм спросил Петухова:

– Чем я могу отблагодарить вас?

– А что ты можешь мне сделать? Я, вот, рассчитываюсь и уезжаю на Украину. Разве только – отвезти нас с багажом на вокзал?

– Я сделаю это для вас с большим удовольствием и в любое время! – сказал Вильгельм.

Через несколько дней Петухов попросил Вильгельма подъехать к нему в пять часов утра. Вильгельм встал в четыре часа, пошёл в гараж и, без разрешения взяв машину, подъехал к квартире Петухова, который жил в бараке, на Бакале. Погрузив багаж, отвёз его с семьёй на вокзал и вовремя, благополучно вернулся к началу работы на своё рабочее место.

В автобазе № 1 были ещё две машины-пульман. На них тоже посадили трудмобилизованных, – высокого ростом, Виктора Геер и маленького, рыженького Яшу Боровских, который имел жену в Челябинске.

Вскоре Вильгельм крепко сдружился с этими ребятами. Возить, в основном, приходилось продукты, и какие продукты возили, те и ели. Если возили овсянку, пшено и другие крупы, то стоило только прибыть к складу, как все грузчики и шоферы тут же начинали есть сырую крупу. До чего же она была вкусной, осо-

бенно овсянка! А геркулес был просто лакомством! Если возили муку, ели муку; если растительное масло, – то его пили прямо из ведра и никогда не было расстройства желудка. А с сухим молоком была проблема: стоило его взять в рот, как оно тут же прилипало к полости рта, и если не было воды, то это было мучение. Иногда приходилось бывать в подвале, где висели свиные туши. Ребята, отрезав себе длинные куски сала и спрятав их под бушлат, несли в машину.

Как-то удалось добраться до мороженого, которое в то время было большой редкостью, даже в городе его почти невозможно было купить. Вильгельм так наелся мороженого, что, казалось, в животе у него всё замёрзло. После такой порции следовало бы заболеть, но этого не случилось.

Вильгельм с друзьями, Виктором и Яшей, стали советоваться, как работать дальше, чтобы быть сытыми и не попасться.

Однажды, при погрузке крупы, Вильгельм взял немного пшена в мешок и положил его на мотор. Когда погрузка закончилась, он подъехал к вахте. От вибрации мотора мешок с пшеном сполз на коллектор и стал нагреваться. Вильгельм почувствовал острый запах горящего зерна. Мешок в любой момент мог прогореть, а пшено – рассыпаться прямо у ворот, и тогда – тюрьма. Но военизированная охрана, посчитав количество мешков и ничего не заметив, открыла ворота, и машина с рёвом тронулась с места. Немного отъехав, Вильгельм остановился и поправил мешок.

После работы друзья обычно ждали друг друга и вместе отправлялись в город. С братьями по вере, Янке, Крекером и другими, Вильгельм встречался теперь очень редко, и путь его, как ему было показано в видении, пошёл круто влево.

Теперь, кроме достаточного питания, у ребят завелись также деньги, и они иногда стали заходить в чайную. Уже не раз, по выходным, ездили в город к

Яше домой, где их радушно, с выпивкой на столе, принимала его жена.

Три друга стали уже смелей ходить по городу, как свободные граждане, но страх всегда преследовал их. В любое время могла быть проверка документов, а у них на руках – ни паспорта, ни военного билета, один пропуск для выезда из зоны в город. На пропусках, обычных картонных карточках, крупным шрифтом было напечатано снаружи – ПРОПУСК, а внутри – МВД СССР.

Однажды, прогуливались по городскому базару, где в то время было много мошенников и спекулянтов, друзья рассматривали то одну, то другую вещь, интересуясь ценами. И только Вильгельм успел купить себе суконные брюки, как в народе началось какое-то волнение. Мошенники забегали туда-сюда и кто-то закричал:

– Облава! Облава!

Тут и наши герои тоже стали метаться, не зная, что делать. Весь базар был оцеплен военными, людей из базара выпускали через две узкие калитки. Забор был тоже под наблюдением, через него невозможно было удрать.

Ребята заволновались, ведь если их задержат, то отведут в комендатуру, а потом с конвоем отправят в лагерь, где их обязательно накажут. Наблюдая издали за молодым солдатом, который стоял у ворот и пропускал людей, показывавших ему документы, Вильгельм предложил друзьям:

– Давайте, подойдём и тихо, из-под полы, покажем ему пропуск с внутренней стороны, где написано МВД СССР. Он примет нас за тайных работников МВД.

Так и сделали. Медленно, один за другим, они прошли мимо солдата, показывая ему столь «важный документ», и он без задержки пропустил их. И только за забором, свободно вздохнув, «тайные агенты», поспешили удалиться от этого места.

Июль 1944 года. Три друга возвращались в лагерь. По пути зашли на маленький базарчик. Вильгельм задержался возле продающих молоко, а Виктор и Яша пошли дальше. Купив молоко и выпив его, Вильгельм подошёл к ребятам, которые в это время весело болтали с двумя девочками, продававшими кукурузную крупу.

Поздоровавшись, Вильгельм стал прислушиваться к их разговору, из которого понял, что девушки нездешние, а присланные из Запорожья в Челябинск – на металлургический завод. Живут они в соц.городке, в бараке, впятером в одной комнате. Виктор с Яшей, продолжая заигрывать с девочками, решили купить у них остаток крупы и проводить их, желая узнать, где живут эти девушки с Украины. Одна из них, постарше годами и выше другой, блондинки, положила вырученные деньги в свой ридикюль, и они направились в соц.городок, который находился примерно в двух километрах от базара.

Выйдя из базарной толпы, молодые люди поближе познакомились с девушками. Высокую, чернявую, звали Ниной, а блондинку – Галей. Дорога в соц.городок шла через берёзовый лес. Виктор тут же взял Нину под руку и быстрыми шагами стал удаляться в глубь леса. Яша же с Галей, наоборот, стали тихонько отставать. А Вильгельм, как сирота, шёл один между ними, сам не зная куда и зачем. Потом, обратившись к Нине, сказал:

– Дайте мне ваш ридикюль, он вам мешает, а я хоть с ним пойду.

Нина доверчиво отдала ему свою сумочку-ридикюль. Вильгельм пошутил:

– Ну вот, теперь и я не один...

«Как это он так смело может брать под руку незнакомую девушку, а она даже не сопротивляется? И откуда у него берутся слова? – наблюдая за Виктором, подумал

Вильгельм. – А я всё стесняюсь девчат... Нет, я не способен с ними так болтать и говорить всякую чепуху. Вот бы встретилась мне хорошая девушка, которой я смог бы открыть своё сердце... Я бы сделал ей предложение, женился и честно жил с ней».

Остановившись возле 41-го барака, Нина пригласила молодых людей зайти к ним в комнату, и те охотно согласились. Вильгельм, который шёл последним, тоже принял это приглашение. Идя вслед за друзьями, он не знал, что именно в этом бараке, в этой комнате находится жемчужина, которую уже многие старались приобрести, но никому до сих пор это не удалось.

Вильгельм зашёл в комнату с поникшей головой, но вдруг глаза его засияли: он увидел девушку необыкновенной красоты. Виктор и Яша тоже не могли отвести от нее глаз, и каждый готов был ухватить эту жемчужину.

Девушка, действительно, была очень красива: на смуглом лице, под чёрными бровями, сияли карие глаза, обрамлённые чёрными ресницами. Густые, чёрные волосы, заплетённые в косы, были аккуратно заложены вокруг головы. На щеках играл яркий румянец, алые губы, как ленточки над иногда показывающимися белыми зубами, так и манили к себе. Синий, шерстяной костюм ещё больше подчёркивал её красоту, показывая стройную фигурку с тонкой талией.

Красавица собиралась идти на танцы, но Нина, старшая по комнате, запротестовала:

– Ты куда собралась? К нам гости пришли! Нет, нет, ты никуда не пойдёшь!

– Нет, пойду, – возразила девушка.

В этом споре победу всё-таки одержала Нина. Сердито насупившись, красотка села на сундук, стоявший в углу. Виктор тут же стал заигрывать с этой девушкой и, применяя всякие шутки, старался привлечь её внимание, но она ему не отвечала и не улыбалась. «Вот бессовестный, – думал Вильгельм, – только что ходил

под ручку с Ниной, а увидел другую, красивей, и сразу переключился на неё».

С трудом, после долгих усилий, ребятам удалось наконец познакомиться с обиженной девушкой, которую звали Вера. Обида в ней постепенно гасла, и вскоре она тоже села за стол, напротив Вильгельма. Виктор прилагал все усилия, чтобы овладеть вниманием красавицы. Взяв гитару, которая была в комнате, он стал играть и петь, показывая своё искусство. Видя всё это, Вильгельм нервничал. Вера же, ко всем стараниям Виктора, проявляла полное равнодушие.

И тут Вильгельм, тоже умевший играть на гитаре, попросил её у Виктора. Перебирая струны гитары, он думал о том, как бы поговорить с Верой наедине. Незаметно вынув блокнот из кармана, он написал: «Уважаемая Вера, выйдите, пожалуйста, на минутку во двор». Эту записку он крутил в руке, не зная, как передать её Вере. Обмолвившись с девушкой немногими словами, он узнал, что она тоже умеет играть на гитаре. Положив записку на гитару, он осторожно передал инструмент Вере, но девушка сделала вид, что не видит никакой записки и записка упала на пол. План Вильгельма рухнул.

Быстро пролетел вечер, молодым людям надо было возвращаться в лагерь. Сказав девушкам, что им пора уходить, они направились к выходу. Выйдя на улицу, Виктор сразу же взял Веру за руку и потянул в противоположную сторону. Яша с Галей задержались в коридоре, а Вильгельм остался с Ниной, к которой не имел никакого интереса. Он стоял и растерянно смотрел в ту сторону, куда скрылись Виктор с Верой, возмущаясь бессовестным поведением Виктора.

Но вот, минут через пять, из темноты появились Виктор и Вера. Дойдя до Вильгельма, они остановились. Тут подошёл Яша и молодые люди, попрощавшись с девушками, пошли в лагерь. Неизвестно, как бы отнеслись к ним девчата, если бы узнали, что эти

ребята – трудмобилизованные немцы, или, как их называли, фрицы...

Некоторое время шли молча, потом Вильгельм не выдержал и напустился на Виктора:

– Ну ты и бессовестный, дружок! Не ожидал я от тебя такого. Как это ты так быстро переключаешься с одной девушки на другую?! – с гневом сказал он. – Не каждый так может! Как по лесу ходить, так я с ридикюлем должен развлекаться, а как красивее увидел, – так на, Вильгельм, бери мою, а я возьму себе получше!

– Друзья так не поступают, познакомился с Ниной, так и дружи с ней, – поддержал его Яша, – а Вильгельм пусть добывается Веры, и ты не мешай ему!

Но Виктор, видно, так влюбился в Веру, что ничего не хотел слушать. Пройдя берёзовый кустарник, друзья незаметно подошли к воротам трудового исправительного лагеря № 6.

Эта ночь для Вильгельма была очень тяжёлой. Ворочаясь с боку на бок, он никак не мог заснуть. Мысли одна за другой лезли ему в голову. «Как бы не ускользнула от меня эта жемчужина, – вздыхая думал он, – какая она красивая! Я давно мечтал о такой брюнетке, даже о цыганке думал... Неужели Виктору удастся расположить её к себе? Нет, завтра я его обхитрю, не буду ждать пока он приедет в гараж, а приеду раньше и сам пойду в соц.городок, провожу Веру на работу в ночную смену. Приложу все старания, чтобы ей понравиться». В его памяти снова и снова вставал прекрасный образ Веры. «Нет, нет! Не упущу её ни за что, она будет моей! – мысли, в голове Вильгельма, проносились одна за другой. – А вдруг я ей не понравлюсь? Я такой высокий, а она небольшого роста... Ничего, куплю ей туфли на высоком каблуке, и она уже не будет казаться такой маленькой!»

Вильгельм вспоминал, как скромно она вела себя, не роняла лишних слов и как Виктор нахально схватил и увёл её, а ему оставил Нину. «Зачем она мне? Ну

и друг... – думал Вильгельм. – Теперь спит спокойно, а я никак не могу уснуть... Уже скоро утро». И опять он думал о Вере и готов был ради неё пойти на всё.

Так наш Вильгельм влюбился с первого взгляда, и не на шутку. Раньше он и подумать не мог, что из-за девушки можно потерять сон. Уже светало, а перед его глазами всё стояла она...

Почти перед самым подъёмом Вильгельм немного задремал и тут же, во сне, перед ним предстала Вера в своём тёмно-синем костюме. Она улыбалась ему, показывая белые зубки. Вильгельм тоже улыбнулся и только хотел сказать: «Вера, я люблю тебя», – как прозвонил звонок. Измученный юноша поднялся с головной болью. Его глаза слипались и горели, но холодная вода взбудрила его и он, вместе с другими позавтракав, пошёл на работу.

Днём, во время погрузки, пока экспедитор оформлял документы, Вильгельм немного дремал, но вот, наконец, нелёгкий день подошёл к концу. Приехав в гараж и поставив машину, Вильгельм увидел заезжавшего в ворота Яшу, который, догадавшись, куда торопился Вильгельм, пошёл вместе с ним. Вильгельм готов был бежать, чтобы увидеть ту, из-за которой всю ночь не мог уснуть.

Чем ближе молодые люди приближались к барaku, тем больше волновался Вильгельм. И вот, наконец, показалось знакомое здание. Постучав в дверь, неожиданные гости вошли в комнату.

В этот вечер все проживавшие в комнате были в сборе. Нина познакомила ребят с двумя другими девушками, которых вчера не было. Вильгельм же с жадностью следил глазами за той, которая овладела его сердцем. Но у Веры был неприступный вид. Она казалась такой серьёзной, что Вильгельм терял всякую надежду расположить её к себе. «И где же та застенчивая улыбка, которую я видел во сне?» – думал он.

Вскоре Вера стала собираться на работу в ночную

смену. До завода от общежития было пять километров, и поэтому она старалась выходить пораньше. И тут Яша предложил:

– Вера, сегодня ты можешь пойти на работу позже, Вася может тебя проводить. (Вильгельма по-русски звали Васей).

Но девушка ответила:

– Я и сама дорогу знаю, без провожатых обойдусь, – и выскользнула за дверь.

«Не уйдёшь от меня далеко», – подумал Вильгельм и, простившись с находившимися в комнате, пустился вслед за Верой. Догнав ее, предложил:

– Вера, можно я вас провожу?

Но она молчала. «Молчание – знак согласия», – подумал Вильгельм и пошел рядом с ней. Ему было очень приятно идти с Верой, поэтому путь до завода показался очень коротким.

Вильгельм опять получил наряд возить муку на хлебозавод. Подъехав к воротам и ожидая их открытия, он не заметил, как сзади подъехал «Студебеккер» и встал за пульманом Вильгельма. Хлебозавод располагался в большом кирпичном здании. Вильгельм лихо рванул с места, объезжая хлебозавод с левой стороны, а «Студебеккер» повернул направо, и только он успел подъехать к углу здания, как из-за него, на большой скорости выскочил Вильгельм и врезался лоб в лоб в толстый, прямой буфер «Студебеккера».

«Студебеккеру» удар не причинил большого вреда, а вот у ЗИСа-пульмана капот отлетел метра на три, радиатор был разбит, облицовка и крылья погнуты. «Вот так авария, – говорили люди, – и не где-то на трассе, а прямо во дворе хлебозавода. Не каждый так сможет...»

Начальник приказал Вильгельму отремонтировать машину и сдать другому шофёру. Хорошо, что

авария была скрыта от автоинспекции, а то бы и права забрали.

Виктору в эти дни тоже не повезло. Возвращаясь в гараж, он бортом зацепил одного старика, и ему, как и Вильгельму, пришлось сдать пульман. Обоих перевели в третью автобазу и посадили на машину ЗИС-21 – генератор заводской установки. Так работа на пульмане окончилась. Но, как говорят, нет худа без добра. Так и в этом случае, работая на генераторе посменно, у Вильгельма появилось больше возможности встречаться с Верой.

Он всегда старался отвезти её на работу в ночную смену, а когда она работала до полуночи, Вильгельм поджидал её у доменного цеха. Вера с радостью садилась к нему в кабину, она очень любила кататься на машине. А когда у Вильгельма была ночная смена, она каталась с ним до утра. Как нравились Вильгельму такие ночные смены, ведь Вера была рядом и весело «чирикала», как птичка, смотря своими карими глазами по сторонам.

Финансовое положение молодых шоферов, Вильгельма и Виктора, резко ухудшилось, поскольку их сняли с продуктовова. Тогда они стали промышлять на газогенераторе. Самовольно набрав уголь на «Коксохиме», они везли его на продажу. Чтобы иметь достаточно бензина, сделали дополнительный бензобак с краником, так что на ходу, при необходимости, можно было открыть бензин (это называлось «дать ерша»). Древесный газ смешивался с бензином, и мотор, умножая мощь, рвался вперёд. Куда было ровняться остальным газогенераторам, когда ЗИС-21 Фризена и Геера летел с большой скоростью, обгоняя даже бензиновые машины.

Однажды, в дождливую, осеннюю ночь, Вильгельм, загрузив дрова для продажи и взяв с собой Веру, поехал в город в объезд, через ГРЭС, чтобы не быть пойманным. Подъезжая к железнодорожному переезду,

Вильгельм видел, что шлагбаум поднят и горит зелёный свет. Пристально глядя сквозь очищенное стекло-очистителем лобовое стекло, он медленно проехал под шлагбаумом, приближаясь к путям. Вдруг Вера бросилась к нему на руль с криком:

– Вася, поезд!

Вильгельм мигом нажал на обе педали и до отказа натянул ручной тормоз. Машина резко остановилась, не доехав буквально одного метра до железнодорожного полотна и тут, прямо перед ними, с грохотом промчались вагоны, мелькая один за другим. Ужас охватил Вильгельма! Он выскочил из машины и воззвал к Богу, созная, что это только Он сохранил их от страшной смерти, которая пронеслась так близко.

Сев за руль, он стал размышлять, а что если бы не Вера?– машина попала бы на железнодорожное полотно и несущиеся вагоны разнесли бы её на части.

Жизнь Вильгельма становилась всё более бурной и опасной. Часто волны смерти ударяли о его чёлн, который находился то на высотах радости, то опять опускался в долину смертной тени, но Господь не оставлял его и зорко следил за ним. Возможно и молитвы матери, которые горячим потоком неслись к небесам, сохранили его от этой беды. Сатана ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить, но милость Божия обновляется каждое утро и рука Его ещё не сократилась, чтобы спасти. Так и в ту ночь, если бы не охрана Господня, то диавол погубил бы юношу и спустил в глубь преисподней.

На дворе продолжал моросить дождь, а Вильгельм всё думал о происшедшем и никак не мог успокоиться. Что было бы, если бы случилась авария и Вера погибла, а за ворованные дрова ему дали бы срок? От этих мыслей дрожь пробегала по его спине. Но, благополучно сбыв дрова, и с деньгами в кармане вернувшись в гараж, он опять стал строить новые планы добычи денег. На зарплату, которую он получал, прожить было прак-

тически невозможно, поэтому приходилось искать заработков на стороне. Не хотелось ему быть голодным и гулять с девушкой, без денег в кармане.

Письма от мамы приходили очень редко. Может, она и часто писала, но они или не доходили, или терялись. Обычно конверты бросали в общий ящик (там их накапливалось до нескольких сотен) и все рылись в них, ища свои. Бывало, – кто-то уже давно умер, а на его имя всё ещё поступали письма. Нелегко было уставшему, вернувшемуся поздно с работы Вильгельму, пересмотреть все эти письма, чтобы найти своё.

Племянник Петя работал на базе механизации. Вильгельм иногда навещал его. Петя повзрослел и уже самостоятельно выезжал с компрессором на объект. Однажды он остановил Вильгельма у переезда ТЭЦ и, сев к нему в машину, дал письмо, которое получил от своей мамы, т.е. старшей сестры Вильгельма. В письме сообщалось, что мама Вильгельма умерла от тифа в Щучинской больнице.

Прочитав эти строки, Вильгельм съехал на обочину дороги, упал на рулевую баранку и громко зарыдал. Петя, видя его в таком состоянии, не знал, что делать. Ему хотелось как-то утешить Вильгельма, чем-то помочь ему, но он сам глотал слёзы и не находил слов утешения.

Вильгельм горько плакал, осуждая себя. «Надо было пойти на риск и как-то помочь маме деньгами», – думал он. Хотя это было почти невозможно, так как на почту трудмобилизованным ездить было нельзя, да и паспортов у них не было. С тяжёлым сердцем он вернулся в гараж, сдал машину и в этот вечер никуда не пошёл, а скорбел и плакал о том, что уже никогда на этой земле не увидит свою любимую маму. Он вспоминал, сколько обижал её, а она тосковала, молилась и плакала о нём. Может быть, и тогда, на переезде, по её молитве

Господь спас его от смерти? «О, мамочка, мама! Кому я теперь нужен, и что мне теперь делать?» – сильные рыдания вновь и вновь сотрясали его грудь.

На другой день, встретившись с Верой, он рассказал ей о своем горе. Но Вера не могла вполне понять его, потому что её родители жили и здравствовали. После смерти мамы Вильгельм стал чаще говорить Вере о том, что он очень одинок и хотел бы, чтобы она согласилась стать его женой. Он объяснялся ей в любви, обещал быть всегда ласковым, заботиться о ней, но гордая девчонка, характер которой, казалось, невозможно было переломить, всё отделялась какими-то уклончивыми ответами. Тогда Вильгельм решил набраться терпения и как можно больше проявлять к ней свою любовь. Зная, что она любит кататься на машине, он старался угождать ей в этом, хотя и в ущерб себе, потому что приходилось отрываться от работы и мчаться на встречу с любимой. В разговоре с ней он умолял её проявить к нему хоть немного любви, но и этого Вильгельм не мог от нее добиться.

Автобусов не хватало, и начальство решило на ЗИЗ-21, на котором работали Виктор и Вильгельм, поставить будку для перевозки людей. Подъехав на автостанцию и набрав полный кузов людей, Вильгельм торопился доставить их вовремя на стройплощадку, в «Коксахим».

Моросил дождь. Дорога проходила мимо, наваленной экскаватором, угольной горы, которая тянулась вдоль линии и была длиной двести-триста метров, а высотой – от 13 до 15 м., так что не было видно того, что происходит за ней. Сделав левый поворот к переезду, Вильгельм услышал гудок. Видя вдали паровой экскаватор, он подумал, что этот сигнал идёт от него. А в это время из-за угольной горы, слева, с большой скоростью

мчались вагоны, толкаемые поездом, идущим сзади и подающим непрерывные гудки. Немного не доехав до железнодорожного полотна, Вильгельм увидел слева мчащиеся вагоны. Он моментально нажал на педаль и натянул ручной тормоз, но было поздно. Машина юзом поползла по слякоти и, перескочив передними колёсами через рельсы, остановилась. Раздался резкий удар – и машину отбросило вправо, так что она встала вдоль путей, сбоку линии, а вагоны, один за другим промчались мимо, задевая своими бортами за бункер машины, грозя вот-вот зацепить и потащить ее за собой.

Перепуганные люди, находившиеся в кузове, стали выбрасывать свои сумки с продуктами в задние двери и выпрыгивать один за другим. В этот момент, с грозным шипением промчался страшный, чёрный паровоз с большими колёсами. Вильгельм пришёл в себя только тогда, когда паровоз остановился метрах в пятидесяти от места происшествия. Удар вагона угодил как раз между капотом и кабиной. Испуганные люди стояли вокруг машины, глядя на бледного шофёра, качали головой и радовались, что никто не пострадал и всё обошлось благополучно.

Как часто Вильгельма преследовала смерть! Грозный ветер толкал его в морскую пучину, а бушующие волны старались поглотить, но милость Божия оберегала его и тихий голос шептал: «Я здесь, Я храню тебя. Обратись ко Мне и служи Мне». И опять Вильгельм возблагодарил Того, Кто спас его от смерти, которая только что пронеслась совсем рядом возле него.

Вскоре на место происшествия прибыло начальство. Людей посадили на другую машину и отправили в управление, а начальник гаража сел к Вильгельму в машину, и они погнали её на ремонт.

За эту аварию Вильгельма не наказали. В происшедшем начальство видело и свою вину, так как шофёра с третьим классом посылать на перевозку людей они не имели права.

Вечером, при встрече с Верой, Вильгельм рассказал ей о случившемся. Возможно, это ещё больше насторожило девушку. Вероятно, она подумала: «Иметь такого мужа, у которого столько приключений, весьма нежелательно. Кто знает, что с ним ещё случится?» Но Вильгельм не отступал от своего намерения, он твёрдо решил жениться на Вере. Ему так хотелось иметь семью. Наблюдая, как счастливые супруги гуляют с детьми, он думал, что жить семейной жизнью – просто и легко, и не понимал, что у семейных людей мало спокойных дней, а особенно в это тяжёлое, послевоенное время.

Вера всё медлила с ответом, а он неотступно просил её. И вот, после продолжительного времени, она дала согласие. Услышав это, счастливый Вильгельм стал тут же делиться с ней своими представлениями о семейной жизни. «Работать на производстве я тебе не позволю, – рассуждал он, – жена должна быть дома, с детьми, готовить пищу, стирать и создавать уют». Потом он говорил о воспитании детей, объясняя ей, что дети в семье должны быть воспитаны с большой любовью, но в строгости и с наказанием. Вера слушала его и думала: «Зачем он мне всё это говорит?» А Вильгельм продолжал: «Если я буду детей наказывать, то ты не должна препятствовать, мы должны быть с тобой во всём едины». Подобных речей Вера никогда ещё не слышала.

Детство и юность Веры прошли на Украине, в г.Запорожье. Окончив школу, она подала документы на учительский факультет, хотела пойти по стопам отца, который работал учителем. Но внезапная война изменила все её планы.

Вспоминая о первых днях войны, она рассказывала, что в газетах много писали о том, как зверствовали немцы, которых в газетах и журналах изображали страшными, уродливыми и обязательно с рогами. От

такой информации в её представлении немцы были чем-то между людьми и зверями.

Линия фронта всё ближе и ближе приближалась к Запорожью. И вот однажды, летним утром, на улице кто-то громко закричал: "Немцы едут!" Вера бросилась к окну, чтобы посмотреть на этих людей с рогами. Преодолев страх, она отодвинула занавес и увидела, как по улице едут немецкие танки, на которых сидят симпатичные, русые ребята со сдвинутыми набекрень пилотками и играют на губных гармошках. Проехав немного, они остановились и, спрыгнув с танков, стали брать детей на руки и угощать конфетами.

Вера, которая в школе хорошо училась и по немецкому языку имела отличную оценку, слышала как один солдат, взяв ребёнка на руки, со слезами сказал:

– У меня дома такой же остался!

«Да они такие же люди, как мы, и никаких рогов у них нет», – подумала Вера. В короткий срок город был восстановлен руками местного населения, в основном, женщин. Опять заработали заводы. Вера стала работать на одном из них. Дисциплина была железная, очень строго наказывали за воровство.

В первое время немецкие власти хорошо относились к жителям города, рабочим каждые две недели выдавали зарплату, мужчинам, дополнительно к зарплате, – по 100 г. водки. Но когда партизанские отряды стали причинять немцам большие неприятности и на линии фронта они тоже терпели поражение, тогда отношение к оккупированным людям сильно ухудшилось. Вскоре вышел указ, по которому всю молодёжь должны были вывезти в Германию. Сколько было слёз! Кто как мог, старался избежать этой участи.

Веру сумели спрятать. После освобождения Запорожья и других оккупированных городов, почти всю оставшуюся в них молодёжь эвакуировали на восток. В то время Вера была секретарём комсомольской организации, и её тоже в принудительном порядке напра-

вили на Урал. Так она попала в Челябинск, где стала работать на металлургическом заводе в доменном цехе – лаборанткой.

Восьмого марта 1945 г. за небольшим, но довольно обильно, для того времени, накрытым столом, на почётном месте сидели Вильгельм с Верой. Вокруг них расположились старые друзья – Яша, Виктор с Ниной, Галя и др. Это была свадьба Вильгельма и Веры. Вечер прошёл очень весело.

Вскоре Вера сняла комнату у тёти Шуры, которая работала с ней в лаборатории. Тётя Шура была эвакуированной из Сталинграда и жила с маленьким сыном в бараке по улице Липецкой. Трудмобилизованные не имели паспортов, и им нельзя было регистрироваться, а о прописке не могло быть и речи. Поэтому Вильгельму с Верой приходилось жить нелегально, скрывая свой брак.

Но в общем, положение трудмобилизованных изменилось, уже не было такого жёсткого контроля, как прежде. Пользуясь этим, многие не приходили ночевать в лагерь. Но когда, по ночам, делали облавы, и ловили немцев в домах у местного населения или в общежитии, то их наказывали.

Вильгельм обычно завтракал в лагере, а вечером, после работы, получив свой паёк, отправлялся на ночь к любимой жене. Однажды дежурный милиционер зашёл в 24-ю комнату, где теперь жили молодожёны. Проверив документы у Веры и убедившись, что всё в порядке, он увидел висевшую на стене фотографию, на которой были сфотографированы Вильгельм с Верой.

– А это кто ещё такой? – грубо спросил он. – Надо ему бока намять!

Вера стояла в оцепенении, не зная, что ответить. После этого её вызвали в милицию и там беседовали с ней по поводу того, что она «связалась с Фризенном». Также

и на работе ей пришлось много перенести от сотрудников, когда они узнали, что она дружит с немцем.

Как-то Вильгельм с Верой были дома одни, – тётя Шура в ту ночь работала. В это время участковый милиционер устроил облаву. Поставив у входа в барак дневального, чтобы никто не смог сбежать, он стал проверять комнаты с другого конца барака. Вера, услышав странные шаги в коридоре, стала будить Вильгельма со словами:

– Вася, проснись, облава!

Испуганный Вильгельм, соскочив с тёплой кровати, не знал что делать. Вера же, быстро открыв крышку погреба, тихо сказала ему:

– Прыгай скорей!

Вильгельму ничего не оставалось делать, как спуститься в холодный погреб. Вера тут же закрыла погреб и накрыла крышку половиком. Но эту возню и шёпот услышал дневальный, стоявший в коридоре. Когда очередь дошла до комнаты № 24, в двери постучали. Открыв дверь, Вера увидела милиционера, мужчину в гражданском и дневального. Войдя в комнату и осмотрев её, они даже не заметили вторую подушку на кровати, которую молодая жена в попыхах забыла убрать. Вильгельм же в это время сидел в погребе и дрожал от холода и страха, слыша над собой топот сапог.

Дневальный, глядя на Веру с улыбкой, подмигнул ей глазом: молодец, мол, сумела спрятать. Недолго длилась эта проверка, вскоре они вышли и занялись осмотром других квартир. В противоположной комнате № 1 тоже находился трудмобилизованный, который не успел убежать, и когда женщина, проживавшая в этой комнате, горевала о том, что его забрали, дневальный сказал ей:

– Надо было прятать своего в подпол, как это сделала молодая, из 24-й комнаты!

Вера, стоя у двери и слыша это, подумала: «Молодец парень, не выдал меня!» Когда всё утихло и милиция

ушла, она открыла погреб и выпустила, дрожавшего от холода и страха Вильгельма.

Через несколько дней участковый милиционер опять делал ночную проверку. На этот раз он начал ее с того конца барака, где жили Вильгельм с Верой, так что их комната оказалась первой. Вероятно, дневальный потом всё-таки рассказал милиционеру, что в комнате № 24 был «фриц», поэтому милиционер решил на этот раз, во что бы то ни стало, задержать Фризена, которому уже давно хотел «намять бока». Услышав стук в дверь и открыв её, Вера увидела уже знакомую тройку. Быстро войдя в комнату и увидев Вильгельма, участковый сказал:

– Ага, попался! Ну, давай, одевайся, пойдём с нами!

В это время в комнате № 1 слышали, что опять идет облава, и Альфред, при помощи своей любимой, вылез в форточку полунагим. Потом она выбросила ему теплогрейку, и он побежал через улицу в соседний барак. Вильгельм же, на этот раз, попался. Спустится в погреб, как в прошлый раз, он не успел, поэтому ему пришлось одеться и следовать за незванными гостями.

В коридоре уже стояло несколько задержанных. Закончив осмотр всех комнат, участковый повёл «арестантов» в соседний барак, где тоже должен был сделать проверку. Стоя среди задержанных, Вильгельм думал: «Как бы ускользнуть?» И, подойдя к дневальному, охранявшему их, попросился в туалет.

Дневальный не успел опомниться, как Вильгельм был уже у дверей, и лишь только он перешагнул порог, как пустился бежать между бараками, в сторону гаража, где провёл остаток ночи, а утром отправился в рейс.

Вскоре в гараж прибыли два «Студебеккера» – пультамана, на один из которых посадили Вильгельма, и он опять стал возить продукты, что ему было как

раз кстати.

К тому времени лагерей стало намного больше и они были переполнены военнопленными и другими нарушителями закона, всех их надо было обеспечивать продуктами. Грузчиков для погрузки продуктов нанимали из вольнонаёмных румын. Работали они хорошо, но и хорошо воровали. Украсть один мешок муки со склада и скрыть его в кузове машины, между другими мешками, для них ничего не стоило. Вильгельм же для добычи крупы сделал пику. Он брал её, держа рукой в кармане, и когда стоял рядом со штабелем мешков, загонял её в мешок, и тут же крупа наполняла его очень вместительный карман.

Вильгельма опять послали работать в отдел снабжения. У ворот отдела снабжения его радостно встретили уже знакомые ему грузчики-румыны, во главе с экспедитором.

– Сегодня поедem за рыбой, на рыбокопильный завод, – сказал экспедитор.

Грузчики сели в кузов, а экспедитор – рядом с Вильгельмом, и машина тронулась в путь. По дороге экспедитор завёл странный разговор, склоняя Вильгельма на какую-то сделку, но Вильгельм делал вид, что ничего не понимает.

Подъехав к воротам копильного завода, остановились в ожидании пропуска. Вильгельм услышал разговор грузчиков о том, как они в предыдущие дни занимались продажей ворованной рыбы.

– Сегодня, – сказал один из них, – продолжим это занятие.

Вильгельм подумал, что из этого ничего хорошего не выйдет; если уж воровать, то лучше одному или вдвоём, а тут – бригада грузчиков да ещё экспедитор! Такое дело скрытым не останется. Подъехав к складу, Вильгельм обратился к грузчикам:

– Ребята, всё, что вы делали и будете делать, я не знаю и знать не хочу.

Грузчики с удивлением посмотрели на Вильгельма, а он повторил:

– Да, я ничего не знаю и знать не хочу!

Началась погрузка. Борта пульмана, высотой в один метр, быстро наполнялись рыбой. Вильгельм заметил, как грузчики подбрасывали красную кету, которая покрупней, вперёд к кабине, и понял, для чего они это делали. Пока одни носилки высыпались и грузчики удалялись, Вильгельм, стоя между кабиной и кузовом, ловко сбросил несколько крупных рыбин на землю. Потом, стуча ключом по железу, будто ремонтируя машину, залез под нее и стал засовывать рыбу, куда только было возможно. И так Вильгельм спрятал одиннадцать больших рыбин.

Погрузка закончилась. Дорога с рыбокопильного завода шла через город, мимо базара. И надо же было такому случиться, что как раз возле базара машина наехала на острую скобу, колесо тут же спустило. Грузчикам это было как раз на руку, а, может быть, они сами подбросили скобу?

К счастью, проколотый баллон был наружным. Пока Вильгельм менял колесо, грузчики таскали рыбу на базар, кто сколько хотел. Дошло до того, что экспедитор залез в кузов и стал из него продавать людям рыбу – прямо в мешки. Поменяв скат, Вильгельм собрал инструмент, сложил его и, сев в машину, поехал, делая вид, что он ничего не знает и не видит. Грузчики, в панике побросав непроданную рыбу, пустились вдогонку за машиной. Вильгельм сбавил скорость, давая им возможность догнать её.

Через несколько месяцев он услышал, что этих грузчиков, вместе с экспедитором, посадили за воровство. «И не удивительно, – думал Вильгельм, – так воровать, как они воровали рыбу, и не попасться, просто невозможно. Я вот взял несколько рыбин – и никто не заметил». А рыба была очень вкусная, и знал о ней только Вильгельм и Тот, Который всё видит и слышит.

Так Вильгельм жил мирской жизнью. Влюблённый в молодую жену, погружённый в житейские заботы и суету, он совсем забыл о том видении, которое видел в 1942 г. В ноябре 1945 г. у Вильгельма с Верой родилась дочка – Анечка, которой они не могли налюбоваться. Вскоре, через знакомство с комендантом, им удалось получить отдельную комнату в бараке. Это была большая радость для молодоженов. Наконец пришёл долгожданный момент, когда мечты Вильгельма исполнились. Теперь у него была семья, тёплая квартира, да и на столе всегда было что поесть.

Старых друзей, с которыми он читал Библию и молился в трудармии, Вильгельм оставил. Теперь он дружил с неверующими – Виктором Геер, Яшей, Эдиком Андерес и др. Казалось, ладья Вильгельма спокойно плыла по волнам житейского моря. Но Господь не долго терпел его бесплодную жизнь, так как его жизнь была предназначена совершенно для другой цели.

Сестра Вильгельма, Мария, после смерти матери осталась одна, и Вильгельм с Верой пригласили её к себе. Когда Мария приехала, она подробнее рассказала о маме, как она умерала в Щучинской больнице. Как перед смертью, делая какие-то знаки, пыталась ещё что-то сказать. Когда мама умерла, Мария попросив в колхозе пару дряхлых быков, тёмной, морозной ночью, положив тело мамы на сани, отвезла на кладбище, в Пашенку. Там она, будучи сама больная, кое-как выкопала могилу, на дно положила немного соломы, на солому – маму, а сверху наложила ветки и засыпала землёй. Так закончила свой скорбный путь бедная старушка-мать, пережившая столько бедствий.

Вильгельм часто вспоминал её слова: «Обращайтесь со мной, как с матерью, пока я жива, когда же я умру, то мне безразлично, как вы меня похороните, хоть верёвку привяжите за ногу и оттащите в овраг.» Быть может,

эти слова мамы дошли до престола Божьего, и Он допустил это? Ночами Вильгельм часто слышал, как Мария, вспоминая маму, тихо плакала.

Вскоре умер Изаак, земляк Вильгельма, оставив жену Катю с детьми – Ваней, Петей и Абрамом, а старший, шестнадцатилетний Яша, был в трудармии. Жена умершего попросила Вильгельма, Марию и других земляков принять участие в похоронах. Конпарк выделил две подводы. На одной установили гроб, на другой положили лопаты, верёвки, и похоронная процессия тронулась со двора конпарка в направлении Каштака, где находилось кладбище. Скорбно смотрела на гроб вдова Катя. Тяжкое горе постигло её. Что делать, как жить дальше? Дети ещё маленькие, а старшего сына Яши, который мог бы помочь, дома нет. Сидя рядом и глядя на убитую горем Катю, Вильгельм тихо обратился к ней:

– Сегодня мы хороним вашего мужа, он умер, но придёт день, в который он воскреснет.

Катя вопросительно посмотрела на Вильгельма и спросила:

– Как это воскреснет?

– Да, будет воскресение, в которое все воскреснут – и ваш муж, и мы, если умрём. Верующие в Иисуса Христа, в белых одеждах, с пальмовыми ветвями в руках, будут петь новую песнь.

Эти слова Вильгельм цитировал из Откровения, а Катя, с удивлением глядя на молодого человека, спросила:

– А что будет с теми, которые не верили в Иисуса Христа?

– Они будут осуждены и брошены в озеро огненное, – ответил Вильгельм.

Подводы приближались к Каштакскому кладбищу. Катины глаза опять наполнились слезами, которые

тихо капали на юбку. Извозчик, подъехав как можно ближе к могиле, остановился, и с его помощью гроб с прахом предали земле.

Вскоре после похорон, Катя, встретив Вильгельма, пригласила его к себе домой, сказав:

– Моя соседка Лиза и я, хотим послушать что-нибудь из Писания...

Вильгельм, не желая отказать вдове, пообещал прийти в ближайшее воскресение. «Как я пойду, что я там буду говорить? Ведь я сам ничего не знаю...» – думал он. Прийдя домой Вильгельм достал Евангелие, некогда подаренное Готлибом Янке, то самое, которое Крекер читал в землянке каменного карьера, и решил немного подготовиться.

В воскресенье Вильгельм без особого желания вышел из дома и направился на базар, думая: «Пойду, похожу, а туда ещё успею...» На базаре он встретил старого знакомого, Эриха Шелинг. Поговорив о житейских делах, Вильгельм сказал:

– На днях мы похоронили нашего завхоза, и Катя, жена умершего, пригласила меня прийти сегодня почитать ей и её соседке Библию. Не хочешь ли и ты пойти со мной? Вдвоём как-то лучше...

Эрих согласился. И вот состоялась их первая беседа с двумя женщинами, которые с жадной слушали Слово Божие, желая получить от гостей больше, чем они способны были им дать. Тут исполнились слова Писания, что Бог в немощных силен.

В беседе о Слове Божьем незаметно пролетело время, и прощаясь, Катя очень просила Вильгельма и Эриха прийти опять в следующее воскресенье. Они охотно согласились.

По дороге домой Вильгельм спросил у Эриха:

– Есть ли у тебя Евангелие? – Эрих утвердительно кивнул головой. – Так давай к следующему разу хорошо подготовимся, ведь для того, чтобы говорить друг-другу, надо самим что-то знать.

Быстро пролетела неделя, и в воскресенье два друга опять направились в конпарк. В этот раз у Вильгельма уже не было желания заходить на базар, но было желание удовлетворить сердца жаждущих слышать Слово Божие. Во время их беседы, вошли пришедшие посетить вдову, супруги Зудерман. Увидев её с молодыми мужчинами и послушав немного, о чём они говорят, Зудерман стал спорить с ними и доказывать, что он знает и понимает намного больше. Расстроенные неудавшейся беседой, друзья возвращались домой. Вдруг Эрих предложил:

– А что если Катю и Лизу мне пригласить к себе домой?

Вильгельм одобрил это предложение. И вот, в следующее воскресенье к Эриху в землянку пришли Катя, Лиза, а так же супруги Горн и Рауш. Рауш был очень набожным человеком, он хорошо играл на скрипке и пел. Это первое общение всем очень понравилось и они решили в ближайшее воскресенье собраться опять. На следующее собрание Вильгельм пригласил так же свою сестру Марию.

Так, в тесной землянке Эриха, начала собираться небольшая группа верующих. Во время собрания много пели, что ещё больше всех соединяло.

После окончания рабочей смены из-за прокола ската, Вильгельм вернулся в гараж. Разобрав скат, он пошёл в вулканизаторскую, чтобы заделать прокол. Вулканизаторщиком работал старый Франк, который тут же взялся за дело. Франк очень любил выпивать и всегда сводил к этому свой разговор. Зажав камеру в вулканизатор, он вдруг спросил:

– Слушай, Вильгельм, не твой ли родственник – Иван Фризен работает в кочегарке?

– Нет, – ответил Вильгельм, – но мы с ним немного

знакомы.

– У него нет никого, – продолжал Франк, – жена и дети умерли от голода в Казахстане и теперь он гол, как сокол. Я для него нашёл хорошую бабу, хочу его женить. Что ему одному скитаться по белому свету? Ох и погуляем!

«Неужели этому негодному человеку удастся моего однофамильца ввести в такую беду? – думал Вильгельм. – Ему лишь бы пьянствовать, а бедному Ване потом мучиться всю жизнь». Но мысли Вильгельма прервал весёлый голос Франка:

– Если он даст согласие, то в воскресенье сыграем свадьбу!

«Не выйдет, – подумал Вильгельм, – я тебе помешаю, этого человека ты в яму не затынешь». Закончив ремонт ската, Вильгельм взял лопату и пошёл копать огород, который находился недалеко от гаража, но мысли о Ване не давали ему покоя. Положив лопату на плечо, он пошёл к Эриху посоветоваться.

Проходя мимо кочегарки, где работал Ваня, Вильгельм подумал: «Может, он сейчас на работе и мне удастся с ним поговорить». В это время из котельной вышел Ваня. Они поздоровались, пожав друг другу руку.

– Ну, как жизнь? – спросил Вильгельм, поставив ногу на лопату, и, не желая тратить время, предложил: – Приходи сегодня на собрание к Шелингу в землянку. Мы там поём, молимся, читаем.

– А кто там собирается? – спросил Ваня.

– Эрих, супруги Рауш и Горн, несколько сестёр из конпарка и моя сестра Мария.

Вильгельм умышлено сказал о своей сестре, которую сам наметил в жёны Ване. И Ваня пообещал прийти на собрание. Возможно, он и сам желал избавиться от навязчивого Франка.

Попрощавшись с кочегаром, Вильгельм пошёл к Эриху и рассказал ему обо всём. Они решили молиться Господу о том, чтобы Он соединил жизненный путь Ма-

рии и Вани. Ваня сдержал обещание и вечером пришёл в землянку Шелингов. Когда служение закончилось, Вильгельм специально ушёл одним из первых, а Эрих должен был намекнуть Ване, чтобы он проводил Марию, так как ей нехорошо идти одной через лес. Но намекать не пришлось. Пока Эрих провожал гостей, Ваня сам исчез за дверью вслед за Марией. На следующий день, встретившись с Эрихом, Вильгельм спросил его:

– Ну как, сумел всё сделать?

– Ничего я сделать не успел, оно всё пошло само собой, как и должно было быть, – и они возблагодарили Господа за такой успех, видя в этом руку Божию.

Рядом с баракком, где жили Вера и Вильгельм, находился другой барак, в котором не было отдельных комнат, а лишь большая секция, в которой все семьи жили вместе. Не было ни шкафов, ни столов; кровати стояли одна около другой. Некоторые свои кровати отделяли простынями или одеялами, а другие и этого не могли сделать. Тесно, шумно и очень неудобно было жить в таких условиях, но из-за неимения квартир люди были рады и таким укрытиям.

В этом бараке, в большой бедности, жил Павел Шмидт с женой Эрной, и, когда у них родился сын Витя, они едва нашли чем его укрыть и запеленать. Ребёнок был очень беспокойный, кричал день и ночь, что создавало ещё большее неудобство в таком большом обществе. Многие жильцы возмущались и роптали. Бедные родители уже не знали, что делать.

Павел работал дежурным на водокачке, которая находилась в лесу, недалеко от шестого отряда, и часто приходил к Ване в кочегарку. Ваня же, посещая теперь собрание, пригласил и Павла. Побывав один раз, Павел стал регулярно посещать служения.

Как-то он заметил, что проживавшие в их секции пожилые люди, мужчина и женщина, читают какую-то маленькую книжечку. Приглядевшись, увидел, что это была Библия. Павел тут же познакомился с ними. Это

были брат и сестра, Герман и Маргарита Классен. Герман недавно похоронил свою жену и теперь, находясь в великой скорби, проводил много времени за чтением Слова Божьего.

Когда его жена была жива, он жил мирской жизнью, курил и не думал о будущем. После смерти жены, однажды вечером, он пришёл на кладбище и, выкурив там последнюю папиросу, дал обещание Богу, что больше не будет курить и изменит свою жизнь.

Узнав, что Павел Шмидт посещает собрание, Герман тоже изъявил желание пойти с ним. Жена же Павла о Боге нечего не хотела знать, и Классен взялся ревностно, на основании Библии, доказывать ей, что Бог есть, и что Иисус Христос пролил Свою Кровь и за неё. После продолжительного труда, с Божьей помощью, он наконец одержал победу и Эрна тоже стала служить Господу.

Вскоре Ваня и Мария решили пожениться. Их бракосочетание прошло в узком кругу. Герман Классен, старший по возрасту, прочитал Слово Божие, помолились, и Ваня с Марией стали мужем и женой. После этого был праздничный обед. В передней комнате у Фризеных для молодоженов отгородили деревянной стенкой небольшую комнатку, и у них появился свой уголок.

В этом же бараке, в комнате № 23 жила Полина с двумя маленькими детьми, сыном Сашей и рыженькой дочкой Марией. Муж её, Антон Франк, находился в заключении. Полина работала день и ночь, стараясь прокормить своих питомцев. Видя, как мирно и дружно живут Фризены, Полина полюбила их, особенно Марию. Узнав о том, что Мария верит в Бога, Полина сказала, что она тоже верующая – католичка. Она по своему служила Богу, в страхе, боясь сделать что-ни-

будь плохое. Ваня стал разъяснять ей Слово Божие. Он очень много беседовал с ней, и Полина поняла, что католицизм противоречит Писанию.

Однажды в столовой, Герман Классен увидел двух мужчин, которые перед принятием пищи помолились. Познакомившись с ними, Классен узнал, что это верующие, присланные работать на Челябинский завод, Запуняка и Коля Бобылёв. Приехав в Челябинск, они ходили по городу и спрашивали, где собираются верующие. Вскоре им удалось найти маленькую группу пятидесятников, которые собирались в Кирсарае. Узнав об этом, Вильгельм предложил Классену посетить эту группу верующих и узнать, кто они такие.

Приехав в Кирсарай по указанному адресу, они впервые попали на собрание к пятидесятникам, которые радостно приняв братьев-немцев, начали служение. Поскольку не было братьев, Слово Божие читали сёстры и довольно ревностно призывали к страху Божьему. На собрании присутствовали двое юношей, Ваня Фортыгин и Коля Мандыч, а также две несовершеннолетние девочки, Анна и Пана, за которыми ухаживали Ваня и Коля.

Прочитав Слово Божие, сестра Анюта пригласила всех к молитве. Вильгельм впервые услышал молитву на иных языках и очень изумился. Стоя на коленях, он ничего не понимал и думал: «Куда я попал?» Возмущённый услышанным, он хотел встать с колен. Когда молитва закончилась, Вильгельм, ударив кулаком по столу, спросил:

– Это что такое?! Как вы молитесь?

Классен старался успокоить его, но он продолжал возмущаться. Ваня Фортыгин, видя возбуждённого гостя, встал, взял в руки Слово Божие и стал читать, а некоторые сёстры, выбежав из дома, побежали в сарай и, упав там на колени, воззвали к Богу:

– Господи, Ты видишь, что делается! Кого Ты к нам прислал?

И тут Господь, исполнив сестру Анюту Духом Святым, сказал:

– Это те двое, о которых вам было ранее сказано: «Придут двое». Один – Мой избранный, а другой – не Мой.

Когда Вильгельм с Германом пришли в собрание, все возрадовались, что слово, сказанное Духом Святым, исполнилось, но только не было ясно, кто – Господен, а кто – нет. Глядя на покрытого сединой человека, сёстры думали, что именно о нём сказал Господь: «Он Мой избранный». А когда Вильгельм ударил кулаком по столу, убедились в этом ещё больше. И вот теперь, стоя на коленях, они вопрошали Господа и слышали ответ:

– Именно этот, молодой, ударивший по столу кулаком – Мой избранный раб!

После поездки к пятидесятникам Вильгельм увидел во сне, что машина, на которой он работал, сильно изуродованна. Прошло немного времени, и этот сон исполнился.

А было это так. Вильгельм ехал по дороге на своем «Интере», загруженным бетоном. Подъехав к переезду, он увидел, что шлагбаум открыт, но лишь только передние колёса коснулись рельсов, как раздался страшный удар в правую сторону «Интера». Благодаря маленькому подъёму перед переездом и тому, что в кузове был большой груз, машину отбросило влево, а состав помчался дальше. Ошеломлённый Вильгельм стоял у разбитой машины, не зная, что делать. В кузове находилось три тонны бетона. Пришлось ему весь этот бетон вручную перегрузить на другую машину, а свою оттащить в гараж, на ремонт. И вот теперь разбитый «Интер» выглядел точно так, как Вильгельм видел его во сне.

Мастером по ремонту автомашин в гараже работал Броммер Фридалин. Оставшись наедине с Вильгельмом, и зная, что он верующий, Фридалин заговорил с ним о Боге, и рассказал, что получил письмо от брата с Украины, в котором он писал, что у них тоже есть верующие – пятидесятники, которые пророчествуют и молятся на иных языках.

– Ну и что? – ответил на это Вильгельм, и ушёл. Такой резкий ответ смутил Броммера и у него пропало желание говорить с Вильгельмом на эту тему.

После ремонта машины Вильгельма послали возить шлак на «Прокатстрой», где работали заключенные.

Стоял тёплый, солнечный день. Вильгельм подъехал на своём «Интере», нагруженным доменным шлаком, к воротам «Прокатстроя» как раз во время обеденного перерыва. Заключённые толпились вокруг раздающих обед. Проехав шлагбаум, он увидел недалеко от дороги пожилого мужчину, который сидел на земле и что-то читал. Вильгельм остановил машину и, подойдя к нему, спросил:

– Что вы читаете?

Незнакомец повернулся и, спокойно посмотрев на Вильгельма, ответил:

– Евангелие.

Вильгельм протянул ему руку и сказал:

– Приветствую, брат! Я тоже верующий.

В короткой беседе Вильгельм узнал, что здесь, в заключении, есть еще братья и сёстры.

– Даже есть твой ровесник, Степан Ярошенко, – добавил незнакомец, – он работает сварщиком в РМС. Спросишь там любого, и тебе его покажут.

Весть о том, что шофёр автомашины № 39-18 – верующий человек, быстро распространилась среди заключенных, страдавших за Слово Божие.

На следующий день машина Вильгельма остановилась у ворот РМС. Вильгельм, сдав пропуск на вахте, зашёл в РМС и спросил:

– Кто здесь сварщик Степан Ярошенко?

Ему указали на молодого человека в брезентовой спецовке, с щитком и электродами в руках. Подойдя к нему, Вильгельм остановился и стал наблюдать, как он работает. Сварщик мельком бросил взгляд на Вильгельма, а потом, в упор посмотрев ему в глаза, спросил:

– Вы не шофёр будете?

– Да, – ответил Вильгельм.

Степан тут же бросил держак с электродами, щиток, рукавицы и, быстро подойдя к Вильгельму, протянул ему руку. Его лицо сияло от радости и, казалось, у него не было никаких трудностей в жизни. Познакомившись с ним, Вильгельм узнал, что он осуждён на десять лет за отказ от оружия.

Не зная, какого вероисповедания Ярошенко, Вильгельм рассказал ему о воскресном служении у пятидесятников. Степан же, спокойно слушая Вильгельма, ничего не ответил, а тот с болью в сердце продолжал высказывать своё несогласие по поводу того, что он там увидел и услышал.

– Когда вы снова заедете? – спросил Ярошенко.

«По-видимому, ему надоело слушать мои жалобы, – подумал Вильгельм, – а мне бы так хотелось получить хоть какую-нибудь поддержку». Вильгельм хотел было уже покинуть место беседы, как вдруг Степан остановил его и сказал:

– Мы с братьями будем молиться о тебе, а ты, при первой возможности, постарайся опять заехать к нам.

Собрания у Шелинга в землянке продолжались регулярно. После того, как к ним присоединился Классен, Вильгельм и Эрих попросили его, как старшего по возрасту, полностью руководить служением. Вильгельму же приходилось проповедовать на каждом собрании, иногда даже по два раза. Людей, жаждущих

слышать Слово Божье, приходило всё больше. Многие из них ранее были верующими, но во время войны остыли и погрязли в грехах, поэтому проповедовалось, в основном, о покаянии и исповедании. И вот, как-то вечером, говоря о покаянии, Вильгельм вдруг услышал тихий голос:

– Ты проповедуешь другим о покаянии, а сам ты покался?

Вильгельм вздрогнул и растерялся, но всё-таки закончил проповедь и сел. Мысли о покаянии не покидали его. Иисус ласково стучал в его сердце, говоря – впусти Меня. Вильгельм старался отогнать эти мысли, но нежный голос тихо говорил ему:

– Другим ты проповедуешь о покаянии, а сам не покался.

Прошло несколько мучительных дней, и вот опять, как обычно, собрались у Шелинга. В этот раз первым читал слово Эрих. После него дали слово Вильгельму. И вот, наш герой со Словом Божиим в руках, стоял, и, смело смотря в глаза людям, опять говорил о покаянии. Вдруг он снова услышал тот же голос:

– Как ты смеешь учить других, когда сам не покался?

Голос Вильгельма стал тише. Смотреть так смело людям в глаза он уже не мог. Сердце его стучало так, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Глаза наполнились слезами, хотелось громко плакать, но он сдержал себя. Все заметили, что с ним что-то происходит. Передав Библию Классену, Вильгельм вышел в коридор. Там он простёр руки к небу и воззвал:

– Господи, укажи что мне делать?

Слёзы потоком лились из его глаз. Не получив никакого ответа, он вдруг опомнился: что люди подумают о нём, почему он вышел во время собрания? Немного успокоившись и вытерев глаза, он направился к двери, но только коснулся ручки, как вновь услышал нежный голос:

– Ты не стесняйся...

Радостно вздохнув, Вильгельм подумал: «Действительно, я не буду стесняться...» Смело открыв дверь, зашёл и сел. «Сегодня и только сегодня я покаюсь, дальше ждать нельзя», – решил он.

После окончания собрания Вильгельм попросил Классена и Эриха остаться. Закрыв дверь, он спросил:

– Знаете ли вы, что я проповедуя о покаянии, сам ещё не покался?

И тут же стал открывать перед Господом и двумя братьями всё, что его мучило с детства, как воровал, кого обидел и прочие тайные дела. Когда он окончил исповедь, они преклонили колени перед Всемогущим Творцом, прося о прощении. Вильгельм заливался слезами, не обращая внимания на стоявших рядом братьев, молившихся о нём. Он простёр руки к небесам и с открытыми глазами смотрел вверх. И вдруг – потолок раскрылся и он увидел облако, которое разошлось у него на глазах и появилась большая открытая книга и, как бы из тумана, кисть руки, которая указательным пальцем провела по верхней части листа, оставив за собой широкий, красный, кровавый след. Этот след протянулся на две трети листа – и облако сомкнулось. Вильгельм понял, что грехи ему прощены. Радостный встал он с молитвы и рассказал об этом видении братьям. Все это оказало большое влияние на Эриха, и он тоже исповедался и покался.

Степан Ярошенко с нетерпением поглядывал на железные ворота РМС: не появится ли машина № 39-18? Когда Вильгельм покинул его, Степан, придя в лагерь, тут же обратился к старому брату Кражану, который так же был с Украины и имел ту же статью, что и Степан. Кражан был силен в Духе и имел дар откровения.

Ярошенко подробно рассказал ему о встрече с Вильгельмом, о том, как он посетил служение пятидесятников и какое действие произвело на него говорение на иных языках.

– Он так жаловался, изливая свою обиду на бесчинство в собрании, но я не сказал ему, что я тоже из тех, которые говорят на иных языках. Мне бы хотелось помолиться о нем, – предложил Степан, и Кражан пообещал вечером прибыть в молитве за Фризена.

Когда в следующий раз Вильгельм приехал на РМЗ, Степан, радостно встретив его, спросил:

– Почему так долго? Где ты был? Мы молились о тебе, – и вытащив из кармана конверт, он подал его Вильгельму и сказал: – Я записал часть того, что было сказано о тебе, кто ты и что с тобой будет, но для того, чтобы ты не возгордился, здесь написано не всё, а только то, что тебе сейчас необходимо.

Потом между ними завязалась серьёзная беседа, в которой брат Степан объяснял Вильгельму Священное Писание, что иные языки необходимы сегодня точно так же, как и в день Пятидесятницы. Это есть свидетельство Господне и знамение для неверующих.

– Когда ты услышал впервые, молитву на иных языках, ты не поверил, но это тебе было во свидетельство.

И многими другими местами из Писания, Степан старался убедить Вильгельма, которому всё это было чуждо. «Что такое? – думал он. – Там иные языки и тут... Думал, что нашёл верных братьев, а они такие же... Твердит он то же самое, что я уже слышал на собрании в Кирсарае. Нет, хватит, не приду больше к Степану, да и в Кирсарай больше не поеду».

Между тем Ярошенко, продолжая разъяснять Вильгельму Священное Писание, взял у него из рук конверт, который дал ему, вытащил из него листок и прочитал вслух то, что было сказано на молитве через Кражана.

– Вот видишь, – продолжал он, – Господу всё известно, кем ты был, что делал, и то, что ты сейчас мыслишь.

Но будущее твоё я не имею права говорить, чтобы ты не возгордился. Долго ещё Степан наставлял Вильгельма, но тот слушал равнодушно. Наконец, сказав, что ему пора ехать, он попрощался со Степаном и ушёл, решив никогда больше с ним не встречаться.

– Буду сам укрепляться в молитвах и постах, – думал Вильгельм.

Вильгельм в молодости

Три друга. Вильгельм, Виктор и Яков

На этой машине Вильгельм катал свою Веру

Вильгельм с женой, Верой возле барака, в котором они жили

*Степан Ярошенко, освободившись из заключения,
посетил Вильгельма с Верой*

Челябинск. 1953 год. Отец Веры (в центре) с семьёй Вильгельма

Вильгем за работой над одной из своих картин

*Почти каждой новобрачной чете Вильгельм дарил
нарисованную им картину*

Своими руками Вильгельм сделал много музыкальных инструментов, особенно красивой была Арфа, на которой он сам играл

*Господь чудно делал своё дело и церковь быстро умножалась.
Очередное водное крещение*

После водного крещения на берегу реки Миасс

Водное крещение на реке Миасс. Слева внизу Вильгельм

Вера играет на цитре, которую сделал Вильгельм

*Перед первым заключением.
Вильгельм и Вера на балконе своей квартиры*

Церковный струнный оркестр (Вильгельм слева)

Служение на развалинах Молитвенного Дома

Мысли, как волны, захлёстывали ладью Вильгельма, и бушующему морю чуть было не удалось поглотить её. Когда-то и Пётр, идя по морю и увидев высокие волны, усомнился и стал тонуть, но там рядом был Иисус, Который сказал ему: «Не бойся, Я с тобой». Рука милосердного Спасителя тут же подхватила Петра и они вместе вступили в лодку. Так и Вильгельм, находясь в большом борении, взывал в молитвах к Богу и просил о помощи. Он был уверен, что учение пятидесятников – неверное, так как о нём много говорили негативного люди авторитетные, и Вильгельм не мог им не верить. Сатана старался всячески посеять в нём как можно больше сомнений. Чувствуя это, Вильгельм решил не только в воскресенье, но и в рабочие дни пребывать в посте и молитве.

И вот, однажды на работе, когда он пребывал в посте, во время разгрузки бетона, к нему подошёл человек

в гражданской одежде и спросил:

– Вы Фризен?

– Да, – ответил Вильгельм, продолжая очищать кузов от бетона.

Незнакомец молча наблюдал за работой Вильгельма, ожидая, когда он закончит. Окончив работу, Вильгельм подошёл к нему и спросил:

– В чём дело?

И тут только заметил стоявшую у ворот военную автомашину ГАЗ-69.

– Садитесь в свою машину и следуйте за мной, – сказал незнакомец.

Сказав это, он сел в ГАЗ-69 и через заднее стекло наблюдал за машиной Фризена. Проезжая мимо бетонного завода, Вильгельм бросил взгляд во двор, где его коллеги-шоферы стояли в очереди за бетоном. ГАЗ-69, свернув налево и проехав между бараками, остановился у спецкомендатуры. Вильгельм хорошо знал это место, так как должен был ежемесячно там отмечаться. Гражданский пригласил его в кабинет и, вынув из кармана какую-то красную книжку, подал коменданту, тот, посмотрев её, вернул обратно.

Вильгельм понял, в чём дело. В случае ареста, комендант должен знать, кто забрал трудмобилизованного, стоявшего у него на учёте. Человек в гражданской одежде, удостоверившись в личности Вильгельма по карточке, сказал:

– Поставьте машину в гараж и выходите на улицу, я вас там буду ждать. Если спросят, почему так рано, скажите, что вас вызывают.

Вильгельм поставил свой «Интер» в гараж, и вернувшись сел на заднее сидение ожидавшей его машины, которая быстро помчалась по направлению к центральной части Челябинска. Пока машина летела неизвестно куда, Вильгельм почувствовал сильный голод. И тут к нему приступил сатана:

– Ты ведь голодный, не ел весь день, а тебя сейчас

бросят в подвал и кушать не дадут. Надо было не поститься...

«Отойди от меня сатана!» – чуть ли не вслух сказал Вильгельм и после этого ощутил радость, будто светлый луч солнца, пробив тучи, согрел его, и он опять услышал тихий голос: «Я с тобой, не бойся».

Машина подъехала к четырёхэтажному зданию. Сотрудник МВД, сопровождавший Вильгельма, пропустил его, как арестованного, вперёд. Поднявшись на третий этаж, они зашли в большой кабинет, где их ожидало несколько военных. И тут начался подробный допрос, точнее, знакомство МВД с Вильгельмом Петровичем Фризен. Ему задавали множество вопросов, на которые он должен был отвечать. В конце допроса его спросили:

– Найдёшь ли ты отсюда дорогу домой?

– Да.

На этом закончилось его первое знакомство с этим страшным отделом. Вернувшись поздно вечером домой, Вильгельм обо всём рассказал Вере, которая с волнением ждала его. Вера на собрания не ходила, но и ему не препятствовала в служении Господу. Вильгельм, сколько мог, старался говорить ей о Боге, но она к этому была совершенно равнодушна.

– Верь ты себе, сколько хочешь, а я в этом ничего не понимаю, – отвечала она.

У Классена в Библии на немецком языке, на последних страницах, была симфония. Вильгельм взял её у него на время. И вот, как-то вечером, когда все спали, он, исследуя места Писания о Духе Божиим, обратил внимание на слова: «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал Он о Духе, Которого имели принять верующие в Него: ибо еще не было на них Духа Святого...» (Иоан. 7:38). И на другой текст: «...Я умолю Отца, и даст вам

другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Иоан. 14:16-17).

Рассуждая о прочитанном, Вильгельм думал: «Как же так? Ведь меня учили, что во время водного крещения сходит Дух Святой, как это было с Иисусом. Но ведь ученики в то время уже имели водное крещение, а Духа не имели...» Трудно было всё это понять Вильгельму. Много раз он говорил себе: «Я спасён! Что мне ещё нужно? Господь простил мне все грехи и даже показал это в видении». Но мысли невольно вновь и вновь возвращались к вопросу о крещении Духом Святым. Противник духовного крещения со знамением иных языков, он всё-таки старался прочесть все места Писания, говорившие об этом.

И вот, когда он сидел так в уединении, углубившись в Слово Божье, с ним вдруг стало что-то происходить. Глаза его затуманились, и как бы искры посыпались сверху вниз. Вильгельм не понял, что бы это значило и посмотрел на Библию, которую держал в руках. Прочитав несколько мест о Духе Святом, он понял, что Господь открыл его ум к разумению Писаний. Он ещё раз просмотрел только что прочитанные места и вдруг ему стало всё понятно. Тут исполнились Слова Иисуса Христа: кому открою, никто не закроет и кому закрою, никто не сможет открыть. Прилив энергии от Источника Вечных Сил горячим потоком вошёл в сердце Вильгельма, и он услышал знакомый, тихий голос:

– А теперь поезжай к братьям в заключение и в город и Расскажи, что открыл тебе Господь!

От избытка сердца говорят уста! Так было и с Вильгельмом. При встрече с Эрихом он с радостью рассказал ему о том, что с ним произошло и как Господь открыл ему истину о крещении Духом Святым. Эрих внимательно, с интересом слушал Вильгельма и во всём с ним соглашался.

Братя в заключении усердно молились о Вильгельме, чтобы Господь оказал ему милость. Быть может, в тот самый вечер и в то самое время, когда он сидел со Словом Божиим в руках в своей комнате, о нем совершалась молитва?

Приехав на РМЗ, Вильгельм сразу же увидел Ярошенко и быстро подошёл к нему. И тут посыпались вопросы:

– Где ты был так долго? Почему не приезжал?

Вильгельм рассказал о борьбе и сомнениях, а так же о том, что открыл ему Господь. Не скрывая радости, Степан воздал славу Богу.

Однако Классен, узнав о том, что Вильгельм изменил своё понятие о духовном крещении, тут же провёл усердную беседу с Эрихом и настроил его против этого учения. К началу очередного, вечернего собрания Классен, которого теперь считали старшим, не пришёл. В ожидании его спели несколько псалмов, но его всё не было.

Тогда Вильгельм предложил начинать. И вот, во время проповеди, когда Вильгельм говорил о Духе Святом, пришёл Классен. Он молча, ни на кого не глядя, прошёл и сел на своё место у стола. Когда Вильгельм окончил проповедь, Классен тут же, не вставая, вытащил лист бумаги из кармана и, ссылаясь на места Священного Писания, стал разъяснять всё по-своему. Особенно он ссылаясь на то, что когда Иисус Христос принял водное крещение, то Иоанн видел, как Дух Святой, в виде голубя, сошёл на Него. Значит и мы, приняв водное крещение, приняли Духа Святого и нам не надо об этом просить. Слушающие, особенно сёстры, смотрели друг на друга и не могли понять, как же так: один только что читал и говорил одно, а другой говорит другое.

Закончив свою речь, Классен дал понять, что собрание дальше продолжаться не может, и народ стал

расходиться. Прощаясь у дверей, сёстры Катя и Лиза посмотрели на Вильгельма с состраданием. Вильгельм же ободрил их:

– Стойте твёрдо, непоколебимо! Верьте в Евангелие!

Супруги Горн, возвращаясь домой, решили больше не посещать собрание, где идёт такая неразбериха. Но впоследствии, слава Богу, они оба были крещены Духом Святым.

Когда все разошлись, Классен напустился на Вильгельма. Вильгельм же, надеясь на Эриха и не зная, что он уже на стороне Классена, обратился к нему за поддержкой. Но, увы, Эрих поддержал Классена. Вильгельм был очень удивлён поведением Эриха, но тут же догадался, что с ним крепко поработал Классен. Однако Вильгельм был убеждён, что Господь его не оставил, и он изо всех сил старался доказать из Слова Божьего то, что ему было открыто. Он с уверенностью говорил, что должно просить в молитвах о крещении Духом Святым, указывая на многие места Писания. Так, не придя к единству, в полном разногласии, они разошлись.

На другой день, Вильгельм решил зайти к Эриху и поговорить с ним. Придя к нему, заметил, что Эрих какой-то странный. Когда Вильгельм поздоровался, он что-то глухо буркнул себе под нос. Все старания Вильгельма начать с ним беседу были напрасны. Он был сердит, отворачивался и не разговаривал. Так ничего не добившись, огорчённый Вильгельм ушёл домой.

На следующий день он заехал к Степану Ярошенко и рассказал ему обо всём. Молча выслушав, Степан пообещал, что обязательно скажет братьям и они помогут об этом Господу.

При первой возможности Вильгельм опять заехал на РМЗ и Степан передал ему слова, сказанные Духом Святым: Эрих находится в искушении. Объяснив Вильгельму, что это значит, Степан добавил:

– Пойди и скажи Эриху: не ты ли давал обещание

служить Господу? И больше ничего не говори.

Вечером того же дня Вильгельм поспешил к Эриху. Зайдя в землянку, он увидел его стоявшим у рукомыльника. Эрих только что пришёл с работы и, умывшись, вытирался полотенцем. Выглядел он по-прежнему сердитым и Вильгельм почувствовал себя непрошеным гостем. Но он должен был сказать то, что поручил ему Степан.

Вильгельм попросил Эриха выйти, чтобы поговорить, но он не соглашался. Тут Вильгельм вспомнил слова Степана, что человек, будучи в искушении, не хочет подчиняться добру и он опять стал настойчиво просить Эриха выйти. Наконец тот сдался и последовал за ним. Остановившись около сарая, Вильгельм сказал ему слова, переданные Степаном. Услышав эти слова, Эрих как будто опомнился, его лицо изменилось, и он тихо промолвил:

– Да...

Если бы Степан не попросил Вильгельма сказать только эти слова, то он, может быть, ещё много что сказал ему, но, выполнив порученное ему дело, он попрощался и ушёл.

Позже Эрих рассказывал, что всё, что с ним происходило, было как во сне. Он хотел делать всё иначе, но что-то мешало ему; старался думать о хорошем, но опять встречал какое-то препятствие.

Сказанное Духом Святым на Кирсарае о Вильгельме – что он избранный сосуд Божий, некоторыми было принято сомнительно. Но старшие сёстры твёрдо верили в сказанное, и когда Вильгельм опять приехал к ним на собрание один, без Классена, многие возрадовались, однако некоторые смотрели на него с подозрением. Вильгельм же теперь старался быть тихим и внимательно слушал, что говорилось. Ему хотелось

учиться и учиться от других.

После собрания обычно беседовали о Слове Божьем, что ему особенно нравилось. Всё чаще и чаще его просили проповедовать и приглашали на первое место, но он плохо читал по-русски и вообще мало знал Библию, поэтому ему больше хотелось сидеть сзади и слушать. Иногда он умышленно опаздывал на собрание и садился сзади, стараясь остаться незамеченным, но его замечали и, как всегда, приглашали вперёд и просили проповедовать. Преодолевая робость, Вильгельм шёл и думал: – Нельзя отказываться от проповеди... Вдруг Господь накажет? Волнуясь, перед каждым собранием он перечитывал по несколько раз то место, о котором хотел проповедовать и таким образом, с помощью Господа, говорил Слово.

Однажды он поделился этими переживаниями с братьями, находившимися в заключении. Они помолились Господу, и в молитве было сказано Духом Святым: «Пусть он только откроет уста, а Я буду говорить». Эти слова ободрили Вильгельма, и он стал смелее возвещать Слово Божье.

Молодые сёстры с Кирсарая – Пана, Ася, Аня и другие, узнав о том, что у Вильгельма русская жена, стали посещать Веру и очень сдружились с ней. Вскоре Вера тоже стала приходить в собрание. Господь смягчил её сердце, и она вместе с Вильгельмом начала преклонять колени и читать Евангелие. Для него это было большой радостью.

В эти дни скоропостижно умер напарник Вильгельма, работавший вместе с ним на «Интере». Когда он был живой, Вильгельм старался держаться от него подальше, так как он страшно ругался и хулил Бога. Придя домой, Вильгельм рассказал Вере о его внезапной смерти и сказал, что ему нужно пойти на похороны.

– Что тебе там делать? – удивилась Вера. – Пусть они

сами его хоронят.

– Нет, я должен пойти, мы ведь столько лет вместе проработали, да и в трудармии были в одной бригаде, – сказал Вильгельм.

Вера же, как Ангел перед неразумным пророком Ва-лаамом, препятствовала ему, говоря слова из Писания:

– Ведь сказал же Иисус, пусть мёртвые хоронят своих мертвецов!

Но упрямый Вильгельм, не слушая голоса жены, лёг спать с намерением идти на похороны. И вот ночью, во сне, он увидел Ангела Божьего в белоснежном оде-янии, который подойдя к нему, сказал: «Не ходи на похороны». И тут же исчез. Утром Вильгельм рассказал Вере о том, что видел во сне и что сказал ему Ангел. Ослушаться Ангела Вильгельм не посмел.

После того, как Вильгельм покался и исповедал свои грехи, он ещё больше стал проповедовать о пока-нии и исповедании. Эрих после искушения, также искренне исповедовался и два друга были опять вмес-те. Классен же постепенно стал отдаляться от них. Впоследствии, живя без жены, он развратился, потом переехал в Среднюю Азию и там умер.

После перенесённого искушения Эрих старался пре-достеречь других от этого. Братья учили кающихся ис-поведоваться искренне, от всего сердца, чтобы и они не впали в искушение. Некоторые, находясь в ссоре с неве-рующими соседями или друзьями, мирились с ними, и те, видя перемену в их жизни, тоже приходили к Богу, каялись и ревновали о Духе Святом. Господь чудно де-лал Своё дело, и церковь изо дня в день умножалась.

Вскоре уверовал и бывший учитель Вильгельма – Яков Петрович Браун. Ранее он слышал, что в Челябин-ске собираются верующие и руководит ими какой-то молодой Фризен. «Неужели это тот хулиган, который

учился у нас в школе?» – думал Яков Петрович и решил встретиться с ним. Да, это был тот самый Вильгельм, который учился в его в классе! Встреча была удивительная. Много вспоминали о прошлом. Яков Петрович рассказал, как учителя переживали о непослушных учениках, в числе которых был и Вильгельм. Директор даже ставил вопрос об исключении их из школы.

И вот, пришло время – ученик и учитель поменялись местами. Теперь Вильгельм наставлял своего старого учителя, как следовать за Господом. Очень много пришлось ему потрудиться. Яков Петрович никак не мог оставить своё прежнее убеждение и принять новое, о крещении Духом Святым. Его сыновья, приёмный Петя Классен и родные Федя и Петя, опередили отца, им Господь открыл Слово Божье и они получили Духовное крещение.

С Петей Классен Вильгельм учился в одном классе, и Петя не раз вспоминал, как Вильгельм колотил его в школе. Иногда провинившегося Вильгельма учитель заставлял вставать и отвечать за свои проделки. Некоторые ученики, в том числе и Петя, посмеивались над ним. Вильгельм же за спиной показывал им кулак – и на перемене следовала расправа. Ну а теперь школьные друзья стали братьями во Христе и часто, сидя рядом, мирно беседовали о Слове Божьем.

Как-то Вильгельма послали на бетонный завод, развозить бетон по объектам. На этот завод был так же направлен трёхтонник ЗИС, на котором работал Костя, отсидевший десять лет в тюрьме. Это был горячий, злой и неводержанный человек.

И надо же было такому случиться, что при разъезде, идя на большой скорости, с грузом 7 тонн бетона, Вильгельм не достаточно взял вправо; Костя же шёл порожняком. Задними колёсами они задели друг дру-

га, но в единоборстве между баллонами «Интера» и ЗИСа победа была на стороне семитонки. Скат Костиной машины лопнул и тут же спустил.

Оглянувшись, Вильгельм увидел, как Костя остановился, посмотрел на свой скат и помахал кулаком вслед «Интера». «Надо было остановиться и поговорить, – подумал Вильгельм, – ведь в этом есть и моя вина». Совесть сильно осуждала его. «Ладно, при встрече отдам ему два талона за два рейса, – решил он, – этого будет достаточно, чтобы компенсировать ему время, затраченное на ремонт ската». А Костя приехал на завод злой, страшно ругался и проклинал Фризену.

Взяв нож, он с нетерпением ждал Вильгельма и попросил своего друга, чтобы тот ему помог, если он сам не справится. Несмотря на то, что Костя хотел это сделать тайно, об этом узнали все шофера и даже диспетчер. Они вышли во двор, хотя обычно в это время все толпились в диспетчерской. Наконец появился «Интер», за рулём которого сидел Фризен. Заехав в ворота, он увидел толпу шоферов во главе с диспетчером, а в стороне – озлобленного Костю.

Приготовленные талоны были у Вильгельма в верхнем кармане, и только он ступил ногой на землю, как Костя кинулся к нему навстречу. Все с нетерпением ждали, что сейчас будет, но Вильгельм успел протянуть ему руку с талонами и сказать:

– Возьми два талона, Костя! Я виноват.

Он даже не предполагал, что Костя замыслил против него такое зло. Рука врага опустилась. Он растерялся, взял талоны и, видимо, остался довольным. Но сатана не был доволен, шофера ведь ждали не любовную встречу, а резню. Диспетчер крикнул:

– Бей богомола, ведь он назад бить не будет, ему нельзя!

Однако этот крик остался без ответа, жаждущие драки люди не получили удовлетворения.

Добро победило зло.

Через некоторое время старый «Интер» списали и Вильгельму пришлось работать на МАЗе. МАЗы были очень неудобные, громоздкие, руль – без гидроусилителя. Работать на них было очень трудно, особенно, когда возили землю. Вильгельм, чувствуя, что долго не сможет так работать, перевёлся медником в мастерскую.

И вот, однажды вечером, уже знакомый нам Костя принёс свой радиатор на ремонт. Когда Вильгельм испытывал радиатор, Костя вдруг сказал, что он тоже верит в Бога. Вильгельм с удивлением посмотрел на него:

– Ты веришь, что есть Бог?

– Верю, – ответил Костя и, взяв радиатор, ушёл.

Раньше, когда Костя работал на ЗИСе, ему часто приходилось возить бетон на «почтовый ящик», где на приёме работали заключённые женщины, бригадиром которых была боевая Маша. Костя познакомился с ней, и когда Маша освободилась, они поженились и поселились в бараке, по соседству с Пашковскими, которые, уверовав, готовы были всем рассказать о великой радости спасения. Слушая их, Костя и Маша заинтересовались Благой вестью и тоже стали искать Бога. В этот самый момент Костя и принёс свой радиатор Вильгельму, о котором уже много слышал от верующих. Теперь он сам хотел слышать от Вильгельма о Христе, а Вильгельм только с удивлением спросил:

– Ты веришь, что есть Бог?

Вскоре Костя и Маша покаялись и стали искренне служить Господу. Жили они между собой очень дружно. Костя привязался к Вильгельму и потом не раз вспоминал, как собирался его зарезать. Прожил Костя недолго, сильно заболел, он отошёл в вечность.

Благая весть о Господе распространялась. Число спасённых быстро росло. Со многими приходилось много трудиться. Так и с Ваней – мужем Марии, пришлось немало поработать, так как Слово истины ему было закрыто. Вильгельм много трудился с Ваней. По вечерам, и даже в обеденный перерыв он заглядывал к ним в маленькую комнатку, беседуя с ним о крещении Духом Святым, но пользы не было. Тогда Вильгельм обратился к Степану Ярошенко с просьбой, чтобы они с братьями помолились о Ване.

Через несколько дней Вильгельм опять заехал на РМС и Степан передал ему, что было сказано Духом Святым: «Скоро освободится брат Цимбал и через него Господь откроет Ване истину». Освободившись, брат Цимбал, имевший дар учительства, приехал к Фризенам и провёл короткую беседу с Ваней, потом помолились – и Ване открылось Слово Божие. Слушая эту беседу, Вильгельм смотрел на Ваню и удивлялся, как он соглашался со всем тем, что говорил ему Цимбал! В конце беседы Цимбал сказал:

– Пусть мне дадут целую гору золота, оно мне не нужно. То, что я имею – Дух Святой, я ни на что не променяю!

После этой беседы и молитвы Вильгельм подумал: «Я столько беседовал с Ваней, и он не понимал меня. А брат Цимбал в один вечер убедил его. Вот что значит иметь дар от Господа!»

Однажды, когда Вильгельм приехал с работы, Вера сказала ему, что Яков Петрович Браун сообщил, что нашлась Библия отца Вильгельма. И он тут же поехал к Браунам, которые жили в бараке на Бакале. Яков Петрович уже ждал его и подал ему карманную Библию в ко-

жаном переплётё. Дрожащей рукой Вильгельм взял её, открыл и увидел написанное рукой отца: «Пётр Фризен, Ференгейм». Взволнованный Вильгельм промолвил:

– Это писал мой отец! Это его Библия. Как же она к вам попала?

– Напротив нас живут Гейзеры, – ответил Яков Петрович, – узнав о том, что мы люди верующие, они сказали, что у них есть Библия и мы можем взять её почитать. Когда я открыл Библию и прочитал надпись, то понял, чья она и кто был ее хозяин.

– Где они, эти люди? – спросил Вильгельм.

Яков Петрович указал на дверь. Вильгельм постучался, ему открыла пожилая женщина, мать Гейзеров, и вот что он от неё услышал: – Внезапное нападение фашистской Германии разъединило и разбросало по всему миру много семей. Семью Гейзер выслали с Кавказа в Среднюю Азию, где они встретились с Агнетой, которая также была выслана туда.

– Был сильный голод, – продолжала старушка Гейзер, – чтобы не умереть, люди питались черепахами, которые обитали в пустыне, в шестидесяти километрах от нас. Черепах можно было ловить только рано утром, на рассвете, когда они вылезали из песка и питались влажной травой, на которую упала роса. Обычно за ними ходили в ночь с субботы на воскресенье, так как воскресный день был выходным. И вот, как-то, моя дочь, Агнета и другие люди, набрав черепах, кто сколько мог нести, шли домой под палящими лучами среднеазиатского солнца. Агнета сняла с головы платок и накрыла им черепах. Ей говорили: «Что ты делаешь? Накрой голову, можешь получить солнечный удар», – но она не слушалась, и вдруг остановившись, простонала: «Ой, ой, голова моя... голова моя», – дальше идти она уже не смогла. Немного помучившись, Агнета умерла.

Рассказав это, старушка Гейзер открыла чемодан и достала несколько фотографий, среди которых была большая – 18x25 см – семейная фотография, сделанная

в 1927 г. Увидев её, Вильгельм заплакал. С фотографии на него смотрели родные лица: милые родители, красавица Агнета, и себя, шестилетнего мальчика, увидел на ней Вильгельм.

Старушка Гейзер стала говорить о вещах Агнеты, видимо, думая, что Вильгельм потребует их от неё. Но он прервал её словами:

– Ничего мне не надо. Я знаю тяжёлые годы голода и нищеты. Самое большое богатство вы мне уже дали, – это Библия моего отца, которую Агнета сохранила как святыню.

Простившись со старушкой, счастливый Вильгельм с дорогим отцовским наследством вернулся домой. Дома он от всего сердца возблагодарил Бога за то, что Он сохранил для него такой дорогой подарок.

*Семейная фотография 1927 год
(шестилетний Вильгельм справа внизу)*

ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё это вкратце описал я вам, мои дорогие деточки. Теперь хочу, чтобы вы знали, что со мной происходило со дня моего ареста, 5 июля 1961 г. Во вторник, 4 июля, я почти весь день провёл дома, и Сашенька, мой сынок, будто что-то чувствуя, то и дело прибегал ко мне и садился на колени, я даже подумал: «Не прощается ли он со мной?» Вера, мамочка ваша, не раз говорила мне о том, что меня заберут. Но я всегда старался отвлечь её от этих горестных мыслей.

После обеда, посетив семью Браун, и возвращаясь домой, я увидел автомашину «Победа», в которой сидел человек в военной форме. Увидев меня, он поехал ко мне навстречу и, поравнявшись со мной, спросил:

– Вы Фризен? Я вам оставил повестку, завтра явиться в УКГБ (управление Комитета государственной безопасности). Не забудьте взять паспорт.

Дома я старался не показывать виду, чтобы не расстраивать Веру, но не в силах сдерживать внутреннее волнение, прилёг на диван, а Сашенька опять – тут как тут: сразу же подбежал ко мне.

Вечером к нам пришли братья – Миша Вильгельм и Отто Лайс, и мы рассуждали о том, как вести себя на допросе, что можно говорить и что нельзя. Помолвившись, гости оставили меня. Эта ночь была для меня очень тяжёлой.

Рано утром старшие детки – Аня, Вова и Эрнэ собрались на работу в подсобное хозяйство. Вы, наверное, помните, как, помолвившись с вами, я проводил вас со словами: «Не ссорьтесь на дороге». С тяжёлым сердцем, со слезами на глазах, я смотрел вам вслед.

Вскоре встали младшие дети. Помолвившись с ними и позавтракав, я попрощался и вышел из дому. На улице ещё раз оглянулся, посмотрел на балкон, но никого не увидел. Когда я обошёл соседний дом, ко мне вдруг

подбежала доченька Верочка и ещё раз обняла меня. Проезжая в трамвае мимо подсобного хозяйства, я видел вас, деточки, как вы, согнувшись, рвали лук.

Приехав в город, я вышел из трамвая и направился к уже хорошо знакомому, многоэтажному зданию КГБ. Вот и массивная дверь, которую мне не раз приходилось открывать. В коридоре меня ожидал старший следователь по особо важным делам Челябинской области, майор Староверов. Это был человек высокого роста, с суровым взглядом. Он приказал следовать за ним на третий этаж. Я возразил, так как следователь Колесников, который вёл моё дело, ввиду моей болезни, принимал меня на первом этаже. Но Староверов сухо сказал:

– Ничего, потихоньку поднимешься.

С большим трудом я поднялся на третий этаж. Следователь пригласил меня войти в большую, следственную комнату, в которой стояли прикрученные к полу стол и табуретка. Это было сделано для того, чтобы подследственный не смог бросить их в следователя. Вероятно, уже попадались такие молодчики.

Следователь взял у меня паспорт и стал что-то записывать. Потом спросил год моего рождения – я сказал, что не хочу с ними разговаривать, пока мне не вернут всё то, что взяли при обыске. Находившийся в комнате прокурор удивлённо спросил:

– Как? Я ничего не знаю.

Я стал объяснять этому „невинному прокурору“, что при обыске в моей квартире у меня забрали Евангелие, сборник «Гусли», журналы и много другой христианской литературы.

– Почему мне до сих пор ничего не возвратили, – спросил я, – хотя по закону должны были всё вернуть?

Прокурор пообещал, что сам всё проверит и, если это так, то всё вернёт. Составив протокол, прокурор сказал:

– Подпиши.

Подписывать я отказался. Староверов встал и быст-

ро вышел. Вернулся он с двумя молодчиками, подошёл к столу, взял бумагу и вручил мне со словами:

– Вот, Фризен, читай! Ты арестован.

Я прочитал санкцию прокурора, которая, по-видимому, была уже давно готова. И тут прозвучала команда:

– Встать!

Я встал. Майор сам обыскал меня, как разбойник, обшарил все карманы и составил опись. Вошедший милиционер повёл меня вниз, и мы опять вышли через эти тяжёлые двери. «Дай Бог, – думал я, – чтобы никогда больше их не видеть».

На крыльце милиционер велел остановиться, подъехал «чёрный ворон», открылась дверь, и я увидел внутри ещё несколько дверей. Одну из них открыли, и мне приказали залезть в боксик, такой маленький, что в нем нельзя было ни повернуться, ни встать, а только сидеть. Двери захлопнулись, щёлкнул замок, стало темно и очень душно. Машина тронулась. Я знал, что тюрьма № 1 находится недалеко от КГБ, и надеялся, что эти неудобства скоро кончатся, но машина продолжала ехать по каким-то ухабам. Наконец она остановилась и я попросил охранника, чтобы он приоткрыл немножко дверь, так как почти задохался, но последовал суровый ответ:

– Нельзя!

Вскоре машина опять тронулась, и в боксик стали проникать струйки свежего воздуха, от этого мне стало немного легче. Проехав ещё немного по ухабистой дороге, я почувствовал, что машина поехала по асфальту и остановилась. Воздуху сразу стало меньше, так как снизу был горячий асфальт, а сверху пекло июльское солнце. Моё больное сердце едва выдерживало это. Наконец открылась дверь и мне велели выйти. Яркий свет ослепил меня. Немного осмотревшись, я увидел тюрьму, страшную тюрьму!

Меня завели в приёмную. Я едва держался на ногах, казалось, был в полусознании. В приёмной уже нахо-

дился следователь Староверов, а за столом сидел дежурный, у которого были мои документы. Потом меня повели по длинному коридору и завели в комнатку в которой под самым потолком находилось маленькое окошко с решёткой. Стены в комнатке были шершавые – это делалось для того, чтобы на них не писали. Возле стены стояла скамейка, намертво прикрученная к полу, и бачок с водой.

Впервые в жизни я оказался в таком одиночестве, запертым под замок. Преклонив колени, в горячей молитве я обратился к моему Богу.

Часа через полтора меня вызвали. Ещё раз сделали тщательный обыск и отобрали всё, что у меня ещё оставалось: ремень, резинки для носков т.д. Сделали опись, записали адрес семьи, потом повели в другую камеру, из которой хлынул дымный воздух. В этой небольшой камере было человек двадцать пять, которые почти все курили и страшно ругались. Жутко находиться в такой среде христианину.

Статья 227, по которой нас обвиняли, гласит, что мы наносим вред людям, собираясь в необорудованных помещениях, мол, в таких условиях люди могут заболеть инфекционными болезнями. А здесь люди находятся в более страшных условиях, и не по два часа, как у нас на собраниях, а по несколько месяцев.

Находясь в этой камере я узнал, что все эти люди, также как и я, были арестованы в этот день. Знакомясь, один другого спрашивал, кто за что сюда попал. Спросили и меня. Я ответил. Услышав, за что меня посадили, стоявший рядом парень стал надо мной смеяться и рассказывать другим.

Наконец открылась дверь и нас всех, как овец, гуртом повели в парикмахерскую, а после того, как мы распрощались с волосами, отправили в баню.

Из бани выводили через другую дверь, где после прожарки нас ждали наши вещи. Выходя последним, я вдруг услышал, как кто-то крикнул:

– Баптист!

Это был тот самый парень. Взглянув на него, я подумал: «Какая тюрьма тебя исправит?» Был уже вечер, и я изрядно проголодался, так как с утра ничего не ел.

После бани нас привели в страшный, тюремный подвал. По всему Т-образному коридору подвала, который в нескольких местах, снизу доверху, был перегорожен железными решётками, на цементном полу лежала резиновая дорожка. Налево и направо, по обеим сторонам коридора, были двери, оббитые жёстью, с большим засовом и кормушкой, над которой находился «волчок». Никогда мне не приходилось видеть таких чудовищ, поэтому, детки, я решил вам об этом написать.

Кормушка – это окошко в двери величиной 20х18 см, через которое кормят заключённых. Чуть выше находится волчок, или глазок, – круглое отверстие диаметром 3 см. Там вставлено защитное стекло, чтобы вдруг кто-то не ткнул пальцем милиционера в глаз или не хлестнул горячим супом. Снаружи этот глазок закрывается крышечкой, так что изнутри ничего не видно, а когда дежурный хочет понаблюдать, он тихонько подходит по резиновому ковру, открывает крышечку и смотрит. В подвале были также карцеры и смертные камеры.

Нас привели на склад, каждому выдали матрас, наматрасник и маленькую подушку. Потом стали вызывать по фамилиям и распределять по камерам. Одним из первых вызвали меня. Надо было сказать имя, отчество, год рождения, статью. Когда я назвал статью, милиционер спросил, что это за статья. Я ответил: – религиозная. Корпусной дал указание отвести меня в 31-ю камеру.

Щёлкнул тяжёлый замок, открылась дверь, и я вступил на мокрый цементный пол узкой камеры, которая была примерно два метра шириной и пять метров длиной. В камере находился стол, скамейка, но большую её часть занимали двухъярусные нары. У двери стоя-

ла параша – обычный бачок с крышкой. Было сыро и очень грязно.

В камере никого не было, и я, наконец, мог излить Богу мою душу. Я плакал о вас, мои детки, и о вашей мамочке, ведь она ждёт меня и беспокоится. Попад в такое положение, невольно вспоминаешь слова апостола Павла, который говорит: – а мне вас жаль.

Стоя на коленях, я услышал, что кто-то подошёл к «волчку» и говорит: пусть молится, или – домолился, я не совсем понял.

Через маленькое окошко было видно, что уже совсем стемнело. Чувство голода не покидало меня. И тут на столе я увидел кусочек хлеба и на бумажке немножко кильки. Я очень обрадовался, воздал славу Богу и подкрепился.

Приглядевшись, я увидел, как по стенам ползут клопы. Вдруг из-под двери появилась крыса и тут же скрылась. Устав за день, я прилёг на матрас. Это была моя первая ночь в заключении.

Рано утром принесли завтрак – суп и хлеб. Потом повели на прогулку в прогулочный дворик, который находился во дворе тюрьмы. По расписанию прогулка длится час, но я, чувствуя себя плохо, попросился назад в камеру.

Вскоре меня вызвали на медицинский осмотр. Врач, темноглазая, круглолицая женщина, в звании майора, была очень суровой и грубой. По-видимому, долголетняя работа с разбойниками и ворами сделала её такой жестокой. Казалось, что она даже не замечала, что поступает не по-человечески. Окинув меня сердитым взглядом, она стала задавать разные вопросы относительно моей болезни. По-видимому, мои кроткие ответы смягчили её и она стала разговаривать со мной вежливей. Закончив осмотр, врач сказала:

– Вас не должны оставить в подвальной камере.

И действительно, я совсем недолго пробыл там, меня перевели на этаж выше, в спецкорпус № 32, в маленькую камеру, рассчитанную на четверых человек. В ней находились двое заключённых.

Двадцатилетний Сергей был весь в наколках. Каких только фраз не было на его теле! В тюрьме он сидел уже не раз, а теперь попал за групповую продажу угля.

Другой был вор-рецидивист. Вёл он себя странно – то сидел задумавшись, то вдруг начинал петь, то прохаживаться по камере от дверей до стола, три шага вперёд, три – назад, короче говоря, занимался одними поворотами. Познакомившись с ним поближе, я узнал, что этому молодому человеку грозит расстрел за групповое нападение на начальство лагеря.

Однако эти молодые люди относились ко мне вежливо, называли на «вы», особенно, когда узнали, что я верующий. И, что характерно, рецидивисты почти всегда с большим уважением относятся к верующим людям.

Через несколько дней к нам в камеру привели ещё одного заключённого, которого звали Эдик. Это был грузинский еврей, лет двадцати пяти, интересный и разговорчивый. Его посадили за спекуляцию.

Днём время проходило в разговорах и чтении книг, а ночью, когда все спали, моя подушка, набитая кло-чьями ваты, была мокрая от слёз. Иногда, преклонив колени, а иногда лёжа я изливал мои молитвы к Богу. Вспоминал, как Сашенька садился ко мне на колени и всё что-то рассказывал, как прощался я с вами, деточки, и с Верой, женой моей. «Как она переносит эту разлуку? Наверно, сильно плачет обо мне», – думал я.

Здоровье моё ухудшалось. На прогулку я почти не ходил, а если и выходил, то тут же садился на скамейку, так как почти не мог держаться на ногах. Ноги мои так опухли, что я уже не мог надевать тапочки. Находящиеся со мной в камере не раз советовали мне вызвать врача, но я, не желая встречаться с таким грубым врачом, терпел,

сколько мог. Но 24 июля мне стало так плохо, что я всё-таки попросил вызвать врача. Зайдя к нам в камеру, уже знакомая мне, сердитая женщина-врач, грубо спросила:

– Ну, что?

Я ответил ей, что у меня сильные сердечные боли и что тюремное питание для моего здоровья не подходит. Прослушав меня, она некоторое время стояла в раздумьи, потом сказала:

– Что-нибудь придумаем, – и вышла.

Через короткое время открылась дверь и надзиратель позвал:

– Фризен, с вещами!

Меня повели в тюремную больницу, в которой всё было, как на свободе: чистые кровати, белые простыни, большие и светлые окна, только в окнах были решётки, а в железных дверях – «волчок». Кормушек в этих дверях не было, так как еду приносили в палату.

Меня положили в палату № 5, где находилось пять кроватей. Одна из них была свободной, и я её занял. Как обычно, при встрече с новичком начались расспросы. Особенно много надо было знать одному еврею, которого звали Самуил Григорьевич Целковский. У него был такой большой живот, что, когда он садился, то живот лишь на одну ладошку не доходил до колен. Самуил Григорьевич много слышал обо мне из газет и по радио, и пока всё не расспросил, не успокоился. Состояние моего здоровья было действительно критическим, и я молил Бога, чтобы Он не прервал жизнь мою среди такого общества. Желание моё было – умереть в кругу моей семьи.

Мне назначили лечение, стали делать уколы и давать разные порошки. Питание в больнице, по сравнению со спецкорпусом, было неплохое. Лёжа на больничной кровати, я видел через большие окна, как днём, в тюремном дворе работали заключённые, а вечером отдыхала хоз.обслуга: играли в волейбол; раздавались звуки баяна и гитары.

Поддержав немного моё здоровье, меня под конвоем повели в следственную комнату, где я увидел моих братьев – Ваню Буллер, Эриха Шелинг и Андрея Дик. От радости я так растерялся, что два раза сказал: – Здравствуйте!

Увидев меня, братья тоже обрадовались. Разговаривать между собой нам было нельзя, но я всё же украдкой спросил Ваню, когда его посадили. Он ответил – 6 июля.

В следственной комнате, где мы находились, на столе лежали два толстых тома с нашими делами, с которыми нам разрешили ознакомиться. Нам было очень больно читать показания некоторых братьев и сестёр (имена здесь умышленно не указываются). Глядя друг на друга, мы удивлялись, как только они могли говорить такое! И как было приятно услышать, когда следователь Колесников сказал, что Нейфельд из Коркино, Николай из Синеглазово, Эбергардт из Потанино и сестра Феня Кляйншмит на допросе молчали, не желая быть предателями своих братьев. После короткого знакомства с делом, нас опять развели по камерам.

На следующий день следствие продолжили. В комнате на столе стоял магнитофон. Была включена запись, которую тайно сделали во время собрания на хлебозаводе. О, как приятно было слышать проповедь моих братьев! Особенно ясно был слышен голос брата Н.Петрова, который читал из Писания о том, как Христос воскресил Лазаря. Так же хорошо был слышен голос Отто Лайс.

После окончания продолжительных допросов нам предложили нанять защитников, но мы от них отказались. Задав ещё несколько вопросов, следователь дал указание отвести нас по местам. Вскоре обитателей пятой палаты перевели в восьмую, а в пятую разместили арестованных матерей с детьми.

Как-то утром к нам в палату зашла женщина невысокого роста и спросила:

– Есть такой – Фризен?

– Да, – ответил я.

– Приезжала ваша жена с передачей, подала заявление, и корпусной на заявлении написал – восемь, – сказала она, обратившись ко мне, – а я, зная, что восьмая камера – карцер, ответила ей, что вам не положена передача и что вы наказаны. Ваша жена, очень расстроенная, уехала домой. Потом приехал ваш брат и настойчиво просился к начальнику тюрьмы, чтобы выяснить, почему больного Фризена посадили в карцер? Дома я подумала: как же так, больной – и в карцер? И мне пришла мысль, а, может, это восьмая палата в больнице? Вот я и пришла это выяснить.

От такого известия я сильно расстроился, так-как больше всего беспокоился о моей жене. Я попросил эту женщину-надзирательницу, чтобы она постаралась как можно скорей сообщить об этом Вере, и уже через несколько дней я получил хорошую передачу, в которой были даже баночки со сгущённым молоком, что в обычных передачах не принимают. Надзирательница сказала моей жене, что она может привозить передачи чаще.

Наконец пришёл долгожданный момент, мне дали свидание с моей дорогой семьей! Та же надзирательница, которая принимала передачи, пришла за мной и повела на свидание. Взволнованный, я зашёл в маленькую комнату, в которой стоял перегородженный посередине длинный стол. Эта перегородка была для того, чтобы приехавшие посетители не могли ничего передать заключённому.

Мне сказали занять место по правую сторону стола. Я сел и стал ждать. И вот открылась дверь, и я увидел моих милых деток и дорогую жену. Много потребовалось мне мужества, чтобы удержать слёзы. Надзирательница, по-видимому, чувствуя себя виновной за

происшедшее с передачей, разрешила малышам зайти на мою сторону. Посадив их к себе на колени, я рад был остаться так с ними навсегда. Но полчаса пролетели очень быстро и время свидания закончилось. Мы распрощались, и мою семью увели.

После этой встречи у меня на сердце стало спокойнее, так как я увидел моих родных живыми и здоровыми. До этого я о них ничего не слышал и не знал, много думал и переживал. Находясь в заключении, я понял, что такое разлука.

По состоянию здоровья я всё ещё находился в тюремной больнице. В палате № 8 мы остались вдвоём с Николаем Кузнецовым, которому при аресте сломали правую руку, всех остальных выписали. Когда Николая увозили на следствие, я оставался один и имел возможность проводить время в молитве.

Особенно хорошо было, когда дежурил старенький надзиратель: он всю ночь не заглядывал в глазок. Но когда дежурил молодой, то он часто подкрадывался к двери и подглядывал за мной. Двери нашей палаты были расположены так, что один угол нельзя было видеть через «волчок». Как-то, взяв книгу, я специально сел в невидимый для него угол. Молодой надзиратель, заглянув несколько раз в «волчок» и, не видя меня, открыл дверь.

– А я уж подумал, что вы ушли в самоволку! – сказал он.

Убедившись, что я на месте, он закрыл дверь и ушёл, но через короткое время опять открыл её и строгим голосом приказал:

– Сядьте на другое место, мне вас не видно!

Недолго мы с Николаем пробыли в палате вдвоём. Вскоре к нам положили старика лет семидесяти и двадцатилетнего парня. И опять новые знакомства, новые

истории – страшные истории. Этот семидесятилетний старик совершил жуткое преступление. Постоянные ссоры в доме сильно действовали на него, и он часто грозил жене:

– Я отрублю тебе голову!

И вот однажды, когда она мыла пол, а он проходил мимо, они опять стали ругаться. Жена, разозлившись, ударила его ведром по щеке и хотела убежать, но он, поймав её, схватил лежавший на сундуке молоток и стал колотить её по голове. После этого взял топор и тремя ударами отрубил ей голову. Жутко даже писать о таком.

Другая история была не менее страшной. Двадцатилетний парень, которого положили в нашу палату, был сильно влюблён в девушку, но она ему отказала, и тогда он в ярости нанёс ей одиннадцать ножевых ран. Затем, тем же ножом, ударил себя четыре раза в область сердца, но всё мимо. У ножа, которым он орудовал, лезвие было длиной в тринадцать сантиметров. Последний удар он, видимо, сделал уже в беспмятстве, и нож остался у него в груди, его потом с большим трудом вытащили. И вот теперь, после операции, его положили в нашу палату. На его грудь было страшно смотреть. Четыре раны были возле самого сердца, а ещё ниже – длинный шрам от операции.

Глядя на этого молодого человека, я думал: «Вот что делает плотская любовь». Когда он пришёл в сознание, то с утра до вечера только и повторял:

– Лизочка, Лизочка! Милая моя! – похоже было, что у него повредился разум.

Вскоре мне сообщили, что моё дело передано в суд, и опять потекли скучные дни. Картина за окном не менялась: высокий забор, густая колючая проволока от столба до столба, а за ними – тонкие, едва заметные

провода, видимо, под напряжением.

Отсутствовавший неделю, Самуил Григорьевич Целковский, опять вернулся в нашу палату. Его уволили на суд. Он имел уже четвёртую судимость. Целковский был человек с удивительными умственными способностями, обладал хорошей памятью и знал почти всё. Особенно хорошо разбирался в политике, знал, что происходит за границей и у нас в правительстве. Помнил все имена, отчества и фамилии, мог обо всём очень интересно рассказывать, но стоило ему в чём-нибудь возразить, как он тут же возбуждался и чуть не до драки доказывал своё. Но, если его уличали во лжи, он, как Ванька-встанька, умело выкручивался.

Как-то он рассказал, что работал заготовителем по сбору железа. В разговоре упомянул Виктора Геер, моего бывшего друга, как будто Виктор, работая на автокране и занимаясь погрузкой железных балок, так много зарабатывал, что в короткое время построил себе дом и купил автомашину «Волга». Когда я сказал ему, что это неправда и никакого дома и машины у Виктора нет, он быстро выкрутился:

– Ну, тогда у него много денег!

Вступать с ним в словопрения было нельзя. Он сразу краснел, глаза чуть ли не выкатывались, слюни летели во все стороны, и он готов был с любым вступить в кулачный бой. Я не раз говорил ему:

– Самуил Григорьевич, как вы унижаете себя своим невоздержанием, как это некрасиво!

– Я иначе не могу! – отвечал он.

Вскоре, после суда, нам пришлось с ним расстаться, так как его перевели в тюрьму.

Рано утром, 28 августа 1961 г. мне первому принесли завтрак. После завтрака конвой отвёл меня в здание, где принимали подследственных, и откуда они отправлялись дальше. В одной из камер, куда меня завели, я встретил моих дорогих братьев – Ваню, Эриха и Андрея. Нас передали в распоряжение конвойного полка

МГБ. Солдаты, служившие в этом полку, строго соблюдали все уставы и беспрекословно выполняли указания своего командира, который порой кричал так, что терял человеческий облик.

Нас, по одному, завели в надзорную комнату, где сделали тщательный обыск и передали дальше под расписку. Потом выдали сухой паёк – кусок чёрного хлеба и немного селёдки. Затем быстро посадили в «воронок» и повезли на суд.

Когда машина остановилась, через оконные решётки мы увидели большое скопление людей. Вдруг замки наших дверей щёлкнули и раздалась команда:

– Выходи!

Выйдя из машины, я увидел дорогих мне братьев и сестёр, стоявших по обе стороны короткого пути до дверей здания. А как я обрадовался, когда увидел мою жену Веру, которая стояла впереди, на самом видном месте!

Нас завели в маленький зал, где была клетка для подсудимых. В ней было так тесно, что нам пришлось сидеть плотно прижавшись друг ко другу.

Время шло, но суд не начинался. На следствии нам сказали, что суд будет публичный, на площади, а теперь объявили, что он будет закрытый. Однако в зале было много корреспондентов с магнитофонами, что при закрытом суде не допускалось.

Людей вокруг здания было так много, что они заполнили все проходы и мешали работникам суда заходить и выходить. Народ шумел и требовал, чтобы дали помещение побольше, мы же продолжали сидеть в железной клетке и ждали своей участи. И вот, наконец объявили, что суд состоится в клубе ферросплавного завода. Вся масса людей тут же двинулся туда. Нас опять посадили в «чёрный ворон» и повезли в заводской клуб. В фойе клуба нам разрешили пообедать. Раскрыв скромный паёк, мы подкрепились. В это время братья – Петя Браун, Эмиль Комник и другие упрасивали конвой, чтобы им разрешили передать нам

что-нибудь из продуктов, но им в этом отказали.

Примерно через два часа объявили, что суд переносится на следующий день. Нас опять отвезли в тюрьму и поместили в комнату с шероховатыми стенами. В этот раз нас долго не разводили по нашим камерам и мы имели возможность о многом переговорить.

На следующий день нас опять повезли на суд, который должен был состояться в Зелёном клубе Металлургического района, недалеко от того места, где мы жили. Узнав об этом, я очень обрадовался, так как и мои дорогие детки, которых я так давно не видел, могли прибежать туда. Когда „чёрный ворон” подъехал к Зелёному клубу, мы опять увидели множество собравшихся людей.

Эту поездку плохо перенесли Ваня и Эрих, их тошнило и рвало, а жестокие охранники грубо кричали на них. Когда Эрих сказал, что ему плохо, то в ответ услышал:

-Терпи!

Бедные мои братья, еле живые, вышли из воронка.

Как прошёл первый день суда, описывать не буду. Хочу только написать, что когда мне дали слово, то строго предупредили ничего не говорить о Господе, и я по сей день жалею, что ограничился тем, что говорил только в свою защиту.

И вот закончился первый день суда. Нас опять привезли в камеру с шероховатыми стенами, куда собирали дневной сбор преступников. Камера была маленькой, а в неё натолкали так много людей, что было трудно повернуться. Несмотря на то, что воздуха и так не хватало, его ещё отравляли курильщики. Мне стало плохо. Я присел у дверей на корточки и был рад, когда в камеру заводили очередного арестанта, так как при этом я мог вдохнуть немного свежего воздуха. Впрочем, этого хватало ненадолго. Я стал стучать в двери, надзиратель, посмотрев в «волчок» спросил:

– В чём дело?

– Человеку плохо! – крикнул кто-то ему в ответ.

Но надзиратель не обратил на это никакого внимания. Тогда кто-то из заключённых стал так тарабанить в дверь, что охраннику всё же пришлось открыть её. Увидев, что я нахожусь в полуживом состоянии, он отвёл меня в соседнюю, пустую камеру. Там, вдохнув свежий воздух, я заплакал. Я плакал и благодарил Бога за то, что Он не дал мне задохнуться и умереть в этом аду. И тут я услышал, как открылась дверь камеры, где я только что был, и раздался крик старшего охранника:

– Кто стучал?!

– Тут человек чуть не умер, – ответили ему.

Тогда он подошёл к камере, в которой я находился, и, с треском откинув замок, открыл дверь и опять закричал, глядя на меня:

– Кто стучал?!

– Люди за меня стучали, – тихо ответил я.

Услышав мой кроткий ответ и увидев заплаканные глаза, он смягчился и, закрыв дверь, ушёл. Это и не удивительно, что охранники ведут себя как звери, потому что люди, с которыми им приходится иметь дело, очень распушенные, наглые и хитрые.

При встрече с врачом я сказал ему, что не могу находиться в такой, переполненной людьми, камере. На следующий день, после суда, меня сразу же направили в больницу.

Суд продолжался шесть дней. В последний день суда наш конвой одели в парадную форму. Когда нас выводили через парадную дверь, с обеих сторон толпилось много людей, желая ещё раз посмотреть на «страшных преступников». В этот день в тюрьму мы возвратились раньше обычного. В больницу меня не отвели, а отправили вместе с братьями в свободную камеру. Я

предложил им преклонить колени и обратиться к Отцу Небесному с молитвой о сохранении народа Божьего, а также о нас, ибо мы не знали, что нас ждет.

В этот раз нас опять долго держали в камере, пока не были собраны все преступники этого дня. Я мог бы попросить, чтобы меня отвели в больницу, так как такое указание дал врач, но мне хотелось подольше побыть с братьями.

Вечером нас отвели в баню, где опять постригли, а одежду сдали в дезинфекцию для уничтожения насекомых. После бани нас отвели в подвал, где мы с братьями расстались. Их повели в одну сторону, а мне пришлось подняться на второй этаж. В коридоре второго этажа корпусной оставил меня одного, а сам пошёл разводить других арестантов по камерам. Я простоял без охраны минут двадцать, что казалось очень странным.

Вдруг вижу, – ведут по коридору, с прогулки, человек двадцать пять, среди них – толстяка Целковского. Проходя мимо меня, он тихо спросил:

– Сколько? – и я в ответ показал ему пять пальцев, т.е. пять лет.

Было уже поздно, когда я вернулся в больничную палату, где меня ждал остывший ужин, который мне подогрела добрая надзирательница, дежурившая в этот вечер.

Потянулись однообразные дни. Я всё ещё находился в больнице. Как-то к нам в палату положили подростка лет четырнадцати. Он ночью упал и повредил себе челюсть. Ему сделали операцию, и когда он смог немного разговаривать, то рассказал нам о себе. Оказывается, он и другие дети (младшему было всего девять лет), под руководством 18-летнего парня, поймали учительницу и надругались над ней. За это и сидели теперь под следствием. Позже я услышал, что 18-летнего юношу приговорили к расстрелу, а подросткам дали от трёх, до пяти лет заключения.

Этот подросток, которого положили к нам в палату, был очень наглый и крайне испорченный. Он много хвастался своими похождениями, в том числе – тем, что воровал велосипеды и мопеды, а потом продавал их за бесценок, лишь бы хватило на выпивку. На левой руке у него было шесть прожжённых пятен, диаметром в копейку.

– Что это? – спросил я у него.

И он похвастался, что каждое пятно – это литр водки, объяснив:

– Горящую папиросу надо поставить на кожу руки, а ртом потягивать, чтобы огонь прожигал кожу. Если выдержишь, – получишь литр водки, а если нет, – то сам поставишь.

Страшно, что делают эти, безбожно воспитанные, дети! О, Господи, сохрани моих детей и детей Твоего народа от этого развращённого мира!

На личном свидании во время первого заключения

Первое свидание, 1961 год

Вильгельм в заключении, его место на фотографии занял дедушка

Дети Вильгельма: Аня, Володя, Вера и Павлик

*Вильгельм, освободившись в 1966 году, посетил г.Челябинск
(Вильгельм в заднем ряду в центре)*

14 сентября 1961 г. мне приказали собраться с вещами. Это значило, что меня отправят на пересылку. Меня завели в уже хорошо знакомую мне камеру с шероховатыми стенами, и там я опять встретился с Иваном, Эрихом и Андреем. Братья рассказали мне, что всё это время, после суда, они находились вместе, в одной камере. По их рассказам, они много беседовали, пели и молились. Я был очень рад, что Бог дал им возможность иметь такое дорогое общение.

Вскоре нас посадили в „воронок” и повезли на пересылку. Там поместили в маленькую камеру, в которой не было окон, а людей было так много, что пришлось плотно стоять друг около друга. Обстановка была ужасной, почти все курили и страшно ругались – преддверье ада. Я старался держаться ближе к двери, где было немного больше воздуха. Находились мы в этой камере довольно долго, так что народ стал волноваться, стучать и кричать. Наконец открылась дверь, и мы увидели дневной свет и вдохнули свежий воздух.

Нас вывели во двор и повели в трёхэтажное здание. На втором этаже всех опять закрыли в камеру – побольше прежней и с двумя окнами. Там нам опять пришлось очень долго ждать, так что заключённые подняли крик. Вдруг дверь открылась и всех стали вызывать по фамилии. Нас, четверых, назвали первыми. Надзор сказал:

– Стариков – в хорошую камеру!

Под расписку выдали кружку, ложку и повели по коридору в камеру № 34, в которой уже находилось тридцать человек в возрасте старше сорока лет. Кругом были сплошные нары. Нам дали место внизу, где было немного темновато, но воздух там был лучше. Я был очень рад, что мог быть вместе с моими дорогими братьями.

Расположившись на своих местах, мы тут же занялись письмами, которые можно было отправлять два раза в месяц. Через несколько дней нас вызвали на

свидание, где я увидел моих любимых детей и мою Верочку. С ними также был папа, отец моей жены. Очень быстро пролетели радостные полчаса и пришло время расставаться. Мы получили передачу и отправились в своё «купе».

На свиданке мне передали подушку, так как на голых нарах было очень неудобно лежать. Спать приходилось на шубе, а под голову класть мешок с вещами. Эрих и Ваня, несмотря на твёрдую подстилку, спали очень крепко. А вот Андрею Дик не спалось. Я тоже мучился бессонницей из-за нехватки воздуха, да ещё сильно мешала спать „связная труба“, которая была расположена недалеко от меня и проходила через все этажи. Зимой труба служила для отопления, а в настоящее время заменяла телефон. Заключённые стучали кружкой по трубе, таким образом делая вызов, и с другого этажа шёл такой же ответ. Потом слушающий ставил кружку дном к уху, а говорящий дном к трубе. И эти разговоры, щедро одобренные нецензурщиной, продолжались с раннего утра и до позднего вечера.

Над нами была камера № 58. В ней находились женщины, которые не только своей речью, но и всем своим видом и даже взглядом отвращали от себя любого порядочного человека. Из их камеры по трубе неслась ужасная мерзость. Своей страшной руганью они во много раз превосходили мужчин.

И когда поздно вечером этот страшный телефон переставал работать, «телефонщики» продолжали пересказывать услышанное до поздней ночи. А ранним утром всё начиналось сначала: одни стучали кружкой по трубе, продолжая переговоры, другие же, в чём-то не поняв друг друга, так ругались, что дело доходило до драки.

Находясь в этом аду, мы пытались, как могли, увещевать этот безбожный народ. Говорили им о спасении и Божьей любви, о Вечном Суде и т.д. Многие внимательно слушали и задавали вопросы, а другие насмехались.

Лёжа на нарах, я чувствовал нехватку кислорода, поэтому старался спать, сидя за столом, положив под голову подушку, которую мне передала жена. На прогулку нас водили ежедневно. Я же с трудом добирался до прогулочного дворика и там садился на скамейку, так как почти не мог ходить. Надзиратели, которым Господь дал сострадание ко мне, не ругали меня за то, что я всегда отставал.

Пищу, которую нам давали, я почти не мог употребить, так как от нее у меня болел желудок. Печень тоже сильно увеличилась, и с сердцем становилось всё хуже. Мне советовали обратиться к врачу и лечь в больницу, но я старался терпеть, сколько мог, потому что не желал расставаться с братьями. И вот, после нескольких мучительных ночей я понял, что долго так не протяну.

25 сентября был день моего рождения. В честь этого я каждому из братьев дал по яблоку и по две вафли, которые у меня остались от передачи. Как хорошо и приятно жить братьям вместе! Так говорил Давид, но расстаться нам всё же пришлось. Ночью, третьего октября, мне стало совсем плохо, воздуха не хватало ни лёжа, ни сидя. К счастью, кормушка была открыта, её часто открывали для проветривания, и я старался через неё дышать воздухом из коридора.

Надзиратель, видя мои страдания, вызвал дежурную медсестру. Вскоре пришла добрая, пожилая еврейка – дай Бог ей всего хорошего за её доброту! Она проверила мой пульс и тут же велела отвести меня в процедурную, где сделала укол. От укола мне легче не стало, и меня положили в больницу. Всё это произошло так быстро, что я даже не успел попрощаться с братьями.

В тюремной больнице я пролежал до 6 октября, где меня постоянно поддерживали уколами, а потом перевели в центральную больницу. Дорога в цент-

ральную больницу проходила совсем близко от нашего дома. О, как рвалось мое сердце – хоть на несколько минут заглянуть домой, к вам, детки! Но машина быстро промчалась мимо.

Центральная больница находилась в лагере, в 30-ом посёлке. Здесь мне всё было знакомо, ведь на моих глазах всё это строилось. Сколько раз мне приходилось быть на этом месте, и я никогда не думал, что окажусь здесь в роли заключённого.

Женщина, в руках которой были наши личные дела, называя фамилии, пропускала всех через вахту, где нас встречал надзиратель. Опять был произведен обыск, после которого нас повели в больничный барак. В коридоре барака я снова встретил Целковского, который раньше меня попал в эту больницу и мне „посчастливилось” опять быть с ним в одной палате.

Не успел я расположиться, как меня тут же вызвали к главному оперу. Идти надо было через вахту, в другую зону. Войдя в кабинет, я увидел знакомого мне ещё с трудармии опера, с раскосыми глазами. В кабинете также находился какой-то военный. Они стали задавать мне вопросы, касающиеся религии, и насмехаться над Богом. Я старался говорить не много, так как знал, что они вызвали меня только с одной целью – чтобы посмеяться надо мной.

В разговоре они затронули вопрос о приношении детей в жертву, на что я ответил:

– Мне Бог дал девять детей, и все они живы. А где ваши дети? Сколько их вы принесли в жертву в гинекологическом отделении?

Мой начальник опустил глаза – видимо, виновен был в этом жертвоприношении. На прощание опер сказал:

– Смотри, если будешь вести здесь пропаганду, то запрячем тебя подальше!

Возвращаясь назад я сильно промёрз, так как на улице было очень холодно, а на мне была лёгкая одежда.

Охрана и надзиратели, с которыми я раньше часто

встречался, работая на машине, и которым возил дрова, уголь и т.д., теперь смотрели на меня, как на зверя в клетке. Это и не удивительно после всего того, что писали обо мне в газетах, говорили по радио и показывали по телевидению. Я же старался всё это переносить в смирении.

Больница, в которой я теперь находился, была очень грязной. Уборная была в страшном состоянии, и зловоние из нее распространялось по всему коридору. Видя всё это, я вспомнил, как нас обвиняли на суде:

– На своих сборищах обвиняемые совершали обряды, которые, по существу, являются антисанитарными и способствуют распространению заразных болезней.

Нас также обвиняли, что там, где мы проводили собрание, уборные не отвечают правилам гигиены, а тут, в центральной тюремной больнице, уборная без канализации и такая грязь!

В этой больнице три палаты были под замком. В них находились умалишённые больные. Последняя дверь направо вела в изолятор, в котором были железные решётки почти до потолка.

Однажды вечером, проходя по коридору мимо изолятора, двери которого были открыты, я увидел, что под самым потолком, на решётке сидит человек, а санитар уговаривает его спуститься вниз. После долгих уговоров тот, наконец, слез, но только санитар отвернулся, он тут же, как кошка, опять быстро по решётке забрался на самый верх.

С такими больными санитары поступали очень осторожно, потому что бывали случаи, что сумасшедшие с диким криком кидались на людей. Невольно возникал вопрос: неужели и сумасшедших судят? И я подумал о себе: что я инвалид второй группы, имею девять детей, но кого это волнует? У них свои законы.

Целковский старался и здесь всех перекричать и переспорить. Да и вряд ли нашёлся бы такой человек, который бы знал больше чем он. Евреи вообще люди одарён-

ные, поэтому большинство из них занимают руководящие должности. Так и здесь, начальником больницы был еврей, а начальницей нашего корпуса – еврейка, по имени София. Целковский быстро нашёл с ними общий язык, и ему жилось лучше, чем всем остальным.

В нашей палате лежал старик по кличке – Колчак. Его посадили за то, что он отрубил своей жене обе руки, теперь же он лежал парализованный и умирал медленной смертью. Через несколько дней он ушёл из этой жизни, а куда ушёл? Как страшно...

Как-то вечером во второй палате раздался страшный крик. Кричал молодой парень, которого посадили за тунеядство. На пересылке он сильно заболел, и его положили к нам, в центральную больницу. Он так кричал и бился о стены, что разбил колени до крови. Его держали и связывали, но ничего не помогало. Кричал он всю ночь, а к утру крик стал стихать, и вдруг совсем стало тихо – навсегда, он умер. Напрасно старушка ждёт сына домой, он к ней никогда не вернётся...

16 октября 1961 г. начал работу XXII съезд КПСС. Заключённые внимательно слушали радио и читали газеты, ожидая изменения законодательства в нашу пользу. Но, увы, министр внутренних дел, Шепилов, в своей речи подчеркнул, что мы, – заключённые, являемся внутренними врагами и очень отрицательно действуем на окружающих.

23 октября я получил письмо от Веры, в котором была фотография моих дорогих детей. В письме Вера ободряла и утешала меня, чтобы я мужался и крепился. Читая это письмо, я плакал. Как хорошо иметь такую жену, которая, оставшись без мужа с девятью детьми, в скорби и нужде имела в себе столько сил, чтобы утешать меня!

По времени мне уже было положено свидание, но Роза Александровна, мой врач, была категорически

против, так как состояние моего здоровья было критическим. Услышав это, я сильно расстроился и просил её, чтобы она дала разрешение на свидание. Я говорил ей, что это пойдет мне на пользу, так как я очень тоскую по родным.

– Хорошо, – согласилась Роза Александровна, – я вам разрешу, но смотрите, чтобы это не повлияло на ваше здоровье.

О, как я возрадовался! На другой день, находясь в комнате для свидания, я с нетерпением смотрел на дверь, которая наконец открылась и я увидел вас, мои дорогие деточки! Малышам снова разрешили перейти на мою сторону. Сашенька расположился на моих коленях и никак не хотел уходить. Он так радостно смеялся, а Димочка, мой младший сынок, немного чуждался. Это и не удивительно, за это время он отвык от меня.

О, как хотелось, чтобы эта радостная встреча с вами никогда не кончалась! Но быстро пролетело время, и настал час тяжёлого расставания.

Через несколько дней меня вызвали к врачу, чтобы обсудить вопрос о выписке из больницы. Мне пообещали дать ещё одно свидание в следующем месяце, а потом выписать. Я сообщил об этом домой и с радостью ожидал этого дня. Но начальница корпуса, без согласия Розы Александровны, решила выписать меня и ещё некоторых больных. Все уговоры и просьбы были напрасны, она не поддавалась, и я подумал, что это не без содействия КГБ. Надежда на встречу с родными рухнула. Слезы мои были мне хлебом день и ночь... Целковского же, у которого состояние здоровья было намного лучше моего, оставили в больнице.

Первого ноября 1961 г. нас, человек двадцать, погрузили в «воронок» и повезли на пересылку. Там я встретил некоторых, уже знакомых мне, заключён-

ных, которые сообщили что Андрей, Ваня и Эрих до сих пор находятся в камере № 34. Услышав это, я стал просить, чтобы меня направили в эту же камеру, но на моей карточке уже было отмечено врачом – камера № 20. Это была больничная камера, и она отличалась от других тем, что в ней давали одеяло, подушку и диетическое питание.

Заключённые, находившиеся в этой камере, были, в основном, жуликами и ворами. Узнав о том, кто я, – а слух о нашем процессе дошёл и сюда, – они стали задавать мне много вопросов. Потом, оставив меня на время в покое, начали играть в карты и при этом так страшно ругались, что мне хотелось оттуда убежать.

Когда в камеру приводили новенького, воры старались его тут же обобрать, но узнав, что я имею девять детей, меня не тронули и даже, когда я получил передачу из дома и хотел их угостить, ничего не взяли.

Чудно хранил меня Господь среди этого мира! В камере, где я находился, было человек двадцать пять, тогда как в другие загоняли до 130-ти. Люди в переполненных камерах спали, где придётся, – на столе, на полу, около параша. Ни жалобы, ни ругань заключённых не помогали, ответ был один:

– Вас сюда никто не звал!

Несмотря на сильные морозы, заключённых каждый день выводили на прогулку. Но многие, не имея тёплой одежды, на улицу не выходили. Во время прогулки было видно, как из окон переполненных камер валит пар.

Так, в ожидании распределения по лагерям, заключённые томились от двух до семи месяцев. Как-то, находясь в прогулочном дворе, я стоял и думал: «Не выведут ли и моих братьев на прогулку?» Вдруг слышу – за спиной говорят о верующих из соцгородка. Я обернулся и увидел, что это один из главных воров, финн по национальности, разговаривает с вором из нашей камеры, который, показав на меня, сказал:

– Так вот же он, Фризен!

Тут финн подошёл ко мне и между нами завязалась интересная беседа. Он неплохо разбирался в вопросах религии. Когда-то у него на квартире жили верующие, которые имели много духовной литературы, и он её с интересом читал. К верующим он относился с уважением, но сам был далёк от Бога. Звали его Виктор Георгиевич Радищев. Он был осуждён на восемнадцать лет и отсидел уже семнадцать. Но долгие годы заключения не стёрли в нём интеллигентность и порядочность.

14 ноября нас повели в баню, приказали взять с собой постель и все вещи для сдачи в дезинфекцию. В этот раз нас проверяли намного тщательней, чем раньше, заставляли выворачивать карманы и сдавать всё по отдельности, затем побрили и постригли. Сильно уставший от этих процедур, я, наконец, добрался до своей камеры и только расстелил матрац, чтобы отдохнуть, как открылась дверь и меня позвали:

– Фризен, с вещами!

Я сразу догадался – это на этап. Собрав последние силы, я стал собираться. И вот я опять в хорошо знакомой мне комнате с шероховатыми стенами, в которой уже находилось человек сорок. Там я узнал, что нас хотят отправить в ИТК-16 (исправительно-трудовую колонию).

Тут началась суматоха, сдача кружек, ложек, книг. Потом нас провели через вахту и передали в конвойный полк, где всех тщательно обыскав, выдали сухой паёк и повезли на вокзал.

Вскоре подошёл поезд Челябинск-Магнитогорск, и нас по трапу стали заводить в вагон. Вокруг стоял конвой со злыми овчарками. Я попал в первое „купе“. Расположившись на полке, я наконец смог немножко перекусить – хлеб с маслом остался у меня ещё от передачи.

Потом, скорчившись, привалился головой на мягкую подушку, полученную в передаче через Веру, от Анюты Буллер. С Челябинского вокзала наш поезд отправился в половине одиннадцатого вечера, а в четыре часа утра прибыл на станцию Тимерланд, где нас снова ожидал конвой и открытые машины.

Стоял сильный мороз. Нам приказали сесть в кузов машины, на белые от мороза доски. Я не стал жалеть подушку – подложил её под себя. Когда машина поехала, ледяной ветер пронизывал до костей. Укутавшись в шубу и подняв воротник, я с жалостью смотрел на тех, которые были в тоненьких брючках и телогреечках. Несколько раз наша машина, ехавшая первой, останавливалась, тогда люди быстро вставали и топали ногами, чтобы согреться. Наконец, появились огоньки лагеря, и машины остановились.

Открылись ворота и нас, перечислив по фамилиям и тщательно обыскав, завели в лагерь. Это и был тот лагерь – ИТК-16, в котором я должен был отбывать срок.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТЕЙ

Наш отец, Вильгельм Фризен, описавший в заключении свою жизнь, посвятил эти записи своим детям. О себе он писал под вымышленным именем, и готовые части рукописи тайно передавал, во время свиданий, на волю.

Жизнь его, действительно, была, как бушующее море. Ещё в 1940-х годах им заинтересовались органы КГБ и строго предупреджали его, чтобы он оставил религиозную деятельность.

Летом 1956 г. наша семья переехала из барака в благоустроенную двухкомнатную квартиру. В это время папа уже был инвалидом второй группы, но продолжал усердно трудиться в церкви, которая быстро росла. Вначале верующие собирались группами по домам. Потом построили небольшой молитвенный дом. В этом, хотя и с низким потолком, помещении, было очень уютно. В нём звучали песнопения, проповедовалось Слово Божие. Там пребывал Господь!

Нам запомнилось, как в этом доме, на одном из праздников жатвы, папа, играя на арфе, пел вместе с нами – детьми, псалом «Да, этот день уж близок, день великий и страшный». Вскоре, по приказу властей, молитвенный дом был разрушен, но верующие продолжали собираться на развалинах. Много раз приходили сотрудники милиции, пытаясь разогнать собрание, но христиане, плотно окружив проповедника, продолжали проводить служение. Однако с наступлением холодов пришлось опять, разбившись на группы, собираться по домам.

Как-то нашу семью посетил епископ, брат Иван Славик и, помолившись над нами – детьми, благословил нас. Этим он показал папе, как надо благословлять детей. После этого в нашей церкви рукоположенные братья стали совершать это служение.

Церковь жила в большой любви и единстве, что очень не нравилось врагу душ человеческих. Он всячески старался чинить препятствия, применяя при этом свою хитрость и искусство.

Однажды было назначено большое водное крещение, но оно не состоялось, так как милиция, расставив везде свои посты, не пропускала никого к воде. Папу же и ещё некоторых братьев посадили в машину и увезли в милицию, где им сделали строгое предупреждение.

В нашей небольшой квартире всегда было много людей. Папа для всех находил время, чтобы помолиться, побеседовать, дать нужный совет.

Здоровье же его ухудшалось. Из-за сердечных приступов приходилось часто вызывать скорую помощь. Но когда он чувствовал себя лучше, то всегда находил себе занятие. Папа хорошо шил одежду, а также обувь. Очень любил рисовать картины маслом и сам изготавливал для них рамы. Каждой новобрачной паре он старался подарить свою картину. Одна из его работ находилась у старшего сына Володи.

Своими руками отец сделал несколько музыкальных инструментов. Особенно красивой была арфа, на которой он сам играл. Когда мама болела, папа становился поваром. Мы очень любили, когда он готовил, и всегда охотно принимали в этом участие.

Несмотря на то, что у папы было много труда в церкви, он уделял своим детям много внимания и многому научил нас: плести сетки-сумки, делать деревянные игрушки, учил плавать, играть на музыкальных инструментах, петь. Почти каждый вечер мы засыпали под его пение, которое он сопровождал аккомпанементом на гитаре.

Дома мы были окружены большой родительской заботой и любовью. В школе же нас сильно притесняли, били, обзывали богомолами. В газетах всё чаще стали появляться статьи, порочащие верующих. Много неправды писали и про папу, будто он очень богат, что у

него на Кавказе есть дом и прочую ложь.

Дьявол хитро подходил к папе через представителей власти, которые говорили:

– Ну, посмотри, Фризен, как ты живёшь с девятью детьми в двухкомнатной квартире! Отрекись от Бога – и получишь большую квартиру со всеми удобствами и обстановкой. Или хотя бы подпиши, что не веришь в Бога, и будешь иметь всё!

Однажды, рано утром, к нам в квартиру нагрянул следователь Колесников в сопровождении милиции и предъявил ордер на обыск. Проснувшиеся дети были напуганы таким вторжением. В качестве свидетелей пригласили соседей.

За короткое время в доме было всё перевернуто. Один из милиционеров, роясь в сундуке, спрашивал:

– Где вы прячете оружие?

При обыске была конфискована вся духовная литература, песенники, письма. Просматривая папины записи, Колесников вдруг рассмеялся:

– Смотрите, что здесь написано! Фризен меня во сне видел – будто я нахожусь в тюрьме!

Папа действительно видел сон, в котором следователь Колесников, в грязном бушлате, находясь в тюремном лагере, рыл яму. Прошло немного времени – и этот сон исполнился. Колесникова за взятку посадили в тюрьму.

После обыска в нашей квартире, соседи, которые были понятыми и знали из газет о «богатом Фризене», были очень поражены нашей бедностью, которую они увидели, и с тех пор стали с большим уважением относиться к нашей семье, стараясь помочь нам, чем только могли.

Вскоре после этого, в июле 1961 г., папу арестовали, об этом он пишет в своих записях. Затем был суд, о котором много писали и сообщали по радио и телевидению, стараясь возбудить людей против нашей семьи и, вообще, против верующих. Иногда, идя по улице, мы

слышали вслед ругань и насмешки обозлённых людей. Однажды вечером, разбив стекло, к нам в квартиру залетел большой камень и упал недалеко от ребёнка, но Господь сохранил от беды.

*Дальний Восток.
Дом, в котором поселилась семья Фризен приехав с Челябинска*

Как-то до мамы дошёл слух, что её хотят лишить материнства. Это было бы сверх её сил, и она, посоветовавшись с братьями, решила покинуть Челябинск. В мае 1963 г. она с детьми выехала на Дальний Восток и поселилась в небольшой деревушке Покровке Яковлевского района Приморского края. На краю этой деревни стоял заброшенный домик, в котором была только одна комната и кухня. Он был так беден, что старшая дочь Аня, увидев такое убогое жильё, села на чемоданы и разрыдалась, причитая:

– Да как же мы будем здесь жить?!

Но другого выхода просто не было. Нам пришлось

приспосабливаться и к домику, и к непривычной деревенской жизни, которая вскоре нас так закружила, что было некогда думать, нравится нам здесь или нет. Маму и старших детей сразу же послали работать в колхоз, где приходилось трудиться с раннего утра до позднего вечера. Ни праздников ни выходных не было. Володя в четырнадцать лет работал наравне со взрослыми мужчинами и часто – в ночные смены.

В колхозе мы обрабатывали поля, где росли помидоры, огурцы, арбузы, картофель, свёкла... Трудились также на пасеке, сенокосе, лопатили пшеницу на току. Кроме колхозных работ надо было успеть обработать и свой огород в пятьдесят соток, заготовить дрова на зиму и т.д. От колхоза мы получали пятнадцать рублей в месяц, этих денег едва хватало на сахар, соль, хлеб и соевое масло. Остаток зарплаты выплачивали в конце года. Питались мы очень скудно. Суп сдабривали поджаренной мукой, для цвета и вкуса. И хотя порой бывало очень трудно, мы видели над собой руку Божию, чувствовали Его заботу и любовь!

Младшие дети часто оставались дома без присмотра старших. Однажды восьмилетний Павлик ушёл один в тайгу, которая была совсем рядом, и заблудился. С Божьей помощью его нашли. Как-то дети, играя на улице, услышали доносившийся из дома громкий крик. Забежав в дом, увидели большую змею, которая, стоя на хвосте заглядывала в стоящую на полу кастрюлю с кормом для поросёнка, а рядом на кровати кричала во всё горло Машенька. Оказалось, под домом было змеиное гнездо, в котором обнаружили ещё несколько ядовитых змей.

Жители села с уважением относились к маме, а на одном из колхозных собраний поблагодарили её за добросовестный труд и хорошее воспитание детей. Ей вручили цветы и сказали много добрых слов.

Но вскоре в краевой газете появилась большая статья под названием – «Почему Петя не стал пионером»,

в которой писали о нашей семье: кто мы, откуда приехали, за что сидит наш «преступник-отец», почему дети не пионеры и какие мы страшные враги народа! Сколько мужества потребовалось маме, чтобы после такой клеветы опять встретиться с односельчанами. И вот, взяв тятки на плечи, она с одной из дочерей отправилась на прополку свёклы. Свёкольное поле было разделено по 21-му ряду на каждую семью (это пятьдесят соток). Подходя к полю, они увидели председателя колхоза в окружении рабочих, которые, глядя в их сторону, что-то говорили и смеялись. Когда мама поравнялась с ними, председатель спросил:

— Вера Дмитриевна, а почему это ваша свёкла выглядит лучше, чем у других? Вам что, Бог помогает?

— Да, помогает, — ответила мама и пошла к своему участку.

На протяжении всего дня в адрес мамы летели насмешки. Людей, после выхода статьи в газете, было не узнать, их как подменили.

К вечеру небо потемнело, надвигалась гроза. За рабочими прислали грузовую машину. Когда мама с дочкой сели в кузов, там уже было много женщин, и в их адрес с новой силой посыпались насмешки. Некоторые возмущались:

— Как это в наше время можно верить в Бога?!

Раскаты грома слышались всё ближе и ближе. Вдруг, совсем недалеко от машины, раздался ужасный треск. Ослепительная молния со страшной силой ударила в край поля, образовав глубокую воронку. Во все стороны полетели комья земли. Все те, кто только что глумились над Богом, в страхе попадали на колени, ударяясь лбами о пол кузова, молясь и крестясь, кто как мог. Так Бог показал этим безбожникам, что Он есть, всё видит и слышит, и им пришлось преклонить пред Ним свои колени! После этого происшествия насмешки прекратились.

В июле 1966 г. освободили нашего папу, и он вернулся в свою семью, к уже подросткам детям. За эти годы, из-за гонения на христиан, многие верующие из Челябинска выехали в Среднюю Азию. Находясь в узах, папа очень переживал и молился о духовном состоянии церкви. И хотя ему понравился Дальний Восток, находиться вдали от церкви он не мог. Дождавшись, когда нам выплатили годовой заработок за трудодни, в январе 1967 г. мы выехали в Среднюю Азию.

Дорога была очень тяжёлой и долгой – мы ехали поездом девять дней. Вагон был переполнен. Папа лежал головой к проходу, ему не хватало воздуха, и от этого он очень страдал. Несколько раз его хотели снять с поезда и положить в больницу. Да ещё случилась беда: основные продукты, заготовленные в дорогу, украли и мы остались ни с чем.

Но вот, наконец, поезд прибыл в разрушенный землетрясением Ташкент, где нас встретил папин племянник Ваня Валл, который проживал в Ахангаране. Он приютил нас в своём доме. Папу же сразу положили в больницу.

В мае 1967 г. наша семья приобрела домик на краю Ахангарана. Старшие дети устроились на работу, и стало немного легче жить. Под руководством папы мы отремонтировали и переделали свой дом, заодно научившись штукатурить, бетонировать, делать саманные кирпичи и другие строительные работы. Четвертого февраля 1968 г. в нашей семье появился десятый ребёнок – Юрочка.

Наш дом посещали приезжавшие отовсюду братья и сёстры, молодёжь. Проводились богослужения, большие братские общения.

Однажды к нам, без предупреждения, приехало много молодёжи. Перед этим мама сварила кастрюлю борща. В это время у нас в гостях была сестра Тая Зей-

бель, и вместе с нами она очень переживала, чем накормить приехавших гостей. Помолившись над кастрюлей, мама с сестрой Таей начали кормить молодёжь и с удивлением наблюдали, что борщ в кастрюле не кончался. Это было чудо!

Вскоре мы стали замечать, что власти наблюдают за нами. Соседям поручили следить за нашим домом, что некоторые охотно исполняли, но одна соседка, жившая через дом от нас, наотрез отказалась быть Иудой и рассказала об этом маме.

Однажды, когда папа проводил хлебопреломление в доме Вани Валл, ворвались милиционеры, на ходу всех фотографируя. Находившийся на этом служении Петя Изаак, случайно услышав, что сотрудники милиции собираются ехать к нам с обыском, как-то сумел выскользнуть из дома и, сев на свой мотоцикл, помчался к нам и сообщил об этом. Эрна, которая осталась дома с младшими детьми, стала быстро выносить духовную литературу во двор курятника и прятать под лежавшую там кучу дров. И только она успела закончить, как подъехала машина, осветив фарами двор. Из неё выскочили сотрудники милиции во главе со следователем Бубновым.

Папу, как арестованного, они привезли с собой и завели в дом. Нам всем, находившимся в доме, приказано было оставаться на своих местах и к каждому был приставлен милиционер. Начался обыск.

Перевернув весь дом и ничего не найдя, они с фонарями вышли во двор, обыскав его и, тоже ничего не обнаружив, направились к курятнику. Эрна, видя это, побежала в комнату, упала на колени и стала молить Бога, чтобы Он не допустил их к тому месту, где она всё спрятала. Выйдя из комнаты, она увидела, что милиционеры возвращаются обратно. Постояли, покурили, поговорили и опять направились к курятнику. Эрна опять побежала молиться...

Бог чудно поставил преграду и не допустил их уви-

деть то, что лежало совсем рядом, что можно было найти даже без фонарей, так как в такой спешке лучше спрятать было нельзя.

Вернувшись в дом, следователь составил протокол, что ничего запрещённого в доме Фризена не нашли. Обратившись к папе он сказал:

– Ну ты, Фризен, и хитрый! Всё попрятал!

В январе 1969 г. многих верующих стали вызывать на допросы, в том числе и членов нашей семьи – Аню и Веру, а Эрну посадили в камеру предварительного заключения (КПЗ). Молодёжь усердно, с постом, молилась за нее и после четырёх суток её освободили. А на другой день приехали за папой и на носилках (он был сильно болен) вынесли его из дому и увезли в больницу, запретив кого-либо к нему пускать.

Каждый день его допрашивал следователь. Папу заводили в неотапливаемую комнату в одной пижаме, где за столом сидел тепло одетый следователь, пил горячий чай с конфетами и часами вёл допрос.

В этой больнице работала санитаркой сестра Анна Пашковская, которая несколько раз, поздно вечером, тайно устраивала нам свидания с нашим папкой, на которого без слёз нельзя было смотреть. Он был очень болен и весь дрожал от холода, говорил, что никак не может согреться после очередного допроса.

Вскоре его увезли в КПЗ. Следствие продолжалось. На допросах с верующими обращались очень грубо, били, толкали, обзывали. Особенно жестоким был следователь Полванов. Газеты тоже старались как можно больше очернить христиан. Арестовали ещё несколько братьев, в том числе, племянника папы – Ваню Валл.

И вот наконец был назначен суд, который должен был состояться в соседнем городе Ангрене, где тоже было много верующих и также шло следствие, после которого арестовали несколько братьев. По всему городу были расклеены афиши с приглашением «на суд сектантов». Из-за множества народа никак не мог-

ли подобрать подходящее помещение. Наконец нашли большой дворец, но и он едва вмещал в себя всех пришедших. Было так тесно, что в дверях некоторые буквально лезли друг на друга, чтобы что-то увидеть. Народ был очень агрессивен, ожесточён и был готов нас разорвать.

Здоровье папы было очень плохое, из-за чего не раз приходилось прерывать судебные заседания. Один раз его вынесли на носилках и положили во дворе. Весь народ повалил на улицу, но подойти близко было нельзя, так как милиция образовала вокруг него большое, плотное кольцо. Видя, как страдает наш папа, мы плакали, но ничем не могли ему помочь, как только молиться. Врачи не смогли облегчить его состояние и папу увезли, а суд перенесли на другой день.

Перед оглашением приговора, папе разрешили сказать последнее слово. Он спокойно, вкратце, стал рассказывать о своей жизни и о том, как сильно любит Господа. В зале стояла тишина, многие, слушая его речь, плакали.

Затем был оглашён приговор – пять лет строгого режима с конфискацией личного имущества и после пяти лет заключения – пять лет ссылки. Так закончился суд, который длился семь дней.

После суда папу отправили в Ташкентскую пересыльную тюрьму. Находясь в камере, которая была точно такой же, как в Челябинской тюрьме, он вдруг вспомнил, что тогда, когда он впервые попал в заключение, Господь открыл ему, что он ещё раз будет в узлах. Но он забыл об этом и ни разу не вспомнил, пока не оказался в точно такой же камере.

Из-за тяжёлого состояния здоровья его перевели в тюремную больницу. Питание там было очень плохое, а передача папе была положена только раз в полгода и

всего пять килограмм. С каждым днём он становился всё слабее. Мы непрестанно молили Бога об его освобождении. С помощью Валентина Бюллер, мама написала много писем с просьбой о помиловании папы. Однажды она даже летала в Москву и добилась приёма у высокопоставленного лица, но и он сказал ей, что помочь ничем не может. Оставалась только одна надежда – на Господа.

Видя безнадежное состояние Фризена, врачи хотели активировать его. Но из тюрьмы так просто не выпускают. Люди там умирают, как мухи, и как их хоронят, никто не знает. Папа молил Бога, чтобы Он дал ему умереть в кругу своей семьи.

Господь утешал его и много вразумлял через сновидения. Как-то во сне Он показал ему: большая, разъярённая собака треплет зубами папку с его делами. А в этой тюремной больнице работала верующая сестра из Ташкента, и она рассказала маме, что приезжал главный прокурор Ташкентской области и, проверяя папины документы, был очень зол, не желая его активировать, как того хотели врачи. Но Господь слышал наши молитвы, и однажды ночью, одной из его дочерей было сновидение: загорелось табло – 2.2.22. И она услышала голос: «Папа придёт домой».

В то время мы не могли понять, что означают эти цифры, когда же его освободили, оказалось, что в заключении он пробыл ровно два года, два месяца и двадцать два дня! Господь исполнил то, что обещал, и в мае 1971 г. врачи активировали его, как нежизнеспособного, сказав, что жить ему осталось две-три недели.

Взяв такси, мы привезли папу домой. Он был так слаб, что едва держался на ногах и от волнения не мог говорить, только слёзы текли по его щекам. Под руки, тихонько, мы завели его в дом, переступив порог которого, он с трудом произнёс:

– Преклоним колени и возблагодарим Господа!

И полилась горячая молитва всемогущему Богу за

это чудо, что Он совершил, – вывел нашего папу из такого страшного места. После молитвы, уложив его в кровать, мы вызвали скорую помощь.

Последнее семейное фото. Ахангаран. Лето 1971 г.

К возвращению папы, у старших детей, Ани и Володи, уже были свои семьи. Когда у Ани должен был родиться первый ребёнок, папа написал из тюрьмы, что у них будет дочка. И теперь, когда он вернулся домой, Аня спросила, откуда он знал, что у них родится дочка.

– Господь открыл мне, что я увижу одну внучку и Он меня заберёт, – ответил папа.

Других же своих внуков – а их восемьдесят четыре – он уже не увидел. Три месяца после освобождения папа пробыл в кругу семьи, много рассказывая о том, что он перенёс в узах и как Господь утешал его, вразум-

ляя через сновидения, что Он выведет его из тюрьмы, ибо для Него нет ничего невозможного.

Всё это время, пока папа был в узах, власти не давали покоя нашей семье. После того, как был вынесен приговор конфисковать его личное имущество, пришла комиссия описать, что он имеет, но так как у него ничего не было, решили забрать полдома. На протяжении двух лет представители власти приходили к нам и рассуждали, что открыть в этой половине дома – парикмахерскую или какой-нибудь магазинчик. Наш дом находился на окраине города и для этих целей не подходил. Нам разрешили пользоваться этими комнатами, постоянно напоминая о том, что как только они понадобятся, мы должны будем их освободить.

Папа, находясь уже дома и видя, как они ходят и осматривают дом, просил их:

– Оставьте нас, дайте мне спокойно умереть.

А время шло, и мы видели, что жизнь его угасает. Братья предлагали усиленно молиться об исцелении, но он не хотел, говоря, что устал и хочет уже домой.

Как-то в обеденное время папа позвал нас молиться и во время молитвы возвысил голос и стал молиться так, как никогда раньше. Мы почувствовали какое-то движение и поняли, что сейчас что-то произойдёт, чего мы боялись и к чему не были ещё готовы. Мы тоже стали громко молиться и с плачем просить:

– Господи, не забирай от нас папу!

Когда мы встали с колен, папа тихо сказал:

– Что же вы сделали, я уже почти был у Господа, а вы помешали...

Да, это был бы чудный переход, но с родным, любимым человеком нам было очень трудно расстаться. После этого здоровье его резко ухудшилось, стали сильно опухать ноги. Опухоль поднималась всё выше и выше, дошла уже до пояса. Теперь он мог только сидеть, так как в лежачем положении опухоль давила ему на сердце.

В последние дни своей жизни папа говорил:

– Как любит меня Иисус, как любит!

– Он скоро придёт за мной!

И пел свои любимые псалмы – «Да, с Господом всегда», «Светлый рай ожидает в небесах». Дня за два до своей смерти, он подняв глаза, стал смотреть вверх. Лицо его озарилось восторгом. Продолжая смотреть вверх, он водил глазами, полными удивления и радости, говоря:

– О, Иисус, как хорошо! А я и не думал! О, а я и не знал!

Наблюдая за ним, мы стали спрашивать его:

– Что ты видишь?

Но он ничего не отвечал, возможно он нас и не слышал, а только всё смотрел вверх и повторял:

– Как хорошо! Как хорошо! А я и не знал! Столько лет я проповедывал о Царствии Небесном и никогда не думал, что там так хорошо!

Потом он опустил голову и мы решив что он заснул, вышли из комнаты, прикрыв дверь. Одна из дочерей присела на диван в соседней комнате, так как была её очередь дежурить около папы. Вдруг она услышала звук открывшейся двери – обе половинки двери были распахнуты, а на пороге, в белоснежной одежде, стоял папа. Правой рукой, которая была поднята выше головы, он держал большую виноградную кисть, размером примерно в один метр, а левой поддерживал её снизу. Всё его лицо озаряла лучезарная улыбка. С любовью глядя на дочь, он медленно прошёл мимо неё, затем подошёл к выходной двери и исчез. Взглянув на дверь она увидела, что дверь в комнату закрыта. И тут она поняла, что это было видение.

Всё это произошло перед его уходом с этой земли. В пятницу, 3 сентября 1971 г., с улыбкой на устах, наш папа отошёл в вечность.

Многие братья и сестры пришли проводить в последний путь своего дорогого брата. Газеты и тут не

умолчали, сообщив, что в воскресенье, 5 сентября, состоялись многолюдные похороны одного священника.

Так окончился короткий и тернистый путь нашего дорогого папы, который оставил нам добрый след своей жизнью. Много наставлений мы получили от него, а перед смертью он сказал нам:

– Дети, живите свято, и тогда мы непременно встретимся!

*1953 год. В гостях у Вильгельма старший брат Корней.
Ваня с Марией и их дочь Ира (слева).*

*Эту машину Вильгельм
сделал для своего сына
Володи.*

*На фотографии старшие дети Вильгельма и Веры,
коляска также изготовленна руками Вильгельма.*

Вилгельм с Верой и старшей доченькой.

Семейное фото после первого заключения. Ахангаран. 1967 год.

Август 1971 год. Ещё вместе...

Вильгельм со своим младшим сыном. Последние дни жизни.

Оглавление

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА.....	5
КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ АЙВАЗОВСКОГО	10
В ВОЛНЕНИЯХ ЖИТЕЙСКОГО МОРЯ	14
ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТЕЙ	188

